

ISSN 2500-2988
УДК 32:93:316

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2021. Т. 12. № 1

**Учредитель
и издатель:**

Московский
педагогический
государственный
университет

Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67762
от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, каб. 223

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Исторические науки

- 07.00.02 – Отечественная история
- 07.00.03 – Всеобщая история
- 07.00.09 – Историография,
источниковедение и методы
исторического исследования
- 07.00.15 – История международных
отношений и внешней политики

Политические науки

- 23.00.01 – Теория и философия политики,
история и методология
политической науки
- 23.00.02 – Политические институты,
процессы и технологии
- 23.00.03 – Политическая культура
и идеологии
- 23.00.04 – Политические проблемы
международных отношений,
глобального и регионального
развития
- 23.00.05 – Политическая регионалистика.
Этнополитика
- 23.00.06 – Конфликтология

Сайт журнала: j-locus.ru

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85007**

ISSN 2500-2988

LOCUS | PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

2021. Vol. 12. No. 1

**The Founder
and Publisher:**
Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate
ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:
Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research

The journal has been published since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be accessed via: j-locus.ru

Редакционная коллегия

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*)

Фёдор Александрович Михайловский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*)

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*)

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета

Игорь Валентинович Бочарников – доктор политических наук; руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, г. Москва

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; заведующая кафедрой политических исследований России и постсоветского пространства Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии и социологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания

Джованни Савино – PhD (история); профессор Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; научный сотрудник Университета Неаполя им. Федерико II, Италия

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Николай Иванович Смоленский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва

Дмитрий Борисович Фролов – доктор политических наук, доцент; профессор кафедры «Защита информации» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; заместитель директора Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Александр (Алек) Давидович Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; старший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль

Александр Иванович Юрьев – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета

Editorial Board

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*editor-in-chief*)

Fedor A. Mikhailovsky – Dr. Hab. in History; Head at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*deputy editor*)

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*executive secretary*)

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University

Igor V. Bocharnikov – Dr. Hab. in Political Sciences; Head, Research Center of the National Security Studies, Moscow, Russian Federation

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Head at the Department of Political Studies of Russia and the Former Soviet Union of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Associate Professor at the Department of Socio-Political Research and Technology of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Aleksandr (Alek) D. Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher at the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher at the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Dmitry B. Frolov – Dr. Hab. in Political Sciences; Associate Professor at the Chair “Computer Law”, National Research Nuclear University “Moscow Engineering Physics Institute” (MEPhI), Russian Federation

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head at the Department of Political Science and Sociology of the Institute for Social and Humanities, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University, Russian Federation

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Assistant Professor of the UNESCO Chair on Asian and African Studies “Modern methods of studying and teaching of Institute of Asian and African Studies”, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom

Giovanni Savino – PhD in History; Senior Lecturer, University of Naples Federico II, Italy

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; Deputy Director of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Nikolai I. Smolensky – Dr. Hab. in History; Professor, Head at the Department of New, Modern History and Methodology of the Institute of History and Philology, Moscow Region State University, Russian Federation

Alexander I. Yuriev – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Содержание

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

А.А. Маслова

Печатать запрещается: к вопросу о публикации биографии А.Н. Радищева в 1858 году 11

*Э.В. Хубулова, Л.Ч. Хаблиева,
Б.Б. Гаглоева*

Жалобы бывших красных партизан Осетии на лишение их этого статуса (1933–1935 гг.) 20

К.А. Юдин

Вот до чего довела Вас дружба с американцами! Особенности советской культурной политики в середине 1950-х – 1970-е гг. 30

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

А.Ю. Можайский

Территориальное развитие Фив в микенский период. 47

Б.С. Карпов, А.А. Орлов

Эволюция мировоззрения Уильяма Годвина: влияние ранних ценностных установок на выработку общественно-политической концепции 59

А.Н. Бурлаков

Конституционные и децентрализаторские проекты режима Виши (1940–1944): наследие прошлого в современной Франции. 74

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Е. Виноградов

Rugi и формы этнонима Русь в средневековых европейских источниках: связь или совпадение? 90

М.В. Батиев

Новые архивные документы по истории советских пленных в Норвегии в годы Великой Отечественной войны. 104

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

М.А. Елдин, С.И. Малоземов

Аграрная политика Никейской империи и духовно-нравственный фактор в истории восстановления византийской державы	119
--	-----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ*А.М. Родригес-Фернандес*

Противоречивые тенденции социально-экономического развития арабских стран (конец XX – начало XXI вв.)	133
---	-----

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

А.Б. Ананченко

Рецензия на монографию: Богачев А.В., Кузнецов А.В., Хохлов А.А. <i>Рутены – руги – русь: века, дороги, судьбы.</i> Самара, 2019	147
---	-----

Contents

RUSSIAN HISTORY

A.A. Maslova

Forbidden to print: On the issue of publishing the biography of A.N. Radishchev in 1858 11

E.V. Khubulova, L.Ch. Khablieva, B.B. Gagloeva

Complaints of former Red partisans of Ossetia about their deprivation of status (1933–1935) 20

K.A. Yudin

This is what your friendship with the Americans has brought you!
Features of the Soviet cultural policy in the mid 1950's – 1970's 30

GENERAL HISTORY

A.Yu. Mozhaïsky

Territorial development of Thebes during the Mycenaean period 47

B.S. Karpov, A.A. Orlov

The evolution of the worldview of William Godwin: The influence of the early philosophical attitudes on the development of his socio-political concept 59

A.N. Burlakov

Constitutional and decentralization projects of the Vichy regime (1940–1944): The heritage of the past in contemporary France 74

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

A.E. Vinogradov

Rugi and the forms of the ethnonym *Rus* in medieval European sources: Connection or coincidence? 90

M.V. Batshev

New archival documents on the history of Soviet prisoners of war in Norway during the Great Patriotic War 104

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGY

M.A. Eldin, S.I. Malozemov

The agrarian policy of the Nicene Empire
and the spiritual and moral factor in the history
of the restoration of the Byzantine Empire 119

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS,
GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT*A.M. Rodrigues-Fernandes*

Contradictory trends in the socio-economic development
of Arab countries (late XX – early XXI centuries). 133

CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

A.B. Ananchenko

Review of the monograph:
Bogachev A.V., Kuznetsov A.V., Khokhlov A.A.
Rut(h)eni – rugi – rus: centuries, roads, destinies.
Samara, 2019. (In Rus.). 147

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-11-19

А.А. Маслова

Первый Московский государственный медицинский университет
им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет),
119991 г. Москва, Российская Федерация

Печатать запрещается: к вопросу о публикации биографии А.Н. Радищева в 1858 году

В статье проанализирована история несостоявшейся публикации портрета и биографии А.Н. Радищева (1749–1802) в журнале «Иллюстрация» в 1858 г. Данный сюжет примечателен тем, что тот же очерк жизни и деятельности писателя вместе с его портретом, а также стихотворением на его кончину выдающегося просветителя и поэта И.П. Пнина (1773–1805) уже появлялись в печати в 1858 г. в журнале «Русский вестник». История цензуры в Российской империи содержит немало подобных прецедентов, однако этот фрагмент позволяет не только выявить символическое значение того направления русской общественной мысли, которое в конце XVIII – начале XIX вв. представляли А.Н. Радищев и И.П. Пнин, но также проясняет особенности государственной политики по надзору в сфере печати в начальный период реформ Александра II и раскрывает тенденции расширения границ свободы слова, проявившиеся в обход официального законодательства.

Ключевые слова: цензура в России, свобода печати, А.Н. Радищев, И.П. Пнин, цензор Н.Ф. фон Крузе, Московский цензурный комитет, русская общественная мысль XIX века

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Маслова А.А. *Печатать запрещается*: к вопросу о публикации биографии А.Н. Радищева в 1858 году // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 1. С. 11–19. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-11-19

© Маслова А.А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-11-19

A.A. Maslova

I.M. Sechenov First Moscow State Medical University
(Sechenovskiy University),
Moscow, 119991, Russian Federation

Forbidden to print: On the issue of publishing the biography of A.N. Radishchev in 1858

The article analyzes the history of the failed publication of the portrait and biography of A.N. Radishchev (1749–1802) in the magazine “Illustration” in 1858. This story is notable for the fact that the same essay of the life and work of the writer, along with his portrait, as well as a poem on his death written by the outstanding educator and poet I.P. Pnin (1773–1805), already appeared in print in 1858 in the magazine “Russian Bulletin”. The history of censorship in the Russian Empire contains a number of similar precedents, however, this fragment allows not only to reveal the symbolic significance of the direction of Russian public thought, which in the late XVIII – early XIX centuries was represented by A.N. Radishchev and I.P. Pnin, but also clarifies the features of state policy on supervision in the field of press in the initial period of reforms of Alexander II and reveals the trends of expanding the boundaries of freedom of speech, which manifested themselves in circumvention of official legislation.

Key words: Censorship in Russia, freedom of the press, A.N. Radishchev, I.P. Pnin, N.F. fon Kruse, Moscow censorship Committee, public thought of the XIX century

FOR CITATION: Maslova A.A. *Forbidden to print: On the issue of publishing the biography of A.N. Radishchev in 1858. Locus: People, Society, Culture, Meanings. 2021. Vol. 12. No. 1. Pp. 11–19. (In Russ.)* DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-11-19

В 1858 г. в истории русской журналистики и следящей за ней цензуры произошли два, казалось бы, взаимоисключающих события: была запрещена к печати биография Александра Николаевича Радищева (1749–1802), уже опубликованная ранее в том же году в 18-м томе «Русского вестника». Подобные прецеденты в истории российской цензуры случались и раньше (см., например [3]). Данный же сюжет примечателен

не только действующими лицами, но вдобавок представляет интерес для прояснения вопроса о свободе печати и журналистики, а также истории взаимоотношений власти, общества и бюрократии начального периода правления императора Александра II, когда были изменены цензурные правила, не затронувшие Устав предыдущего царствования. В настоящей статье проанализированы документы¹ из архивного дела Российского государственного исторического архива (они уже были введены в научный оборот [4]), раскрывающие мотивацию цензурных ведомств при запрещении к публикации материалов о Радищеве, уже появившихся ранее в печати.

В 1858 г. сын Радищева Павел отправил в журнал «Иллюстрация» (выходил в 1858–1863 гг.) для опубликования портрет его отца со стихотворением И.П. Пнина и изображением г. Илимска вместе с видом дома, где жил Радищев в ссылке [1, с. 15]. Упомянутое стихотворение Пнина было написано в 1802 г.² Будучи глубоко тронут смертью А.Н. Радищева, Пнин тогда написал «Послание к Брежинскому»³:

*Уста, что истину вещали,
Увы! – навеки замолчали,
И пламенный ума погас;
Сей друг людей, сей друг природы,
Кто к счастью вел путем свободы,
Навек, навек оставил нас!
Кто столько жертвовал собою
Не для своих, но общих благ,
Кто был отечеству сын верный,
Был гражданин, отец примерный
И смело правду говорил,
Кто ни пред кем не изгибался,
До гроба лестию гнушался,
Я чаю, тот довольно жил⁴.*

В советской историографии утвердилась идея о том, что именно Пнин заложил основы положительной оценки творчества и роли Радищева в развитии отечественной общественной мысли [1, с. 7; 5, с. 45].

¹ Относительно помещения в «Иллюстрации» портрета А.Н. Радищева со стихами И.[П.] Пнина и с видами города Илимска и дома, где жил Радищев. 14 октября 1858 – 15 мая 1859 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 777 (Петроградский комитет по делам печати (Петербургский цензурный комитет) МВД). Оп. 2. Д. 138.

² Опубликовано впервые только через 56 лет. См. сноску 4.

³ Брежинский Андрей Петрович (1777–?) – русский поэт. В 1801 г. познакомился с А.Н. Радищевым в период работы в Комиссии составления законов, совместно с Пниным посещал его дом в Петербурге.

⁴ Радищев П.А. Александр Николаевич Радищев / Вступ. А. Корсунова, с прим. М. Лонгинова // Русский вестник. 1858. Т. XVIII. Ноябрь–декабрь: кн. вторая. С. 427.

Как известно, личность А.Н. Радищева вошла в историю под революционным знаменем в связи с его книгой «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) и одой «Вольность» (1781–1783). Запрет императрицы Екатерины II печатать его произведения и упоминать автора, несмотря на реабилитацию Радищева при императоре Павле I и возвращение на государственную службу при императоре Александре I, положили начало двум противоположным тенденциям. С одной стороны, репутация Радищева как революционера подтверждалась цензурными запретами, и это же, помимо содержания самого произведения, подпитывало интерес к его творчеству и расхождению в различных рукописных текстах «Путешествия...», с другой стороны, имя Радищева сознательно замалчивалось. В доказательство последнего обычно приводятся произведения об истории русской литературы и развитии общественной мысли: ни у Н.И. Греча, ни у В.Г. Белинского имя Радищева не упоминается [7, с. 27]. Работа А.И. Герцена «О развитии революционных идей в России» (1850–1851) ставшая, по выражению Н.Я. Эйдельмана, первой историей освободительного движения в стране, не содержала имени и оценки творчества Радищева [Там же, с. 28]. В то же время А.С. Пушкин делал замечание авторам этих сборников по поводу их «забывчивости». Однако мнение самого Пушкина о творчестве Радищева весьма нелестно: «Путешествие из Петербурга в Москву, причина его (Радищева. – А.М.) несчастья и славы, есть очень посредственное произведение, не говоря даже о варварском слог» [Цит. по: 7, с. 26]. На этом основании Эйдельман сделал вывод о том, что Радищеву и его последователям младшими современниками отводилось не столь масштабное значение, либо доминировало представление о том, что писатели XVIII в. не могут дать ничего новому XIX в. [7, с. 26–28].

Разумеется, в исторической науке неоднократно поднимались вопросы о восприятии идей Радищева, его наследии, памяти (В.П. Семенов, Г.П. Макогоненко, В.Н. Орлов, Н.Я. Эйдельман и др.), но эти исследования осуществлялись в ключе рассмотрения именно творчества писателя. Наша цель заключается в освещении отдельной страницы издания трудов Радищева в контексте истории цензуры Российской империи.

Во второй половине XIX в., в связи с началом либеральных реформ императора Александра II, обращение к личности и творчеству Радищева получает новый импульс. В 1856 г. в Петербурге появляется небольшая статья с упоминанием о нем в журнале «Современник»⁵. В 1858 г.,

⁵ Лонгинов М.Н. Алексей Михайлович Кутузов и Александр Николаевич Радищев // Современник. 1856. № 8. С. 147–152.

благодаря усилиям наследников Радищева по популяризации его творчества, а также редакторской деятельности Герцена, в Лондоне печатается «Путешествие из Петербурга в Москву»⁶. Вслед за этим в Москве публикуется биография Радищева с воспоминаниями о нем сына и стихами Пнина на его кончину в журнале «Русский вестник».

Статья, появившаяся в «Современнике», содержит крайне мало информации о Радищеве и отличается осуждающим отношением к его книге. «Радищев, преданный размышлениям... пришел в отчаяние от неизбежных во всяком обществе людей недостатков и несправедливостей. Такое направление ума заставило его преувеличивать себе эти уклонения от вечных законов правды, и он решился на несвоевременный и опасный протест. Книгу свою Радищев напечатал в собственной типографии и после указанной цензуры переменял в ней большую часть одобренного ею на непозволительные выходки. Совершив такое ничем не извинительное и необъяснимое преступление, он пустил [книгу] в продажу»⁷. Выпуск «Современника» с указанной статьей позволил к печати старший цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета А.О. Рочфорт. Но при таком изобличении Радищева и его мотивации к написанию «Путешествия...» пропуск данного материала в печать не был ни опасным, ни удивительным.

В то время как в Москве в «Русском вестнике» относительно содержания главного труда Радищева появились следующие строки: «В этом Путешествии автор рассказывает злоупотребления и несправедливости, говорит о плачевной участи крепостных людей с сожалением. Во сне он видит монарха, которого министры обманывают, льстецы превозносят до небес, представляют ему, что золотой век настал в его владениях, между тем как в действительности горькая противоположность достигла ужасных размеров»⁸. И такое описание книги появилось при существовании циркуляров от 15 августа 1857 г. и 15 апреля 1858 г., которые предписывали «при выражении сочувствия к правительственным мерам, принимаемым нынешним правительством, не позволять печатать порицание мер прошлого царствования»⁹. Надо понимать, что слова о «прошлом царствовании» распространялись и на царствование

⁶ [Издательский конволют] О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева / С пред. Искандера [А.И. Герцена]. Лондон, 1858. XIV, [2], II.

⁷ Лонгинов М.Н. Алексей Михайлович Кутузов и Александр Николаевич Радищев // Современник. 1856. № 8. С. 149–150.

⁸ Радищев П.А. Александр Николаевич Радищев / Вступ. А. Корсунова, с прим. М. Лонгинова // Русский вестник. 1858. Т. XVIII. Ноябрь-декабрь: кн. вторая. С. 407.

⁹ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 414, 427.

Екатерины II. Также существовал запрет печатать резкие суждения о злоупотреблениях помещиков¹⁰. А циркуляр от 28 февраля 1858 г. содержал указание конкретно Московскому цензурному комитету: «Наистрожайше запретить допускать в печать все, что переносит крестьянский вопрос на политическую почву, удерживая писателей по этому вопросу»¹¹. И все же, несмотря на существующие постановления, М.Н. Каткову удалось напечатать яркую оценку содержательной стороны творчества Радищева с намеком на радикализм автора.

Статья «Русского вестника» отличается не только откровенной и объективной оценкой радищевского сочинения, но и сочувственным отношением к судьбе автора, подробным изложением становления его мировоззрения, описанием следствия и ссылки, констатацией заботы о его семье Александра I и содействие его участи со стороны гр. А.Р. Воронцова. Своим появлением сюжет такой направленности обязан выдающемуся цензору Московского цензурного комитета Н.Ф. фон Крузе, дозволившему к печати данный номер журнала Каткова.

Итак, в редакцию «Иллюстрации» поступили портрет Радищева со стихотворением Пнина, а также изображение дома в г. Илимске Иркутской губернии, где Радищев отбывал наказание. Надо отметить, что журнал «Иллюстрация» был довольно известен, в частности, «Русский вестник» неоднократно на своих страницах вел с ним полемику¹². Редактор журнала писатель и журналист В.Р. Зотов (сын знаменитого романиста, драматурга и театрального критика Р.М. Зотова), намереваясь разместить в своем издании документы о Радищеве, представил их на одобрение цензуры. Санкт-Петербургский цензурный комитет, не желая брать на себя ответственность за принятие решения о пропуске в печать этих материалов, обратился в Главное управление цензуры: «Так как Радищев был осужден и сослан в Сибирь на поселение, то Цензурный комитет не считает себя в праве позволять к печатанию означенные рисунки, имеет честь представить оные при сем на благоусмотрение Главного Управления Цензуры. Председатель Д.И. Делянов»¹³.

¹⁰ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 428.

¹¹ Там же. С. 426.

¹² См., например: Радищев П.А. Александр Николаевич Радищев / Вступ. А. Корсунова, с прим. М. Лонгинова // Русский вестник. 1858. Т. XVIII. Ноябрь-декабрь: кн. вторая. С. 125–135.

¹³ Относительно помещения в «Иллюстрации» портрета А.Н. Радищева со стихами И.[П.] Пнина и с видами города Илимска и дома, где жил Радищев. 14 октября 1858 – 15 мая 1859 г. // РГИА. Ф. 777 (Петроградский комитет по делам печати (Петербургский цензурный комитет) МВД). Оп. 2. Д. 138. Л. 1.

В ответ на это в Министерстве народного просвещения предположили, что «при сих изображениях в журнале будет, по всей вероятности, биографическая или иная объяснительная статья»¹⁴, поэтому Канцелярия «покорнейше просит таковую статью истребовать от редактора журнала и доставить оную для совместного рассмотрения»¹⁵.

Привлекает внимание ответ редактора «Иллюстрации» Санкт-Петербургскому цензурному комитету. Как писал В.Р. Зотов, видимо, уверенный в неоспоримости найденного им аргумента, сведения для отправляемой заметки он взял «на основании данных, явившихся уже в печати» в 18-й книге «Русского Вестника», «где была помещена биография Радищева по запискам его сына»¹⁶. Однако в итоге в Петербурге было принято решение о том, чтобы «помещение [данных материалов] не дозволять»¹⁷.

Почему же в течение 1858 г. одну и ту же статью о Радищеве дозволили к печати в журнале М.Н. Каткова в Москве и запретили публиковать В.Р. Зотову в Петербурге? Разумеется, в данном случае уместно упомянуть, что в некоторой степени «цензурная свобода» «Русского вестника» была обусловлена смелой и независимой позицией его главного редактора, а также дружественными связями М.Н. Каткова с президентом Академии наук гр. Д.Н. Блудовым, товарищем министра народного просвещения кн. П.А. Вяземским, гр. С.Г. Строгановым. Также вероятной причиной могло стать то обстоятельство, что «Русский вестник» был ориентирован на высокообразованную интеллигенцию, в то время как журнал «Иллюстрация» являлся еженедельником, рассчитанным на массовую аудиторию. Отношение цензуры к последнему роду изданий могло быть более настроженным.

Главная же причина, на наш взгляд, кроется в деятельности конкретных цензоров, поскольку при существовании единого цензурного законодательства именно им была отведена ведущая роль в определении дозволенного к печати материала. Очевидно, близость к высшему начальству в столице даже при условии «лояльности» цензора препятствовала «раскрепощенному» поведению чиновников, заставляла их принимать меры предосторожности, не пренебрегать правилами. В то же время удаленность Москвы от императорского двора создала условия для новой цензурской практики, развив тенденцию игнорирования некоторых правил.

¹⁴ Относительно помещения в «Иллюстрации» портрета А.Н. Радищева... Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 3–3 об.

¹⁶ Там же. Л. 5.

¹⁷ Там же. Л. 8.

Так, «цензурная свобода» журнала «Русский вестник» объясняется исследователями в том числе смелостью позиции чиновников, его цензурировавших, в частности, фон Крузе [6, с. 28–29]. Действительно, Николай Федорович полагал, что его цензорская должность требует от него «охранения, а не придирок, осторожной терпимости, а не произвольных и всегда возможных стеснений, смотреть на литературу не как на враждебный элемент»¹⁸. Крузе брал ответственность за дозволенные им к печати материалы, а в объяснениях, которые ему не раз приходилось писать в ответ на обвинение высшего начальства о причинах пропуска того или иного материала, в том числе в журнале «Русский вестник», он отстаивал «законность» напечатанных статей¹⁹. Новизна поведения контролеров отечественной журналистики, заложенная еще С.Т. Аксаковым, С.Н. Глинкой, проявилась в самовольном расширении свободы слова для литераторов, и была продолжена Н.Ф. Крузе, а в дальнейшем Гиляровым-Платоновым и др.

В данной цензурной истории соединилось символическое значение силы просветительской критики Радищева и Пнина и традиция цензуры сопротивляться передовой общественной мысли, в частности, биографии одного из лучших ее представителей. Косность бюрократической традиции была прервана деятельностью таких выдающихся цензоров, как Крузе, дозволявших к печати статьи, публикация которых, как в случае с биографией Радищева, запрещалась чиновниками других цензурных комитетов.

Как известно, в 1860 г. П.А. Радищев обратился к Александру II с просьбой снять запрет с сочинений отца и получил отказ. В 1861 г. на повторную просьбу наследников писателя император также ответил отрицательно. Тем интереснее казус с допуском публикации биографии Радищева в Москве и отклонение ее в Петербурге. Он иллюстрирует нерешительность власти при заявленных «добрых намерениях», когда общество, пребывающее в ожидании перемен, постепенно ставит под сомнение разумность основ действующего Устава о цензуре периода правления Николая I, но издаются все новые распоряжения, призванные удержать растущее желание вольного изъяснения мысли. И хотя период противостояния Крузе цензурным оковам был не долгов, а политика сдерживания печатного слова царскими циркулярами одерживала верх, такие прецеденты в истории российской цензуры способствовали расширению границ свободы отечественной печати.

¹⁸ Объяснение, на каком основании цензор разрешил напечатать речь Кокарева, 1857 г. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2591 (П.А. Попов). Оп. 1. Д. 188. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 2 об.

Библиографический список / References

1. Биография А.Н. Радищева, написанная его сыновьями. М.-Л., 1959. [Biografiya A.N. Radishcheva, napisannaya yego synovuyami [Biography of A.N. Radishchev, written by his sons]. Moscow; Leningrad, 1959.]
2. Блюм А.В. Русские писатели о цензуре и цензорах. От Радищева до наших дней: 1790–1990: Опыт комментированной антологии. СПб., 2011. [Blum A.V. Russkie pisateli o cenzure i cenzorah. Ot Radishcheva do nashih dnei: 1790–1990: Opyt kommentirovannoy antologii [Russian writers on censorship and censors. From Radishchev to the present day: 1790–1990: Experience of a commented anthology]. St. Petersburg, 2011.]
3. Иванова А.А. Система воззрений и деятельность И.П. Пнина в контексте социально-политической истории России на рубеже XVIII–XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2018. [Ivanova A.A. Sistema vozzrenij i deyatelnost I.P. Pnina v kontekste socialno-politicheskoy istorii Rossii na rubezhe XVIII–XIX vv. [System of views and activity of I.P. Pnin in the context of socio-political history of Russia at the turn of the XVIII–XIX centuries]. PhD Dis. Voronezh, 2018.]
4. Иванова А.А. «Опыт о просвещении относительно к России» И.П. Пнина в эпицентре столкновений власти и общества в начале XIX в. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. Т. 10. № 3. С. 28–37. [Ivanova A.A. “The experience of enlightenment in relation to Russia” by I.P. Pnin in the epicenter of clashes between power and society at the beginning of the XIX century. *Locus: People, Society, Cultures, Meaning*. 2019. Vol. 10. No. 3. Pp. 28–37. (In Rus.)]
5. Орлов В.Н. Русские просветители 1790–1800-х годов. М., 1950. [Orlov V.N. Russkie prosvetiteli 1790–1800-h godov [Russian enlighteners of the 1790s–1800s]. Moscow, 1950.]
6. Перевалова Е.В. «Истина не должна бояться гласности...» (Журнал «Русский вестник» и цензура в первые годы реформ Александра II) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 1. С. 21–31. [Perevalova E.V. “Truth should not be afraid of publicity...” (The journal “Russian Bulletin” and censorship in the first years of Alexander II’s reforms). *Locus: People, Society, Cultures, Meaning*. 2016. No. 1. Pp. 21–31. (In Rus.)]
7. Эйдельман Н.Я. «Вослед Радищеву...» // Факел. Историко-революционный альманах. М., 1989. С. 18–36. [Eidelman N.Ya. “After Radishchev...”. *Fakel*. 1989. Pp. 18–36. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 27.12.2020, принята к публикации 17.01.2021
The article was received on 27.12.2020, accepted for publication 17.01.2021

Сведения об авторе / About the author

Маслова Анна Александровна – кандидат исторических наук; старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Института социальных наук, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет)

Anna A. Maslova – PhD in History; Senior Lecturer at the Department of Humanities of the Institute of Social Sciences, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenovskiy University), Moscow, Russian Federation

E-mail: avonavi.anie@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-20-29

Э.В. Хубулова¹, Л.Ч. Хаблиева², Б.Б. Гаглоева³

¹ Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра Российской академии наук, 362040 г. Владикавказ, Российская Федерация

² Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, 362025 г. Владикавказ, Российская Федерация

³ Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, 100001 г. Цхинвал, Республика Южная Осетия

Жалобы бывших красных партизан Осетии на лишение их этого статуса (1933–1935 гг.)

В статье впервые подвергнуты анализу эго-документы из среды бывших красных партизан, а также протоколы заседаний комиссий по проверке красных партизан. Жалобы и заявления, направляемые комбатантами в различные организации, дают возможность установить причины отказа в повторной регистрации и получении партизанской книжки, особенности осуществления регулярных «чисток» среди бывших красных партизан. Через жалобы красных партизан, в которых они пытаются оспорить заключения комиссий, можно проследить, как подающий жалобу отличился в ходе революционных событий, его боевой путь. Архивные материалы этого типа позволяют выйти на проблемы повседневной жизни и социальную психологию советских граждан 1930-х гг.

Ключевые слова: красные партизаны на Северном Кавказе, социальный статус советского гражданина, лишение советских граждан прав, заявление о неправомерном лишении статуса красного партизана

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Хубулова Э.В., Хаблиева Л.Ч., Гаглоева Б.Б. Жалобы бывших красных партизан Осетии на лишение их этого статуса (1933–1935 гг.) // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 1. С. 20–29. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-20-29

© Хубулова Э.В., Хаблиева Л.Ч., Гаглоева Б.Б., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

E.V. Khubulova¹, L.Ch. Khablieva², B.B. Gagloeva³

¹ V. I. Abaev North Ossetian Institute
for Humanitarian and Social Studies –
the Filial of the Vladikavkaz Science Centre
of the Russian Academy of Sciences,
Vladikavkaz, 362040, Russian Federation

² North Ossetian State University named
after Costa Levanovich Khetagurov,
Vladikavkaz, 362025, Russian Federation

³ South Ossetian State University named after A.A. Tibilov,
Tskhinval, 100001, Republic of South Ossetia

Complaints of former Red partisans of Ossetia about their deprivation of status (1933–1935)

The article for the first time turned the analysis of ego-documents from the environment of the former Red partisans, as well as the minutes of the meetings of the commissions to check the Red partisans. The appeal of the decisions of the commissions in the form of complaints gives an idea of the combat path, the merits of particular participants in the revolutionary events, who represent themselves from the best side. The minutes of the meetings of the commissions often give an unpleasant description to those former guerrillas who, for very good reasons, were deprived of privileges and lost their status. The authors use archival materials in order to get to a number of problems: Everyday life, social psychology of this category of Soviet society.

Key words: Red partisans in the North Caucasus, the social status of a Soviet citizen, the deprivation of Soviet citizens' rights, a statement about the unlawful deprivation of the status of a Red partisan

FOR CITATION: Khubulova E.V., Khablieva L.Ch., Gagloeva B.B. Complaints of former Red partisans of Ossetia about their deprivation of status (1933–1935). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 1. Pp. 20–29. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-20-29

Раннесоветская модернизация, сопровождавшаяся социалистической индустриализацией, насильственной коллективизацией, формированием единой идеологической модели, не могла быть проведена без активного вмешательства государства и применения им методов принуждения и террора. Репрессии становились частью повседневной жизни 1920–1930-х гг. Вначале они были связаны с теми группами советского общества, которые выражали свое недовольство политикой принудительного изъятия хлеба у крестьян. В период сплошной коллективизации новый виток террора связывался с нежеланием большинства крестьян вступать в колхозы [7, с. 74]. В первой половине 1930-х гг. по стране прокатились новые волны террора, вызванные голодом и тяжелейшим социально-экономическим кризисом, в который была ввергнута вся страна [3, с. 123].

На современном этапе развития исторической науки теме репрессивной политики советского государства уделяется большое внимание, которое связано с процессом реабилитации многих невинных жертв, а также с возможностью познакомиться с ранее засекреченными документами [6, с. 78]. Вызовами времени продиктована также новая методология, которая позволила всесторонне изучить причины и последствия репрессий советский период.

Репрессивная политика властей в разные годы была направлена против определенных слоев населения, что связывалось с внутривнутриполитическими и социально-экономическими факторами. Интерес представляет механизм выбора жертв на ее различных отрезках. И если в целом по репрессиям написано уже достаточное количество глубоких исследований, то проблема взаимоотношений государства и бывших красных партизан, с помощью которых советская власть была установлена в Осетии, остается малоизученной.

Цель данной публикации состоит в том, чтобы на основе архивного материала проследить причины, динамику, изменение приоритетов репрессивной политики в региональном ракурсе.

В качестве базы нами были использованы новые виды источников, такие, как эго-документы: прошения, заявления, жалобы бывших партизан, а также решения Комиссии помощи бывшим красногвардейцам, красным партизанам. Изучение таких видов документов позволяет выйти на проблемы повседневной жизни и социальную психологию указанной категории граждан советского общества [5, с. 172].

Особого внимания заслуживают не только те документы, в которых говорится об отказе комбатанту в получении статуса партизана. Большой интерес представляют жалобы и заявления, позволяющие проследить, как протекала послевоенная жизнь бывших красных партизан,

их трудовая деятельность и т.д. Подавляющая часть жалоб написана от руки, при этом форма изложения свободная. Анализируя жалобы и заявления красных партизан, следует отметить, что в них приводятся аргументы, оспаривающие обвинения, которые вменяются комбатанту.

Архивный материал позволяет получить разнообразный материал для выявления тенденций и закономерностей в процессе лишения комбатантов статуса красных партизан. Жалобы и заявления – это вид эго-документов, который позволяет проследить взаимоотношения власти и красных партизан. Существуют источники, которые дают представление о положении бывших участников боевых действий, основные моменты, связанные с «чистками», т.е. всего того, что привело к возникновению жалоб и заявлений. Региональные архивы (Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания, г. Владикавказ; Государственный архив Ростовской области, г. Ростов-на-Дону) располагают большим пластом источников, представленных в материалах комиссий «чисток» красных партизан. Персональный принцип рассмотрения заявлений комбатантов, отраженный в протоколах заседаний комиссий, позволяет выявить социальный статус и политическую ориентацию, раскрыть особенности личности красного партизана и узнать отдельные случаи из его жизни. Например, как в этом документе, датированном 14 февраля 1935 г.:

Слушали: Цагоева Дзамбола Налуковича, гр[ажданина] сел[а] Задалеск, члена ВКП(б), служащего, члена колхоза «Горский колхоз». Цагоев долгое время был писарем царского времени. В 1918 г., во время проведения национализации частновладельческих земель, Цагоев, как крупный землевладелец, выступил в местности «Хусфрак» вместе с другими частновладельцами с оружием в руках против красногвардейцев, отстаивая свои земли вооруженной силой. Цагоев был захвачен командиром красногвардейцев Ботоевым Доди и обезоружен <...>.

Слушали: Гамаонова Цола, гр[ажданина] сел[а] Христиановского, кандидата ВКП(б), середняка, колхозника. Он обвиняется в краже муки и 60 рублей денег в Моздоке (показания Хромаева Т. и Акоева Т.), ничего общего с партизанским движением не имел.

Постановили: ввиду этого в занесении в списки красных партизан отказать¹.

¹ Список лиц, которым отказано в занесении в список красных партизан и красногвардейцев // Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-Алания). Ф. 60 (Комиссия по делам бывших красногвардейцев и красных партизан). Оп. 1. Д. 876. Л. 19.

Таким образом, выявленные источники по истории красных партизан демонстрируют различные стороны раскола в среде бывших участников Гражданской войны. Следует подчеркнуть, что такие процессы не являются региональной особенностью. Они были характерны для всей страны.

Вступив на путь социалистического строительства, власти необходимо было понять, кто за нее, а кто против, даже если гражданин отличился в годы Гражданской войны. С этой целью еще в начале 1920-х гг. по стране создавались партизанские комиссии, призванные собирать всю информацию о бывших красногвардейцах и красных партизанах, об их вкладе в дело установления советской власти. Такая комиссия стала функционировать в Осетии в марте 1926 г. Для признания участника войны красным партизаном каждый претендент писал пространную биографию с информацией о своей боевой деятельности. Как отмечают исследователи, именно автобиографии 1920-х гг. являются наиболее информативными, неотредактированными и непосредственными источниками [4, с. 39].

Однако в конце 1920-х гг. был взят курс на тотальный контроль. Государство ограничивало функции партизанских комиссий. В марте 1930 г. бывшие партизанские комиссии, которые вошли в состав Всероссийского общества помощи инвалидам войны, больным, раненым и демобилизованным красноармейцам и семьям лиц, погибших на войне и призванных в РККА (Всерообпом), попали под контроль со стороны властных органов. Следует отметить, что это общество было создано при Народном Комиссариате социального обеспечения РСФСР. Вместе с тем сообщество партизан постепенно раскалывалось в результате политики «чисток», т.е. регулярной проверки благонадежности. Перерегистрация проходила следующим образом: «Каждый проходящий перерегистрацию бывший красный партизан (красногвардеец), а также каждый вновь заявивший о своей принадлежности к красно-партизанскому движению – предоставляет в комиссию заявление и не менее двух рекомендаций по прилагаемым формам. При рассмотрении заявления комиссия ведет протокол»². Государственные документы рассматриваемого периода говорят о необходимости «...самым беспощадным образом разоблачать примазавшихся к рядам бывших красных партизан и красногвардейцев антисоветские, кулацкие, разложившиеся элементы, изгоняя

² Протокол № 10 заседания Северо-Осетинской комиссии по оказанию помощи бывшим красным партизанам от 12 декабря 1934 г. // ЦГА РСО-Алания. Ф. 44 (Анкетные сведения о красных партизанах, заявления о выдаче партизанских документов). Оп. 1. Д. 1099. Л. 18 об.

их в порядке самоочистки в процессе повседневной массовой работы, проводя в этих целях специальные кампании по чистке»³.

Ежегодно партизаны проходили проверку, предоставляя в комиссию полный пакет документов, позволяющих экспертам выносить заключение. Никто не мог быть до конца уверен, что в период очередной «чистки» звание и льготы партизана будут подтверждены. Любая неясность в биографии, любая мелочь могли поставить крест на статусе партизана, о чем наглядно свидетельствует следующий документ: «При проверке тов. Боженев заявил, что он в 1918 г. был секретарем ревкома ст. Пшехской, где отрядов не организовано. А в августе 1918 г. при наступлении белых денкинцев отступил в гор. Армавир, где только вступил в отряд...»⁴.

В инструкции по проведению перерегистрации особо оговаривалось, что «тех лиц, которые в 1917–1918 гг., хотя и состояли в Красной гвардии и красно-партизанских отрядах в течение нескольких месяцев, но потом без уважительных причин выбывших из этих отрядов и оставшихся пассивными, независимо на какой бы то ни было территории они не были, также нельзя считать красным партизаном, за исключением отдельных случаев, когда товарищи попали на территорию белых против своей воли, т.е. по тяжелому ранению или пленению целой части и когда эти товарищи при первой возможности переходили на сторону красных» [Цит. по: 2, с. 6]. Данный пункт был особо тяжелым для многих красных партизан, которые хотя бы раз оказывались на вражеской территории. Вот пример из документа, датированного 23 июля 1933 г.:

Слушали: Дело Рожова Василия Ивановича. В начале 1918 г. был организатором Красной гвардии, в Августовских событиях⁵ получил контузию. Вскоре был вынужден выехать в Тифлис, а потом в Поти, где работал счетоводом на стороне меньшевиков. После этого

³ Протокол № 12 заседания комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан при Президиуме горсовета г. Орджоникидзе от 23 декабря 1933 г. // ЦГА РСО-Алания. Ф. 60 (Комиссия по делам бывших красногвардейцев и красных партизан). Оп. 1. Д. 797. Л. 58.

⁴ Протокол № 5 заседания Северо-Осетинской комиссии по оказанию помощи бывшим красным партизанам от 11 мая 1934 г. // ЦГА РСО-Алания. Ф. 44 (Анкетные сведения о красных партизанах, заявления о выдаче партизанских документов). Оп. 1. Д. 1095. Л. 17.

⁵ Летом 1918 г. во Владикавказе шли ожесточенные уличные бои между отрядами красных под руководством Г. Орджоникидзе и М. Левандовского и белыми отрядами полковников С. Соколова, И. Беликова, Н. Рошупкина, М. Иванова, А. Данильченко. Эти одиннадцатидневные (с 6 по 17 августа 1918 г.) бои вошли в историю Гражданской войны на Кавказе и в Северной Осетии как «Августовские события», как попытка белогвардейцев-бичераховцев захватить столицу Терской области.

выехал в Туапсе, затем Кисловодск, где находился до прихода красных в 1920 г. О боевых действиях исчерпывающих отчетов не дает. Говорит «Не помню»⁶.

Бывшие красные партизаны должны были предоставить неопровержимые документы о своей активной работе на вражеской территории. Этот эпизод биографии мог стоить лишения партизанской книжки, да и остальных льгот. Поэтому следовало запастись свидетельствами надежных командиров и доказать свою приверженность новой власти: «В силу распространения тифа я заболел, – пишет в своем послании партизан Яралов на имя С.М. Буденного, – и был отпущен по болезни в отпуск в г. Владикавказ. При входе белой армии я не мог отступить в г. Тифлис, куда отступили товарищи. По выздоровлении я должен был явиться к военному начальству для службы в белой армии, но не явился и скрывался в сел. Ольгинском. При входе Красной армии я сразу же поступил в 250 строевой полк, в котором активно участвовал в боях при ликвидации закавказских банд. При прохождении чистки комиссия отказала о выдаче мне книжки красного партизана, базируясь на том, что я остался на территории белых, а не отступал, и комиссия не приняла во внимание, что я был болен. Прошу Вас, тов. Буденный, сделать соответствующее распоряжение о восстановлении меня в правах красного партизана, т.к. таковое право должно оставаться за мной. Свидетели в подтверждении находятся во Владикавказе»⁷.

Партизанские комиссии указывают на различные причины отказа претендентам. Например, Берду Чехоеву отказали по причине того, что он «выступает против всех проводимых властями компаний, представителей власти называет бандитами, никого не слушает»⁸; жителю с. Дур-Дур Х. Койбаеву, активному участнику Гражданской войны, отказали из-за того, что он не вступил в колхоз и выступал против колхозного движения. Отказ получил и учитель Д. Байцаев, который в 1928 г. держал у себя батрака⁹. Среди причин отказа в перерегистрации –

⁶ Протокол заседания комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан при Президиуме горсовета г. Орджоникидзе // ЦГА РСО-Алания. Ф. 60 (Комиссия по делам бывших красногвардейцев и красных партизан). Оп. 1. Д. 973. Л. 13.

⁷ Протокол № 7 заседания Северо-Осетинской комиссии по оказанию помощи бывшим красным партизанам от 12 октября 1934 г. // ЦГА РСО-Алания. Ф. 44 (Анкетные сведения о красных партизанах, заявления о выдаче партизанских документов). Оп. 1. Д. 1097. Л. 18.

⁸ Протокол № 3 заседания Северо-Осетинской комиссии по оказанию помощи бывшим красным партизанам от 02 марта 1934 г. // Там же. Д. 1093. Л. 58.

⁹ Протокол № 9 заседания Северо-Осетинской комиссии по оказанию помощи бывшим красным партизанам от 15 октября 1933 г. // Там же. Д. 1091. Л. 4.

нахождение на территории белых более одного месяца. Так, в справке, подписанной начальником отряда им. Терского народного совета Карсановым, указывается, что красноармеец Базалин по дороге в с. Заманкул попал в плен. Вместе с ним находились еще 11 красноармейцев. Их всех приговорили к расстрелу, в ожидании которого он пробыл на территории белых более месяца. Отдельно указывается, что на службе у деникинцев Базалин не состоял¹⁰.

Причиной отказа могли стать и доносы, зачастую не проверенные. На Михаила Тотусова донес его сосед П. В доносе указывается, что «Тотусов во время наступления банд А.Г. Шкуро отсиживался в подвале с женщинами и детьми и говорил, что необходимо сдать без боя, иначе всех переберут»¹¹. Бывало также, что в комиссии по перерегистрации после перекрестного допроса претендента мнения разделялись и, чтобы не ошибиться в проведении государственной линии, принимались решения не в пользу комбатанта. Так, разбирая дело Дадте Илаева, который рассказал собравшимся о своей революционной деятельности, члены комиссии стали задавать вопросы, затем, перейдя к прениям, разошлись во взглядах. Один из присутствующих заметил, что Илаев «работал усердно. Он партизан»; Бекузаров А. возразил: «То, про что говорил Илаев, это неверно. Он хочет стать партизаном только на словах»¹².

Настоящим несчастьем оборачивался для бывшего комбатанта не только отказ в перерегистрации и получении партизанской книжки, но и лишение избирательных прав, которое делало его беззащитным и бесправным. «Лучше мне пулей в лоб или же живым похоронить меня в холодную землю, чем нести на себе такой низкий и грязный позор...»¹³. Из воспоминаний Рутена Гагроева видно, что в периоды чисток увеличивалось количество самоубийств среди комбатантов: «Я, кажется, догадывался о причинах смерти Александра (а говорили, что умер

¹⁰ Протокол № 5 заседания Северо-Осетинской комиссии по оказанию помощи бывшим красным партизанам от 15 июня 1933 г. // ЦГА РСО-Алания. Ф. 44 (Анкетные сведения о красных партизанах, заявления о выдаче партизанских документов). Оп. 1. Д. 1075. Л. 62 об.

¹¹ Протокол № 11 заседания Северо-Осетинской комиссии по оказанию помощи бывшим красным партизанам от 22 ноября 1933 г. // Там же. Д. 1092. Л. 94.

¹² Протокол № 5 заседания комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан при Президиуме горсовета г. Орджоникидзе от 11 сентября 1933 г. // ЦГА РСО-Алания. Ф. 60 (Комиссия по делам бывших красногвардейцев и красных партизан). Оп. 1. Д. 779. Л. 15.

¹³ Протокол № 3 заседания Северо-Осетинской комиссии по оказанию помощи бывшим красным партизанам... Л. 3.

от малярии). Сомнения нет, что он умышленно лишил себя жизни. Александр, Ефим, Илас, Лео... – Боже мой, сколько потерь...» [цит по: 1, с. 34].

В 1935 г. комиссии красных партизан, выполнив свои функции тотального контроля за теми, кто участвовал в установлении советской власти, были распущены.

Библиографический список / References

1. Бигулаева И.С. Рутен Гаглоев. Жизнь и деятельность // Фидиуаг. 2002. № 2. С. 99–110. [Bigulayeva I.S. Bigulaeva I.S. Ruten Gagloev. The life and work. *Fidiuag*. 2002. No. 2. Pp. 99–110. (In Rus.)]
2. Красильников С.А. Серп и молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2009. [Krasilnikov S.A. Serp i moloh. Krestyanskaya ssylka v Zapadnoj Sibiri v 1930-e gody [Sickle and Moloch. Peasant exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow, 2009.]
3. Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов гражданской войны. Ростов-н/Д., 2010. [Morozova O.M. Dva akta dramy: boeivoe proshloe i poslevoennaya povsednevnost veteranov grazhdanskoj vojny [Two acts of drama: The combat past and the post-war everyday life of civil war veterans]. Rostov-on-Don, 2010.]
4. Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лифшиц, И.Б. Орлов. М., 1998. [Pisma vo vlast. 1917–1927. Zayavleniya, zhaloby, donosy, pisma v gosudarstvennyye struktury i bolshevistskim vozhdyam [Letters to the authorities. 1917–1927. Statements, complaints, denunciations, letters to state structures and Bolshevik leaders]. A.Ya. Lifshits, I.B. Orlov (compl.). Moscow, 1998.]
5. Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 1991. [Reabilitaciya: Politicheskie processy 30–50-h godov [Rehabilitation: Political processes of the 1930–1950s.] A.N. Yakovlev (ed.). Moscow, 1991.]
6. Сталинизм в советской провинции 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., 2009. [Stalinizm v sovetskoj provincii 1937–1938. Massovaya operaciya na osnove prikaza № 00447 [Stalinism in the Soviet province 1937–1938. Mass operation on the basis of the order № 00447]. M. Junge, B. Bonvech, R. Binner (compl.). Moscow, 2009.]
7. Хубулова С.А., Гаглоева Б.Б. Жизненные стратегии ветеранов гражданской войны (на материалах Северной и Южной Осетии) // Известия СОИГСИ. 2017. № 25 (54). С. 90–103. [Khubulova S.A., Gagloeva B.B. Life strategies of civil war veterans (based on the materials of North and South Ossetia). *Izvestiya SOIGSI*. 2017. No. 25 (54). Pp. 90–103. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 05.11.2020, принята к публикации 22.12.2020
The article was received on 05.11.2020, accepted for publication 22.12.2020

Сведения об авторах / About the authors

Хубулова Эда Владимировна – кандидат исторических наук; заместитель директора по научно-организационной работе, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра Российской академии наук, г. Владикавказ

Eda V. Khubulova – PhD in History; Deputy Director for Scientific and Organizational Work, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – the Filial of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russian Federation

E-mail: dudieva63@mail.ru

Хаблиева Лариса Черменовна – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры российской истории исторического факультета, Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, г. Владикавказ

Larisa Ch. Khablieva – PhD in Pedagogy; associate Professor at the Department of Russian History of the Faculty of History, North Ossetian State University named after Costa Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation

E-mail: lara6715@yandex.ru

Гяглоева Бэла Ботазовна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории факультета истории и юриспруденции, Юго-Осетинский государственный университет имени А.А. Тибилова, г. Цхинвал, Республика Южная Осетия

Bela B. Gagloeva – senior lecturer at the Department of General History of the Faculty of History and Law, South Ossetian State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval, Republic of South Ossetia

E-mail: bellagag@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-30-46

К.А. ЮдинСанкт-Петербургский государственный университет,
199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;Ивановский государственный университет,
153025 г. Иваново, Российская Федерация

*Вот до чего довела Вас
дружба с американцами!*
Особенности
советской культурной политики
в середине 1950-х – 1970-е гг.

Данная статья посвящена политико-идеологическим аспектам контроля над советской культурой. Автор сфокусировал внимание на периоде, принципиально важном и показательном для оценки и осмысления ситуации, связанной с взаимоотношениями интеллигенции и власти. Он охватывает интервал середины 1950-х – 1970-е гг., когда наблюдалась картина последовательной смены, чередования или одновременного функционирования различных стилей, подходов к управлению сферами культуры. На примере конкретных эпизодов, сюжетов биографического или институционального характера, сложного творческого самоопределения представителей литературного, художественного, музыкального сообщества, показываются противоречивые комбинации, состояния идеологического климата и партийно-государственных установок. Они включали в себя: явные атавизмы сталинизма – так называемые «заморозки» во время «оттепели» и в ходе десталинизации, реализации «линии XX съезда»; оппозицию и состязательность консервативной и либерально-обновленческой стратегий управления; выбор между коммерческими и идеологическими приоритетами; номенклатурный персонализм – принудительную опеку над культурой в период брежневского «умиротворения» с элементами рестаилинизации. Показывается, что ведущим индикатором неустойчивости культурной политики стала «холодная война», продолжавшая влиять на расширявшийся диапазон и интенсивность применения контрольно-цензурных технологий на основании

© Юдин К.А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

«компрометирующих материалов» – контактов с «чужим» пространством, проявлений «политической неблагонадежности».

Ключевые слова: советская культура, интеллигенция, «холодная война», идеологический контроль, цензура, технологии и механизмы власти

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским научным фондом проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Юдин К.А. «Вот до чего довела Вас дружба с американцами!» Особенности советской культурной политики в середине 1950-х – 1970-е гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 1. С. 30–46. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-30-46

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-30-46

K.A. Yudin

Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, 199034, Russian Federation;

Ivanovo State University,
Ivanovo, 153025, Russian Federation

This is what your friendship with the Americans has brought you! Features of the Soviet cultural policy in the mid 1950's – 1970's

The article is devoted to the political and ideological aspects of control over the Soviet culture. The author focused on a period that is fundamentally important and indicative for assessing and understanding the situation related to the relationship between the intelligentsia and the authorities. It covers time period from the mid-1950's to the 1970's, during which there was a pattern of sequential change, alternation or simultaneous functioning of various styles, approaches to the management of cultural spheres. On the example of specific episodes, plots of a biographical or institutional nature, complex creative self-determination of representatives of the literary, artistic, musical community,

contradictory combinations, states of the ideological climate and party-state attitudes are shown. It is shown that the leading indicator of the instability of cultural policy was the “cold war”, which continued to influence the expanding range and intensity of the use of control and censorship technologies based on “compromising materials” – contacts with “foreign” space, manifestations of “political unreliability”.

Key words: Soviet culture, intelligentsia, ‘cold war’, ideological control, censorship, technologies and mechanisms of power

Acknowledgments. The publication was prepared within the framework of the scientific project No. 18-18-00233, supported by the Russian Science Foundation, “Film images of Soviet and American enemies in the symbolic politics of the Cold War: A comparative analysis”.

FOR CITATION: Yudin K.A. “This is what your friendship with the Americans has brought you!” Features of the Soviet cultural policy in the mid 1950’s – 1970’s. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 1. Pp. 30–46. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-30-46

«Вот до чего довела Вас дружба с американцами!» – такой безапелляционно-осуждающий обвинительный «вердикт» был вынесен 10 февраля 1970 г. ректором Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского А.В. Свешниковым одной из сотрудниц подведомственной структуры – директору Научной музыкальной библиотеки им. С.И. Танеева В.Д. Магницкой за то, что последняя якобы осуществила «антисоветскую вылазку», передав американским частным лицам редкие экземпляры нот произведений дореволюционных композиторов [17, с. 625]. Несмотря на отсутствие сталинской риторики, данный эпизод вполне репрезентативно и емко отразил тревожно-взбудораженное, сотканное из антиномий, состояние социокультурного пространства – «холодное потепление».

В силу это приобретает особую актуальность целевая установка – определить диапазон трансформаций, перспективность политического курса в сфере культуры в условиях усилившегося воздействия конкурирующей идеологии Запада, расширяющейся осведомленности советского общества об альтернативном, капиталистическом образе жизни. Для это необходимо: проанализировать, какие административно-институциональные проявления приобретала советская политика по отношению к интеллектуальной элите, творческой интеллигенции; обозначить прямой и косвенный («фоновый») резонанс – реактивность ее представителей на применявшиеся методы воздействия; выявить значимость

«фактора США», усиления связей с Америкой и их влияния на функционирование Агитпропа, контрольно-распорядительную составляющую и политико-идеологический дискурс.

Во второй половине XX в. «холодная война» стала ведущим фактором, обострившим и без того непростое взаимодействие между властью и обществом. Особенно уязвимыми оказались представители творческой интеллигенции, вынужденные (нередко безуспешно) адаптироваться к иррациональным метаморфозам, «зигзагам» официальной культурной политики. Последняя все более сводилась к «аморфной институциональной эклектике» [24, с. 3, 14] на фоне декоративно-фигурной «либерализации» («оттепели»), что стало следствием незавершенной десталинизации, трансформировавшейся в брежневское консервативное «умиротворение» [14].

Десталинизация повлияла и на советскую кинополитику в отношении США. Трансляция привычных антиамериканских стереотипов, обусловленных изоляционистскими установками, сочеталась со все более проявлявшейся умеренностью в идеологической репрезентации. В 1954 г., за 4 года до известного Соглашения «Лэйси–Зарубина»¹, ставшего значительным импульсом для переговорного процесса, сотрудничества в области культуры, советское руководство продемонстрировало дипломатическую сдержанность в общении с американскими кинематографистами, основанную на информационных паллиативах. Визит американского режиссера Н. Дугласа, обратившегося в марте 1954 г. к Н.С. Хрущеву с просьбой разрешить посетить СССР для съемок цветного фильма «Россия сегодня», был признан нецелесообразным. «Нельзя гарантировать, – считали М.А. Суслов и В.С. Зорин, – что по возвращении Дугласа в США снятые им кадры не будут соответствующим образом смонтированы и использованы в антисоветских целях»². При этом было дано разрешение на передачу уже готовых киноматериалов через посредничество «Совэкспортфильма».

Индикаторами «вынужденного отступления» [21, с. 190–192] на пропагандистском «фронте», симптомов «сильной слабости» власти,

¹ «Соглашение между СССР и США об обменах в области науки, техники, образования и других областях» (“Agreement between the United States of America and Union of Soviet Socialist Republics on Exchanges in the Cultural, Technical, and Educational Fields”) было подписано 27 января 1958 г. и традиционно обозначается в литературе по фамилиям представителей двух ратифицировавших его сторон – посла СССР в Вашингтоне Н.М. Зарубина и помощника государственного секретаря США У.С. Лэйси.

² Постановления Президиума, Секретариата ЦК КПСС, Совета Министров СССР и другие материалы о расширении показа научно-популярных, видовых, хроникально-документальных и учебных кинофильмов в 1955 г. // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3 (Политбюро ЦК КПСС). Оп. 35. Д. 70. Л. 16–17.

стремившейся при этом любой ценой сохранить контроль над культурной и общественно-политической сферой, становится фактически возобновление консервативных дисциплинирующих атак и других давно апробированных технологий в отношении как отдельных представителей творческой интеллигенции, так и результатов, направлений ее деятельности в целом. На смену сталинских «интервенций без правил», системы «управляющего диктатора» [22, с. 444; 23, с. 13] приходит цековский «номенклатурный персонализм» – принудительная опека, «забота» о правильности «идейно-политического воспитания трудящихся» со стороны М.А. Суслова, П.Н. Поспелова, Д.А. Поликарпова, С.П. Трапезникова, А.А. Суркова и др.

На официально-идеологическом уровне это выразилось в формальном обновлении историко-партийного пропагандистского арсенала. В 1964 г. увидела свет 6-томная «История Коммунистической партии Советского Союза», вышедшая под редакцией директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, академика АН СССР П.Н. Поспелова, в которой «все ограничивалось пересказом решений последних трех партийных съездов и пленумов ЦК, начиная с 1953 года» [1, с. 479]. Вероятно, ощущение глубокого разочарования в эфемерности перемен способствовало публичному самораскрытию т.н. «левых диссидентов», к которым в историографии [8; 19] относят «Союз патриотов» (группу Л.Н. Краснопевцева, Л.А. Ренделя и др.).

Их идейно-политические воззрения стали своеобразным «кривым зеркалом» хрущевской эпохи. Эмоциональность в оценках советского лидера («пьяница и болтун, кукурузный герой»), проявлявшиеся в основных программных документах – листовке, а также «Критике социализма» и «“Основных моментах развития русского революционного движения в 1861–1905 годах” (реферате)», составленных Л.Н. Краснопевцевым, переходила в разоблачение Н.С. Хрущева как нового диктатора, а осуществляемая под его руководством политическая линия характеризовалась как «стремление сохранить и укрепить режим своего господства и всеобщего угнетения» [10, с. 127; 15]. При этом, как справедливо отмечается в исследованиях, в работах Краснопевцева и др. «повторялись основные формы советской пропаганды – использование исторических примеров для подтверждения правоты» [19, с. 100], что привело только к очередному «утопическому ревизионизму», связанному с постулированием возможностей обретения «нового», «подлинного» движения к социализму после устранения большевизма и социал-демократии.

В то же время вряд ли стоит подвергать чрезмерной критике эту пусть и недостаточно зрелую, тенденциозно-дискурсивную, но живую

попытку рефлексии социально-политической реальности. Нужно принимать во внимание, что она была осуществлена в обстановке острой политико-идеологической напряженности – конфронтации с оппозицией – «антипартийной группой» В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича и «примкнувшего» к ним Д.Т. Шепилова, организованного преследования Б.Л. Пастернака, присуждение Нобелевской премии которому было расценено как политическая провокация, очередная попытка втягивания в «холодную войну» (см. [11]). Кроме того, представляется, что в «транзитный» период, накануне и в первые годы после известных событий – XX съезда КПСС, волнений в Венгрии 1956 г., – проявились все «классические симптомы» неустойчивого равновесия, амбивалентности культурной политики, выстраиваемой на противоречиях между идеологическими и коммерческими приоритетами, демонстративной политической принципиальностью и таким же «импровизационным» великодушием. Все это сопровождалось столкновением представителей различных направлений и стилей в музыкальном, литературно-художественном, театральном-кинематографическом искусстве.

Так, еще в марте 1955 г. просматривалась конъюнктурная уверенность в незыблемости прежнего курса. В докладной записке, направленной в ЦК КПСС заведующим Отделом науки и культуры ЦК КПСС А.М. Румянцевым и его заместителями – П.А. Тарасовым и П.И. Лебедевым, – выражалась обеспокоенность по поводу того, что «среди некоторой части молодежи распространились политически вредные разговоры о том, что решения партии по идеологическим вопросам, принятые в 1946–1948 гг., устарели и должны быть пересмотрены. Эта же часть молодежи вузов с легкостью подхватила вредные антипартийные “теории” “об искренности”, о “свободе творчества”, о мнимом и ложном “новаторстве”» [цит. по: 17, с. 458]. Были затронуты и проблемы распространения «идейно-вредных взглядов» – модернизма, формализма и других «эстетских взглядов» в искусстве [3, с. 259], что вызвало отклик со стороны «ордотоксов-реалистов». 10 марта 1955 г. от президента Академии художеств СССР А.М. Герасимова с соблюдением информационно-аппаратных ритуалов также поступил «сигнал» – записка об «оживлении нездоровых, формалистических настроений» [Там же, с. 369] в изобразительном искусстве. Текст записки завершался просьбой «дать указание центральным органам печати о помещении ряда статей, в которых должны быть подвергнуты критике имевшие в последнее время место в изобразительном искусстве проявления и рецидивы формализма и эстетства» [Там же]. С этими доводами согласился Пospelов [3, с. 388]. В ноябре 1955 г. Международному Совету Изобразительных искусств в США был дан отрицательный ответ

на приглашение советских художников к участию в конкурсе на международную золотую медаль, что было аргументировано несовместимостью условий конкурса, «космополитическими принципами» оценки произведений с идейными предпочтениями советского изобразительно-го искусства [3, с. 446].

Еще задолго до «процесса Синявского–Даниэля» и, тем более, «дела» А.И. Солженицына, который в ноябре 1962 г. еще только обрел славу и популярность после опубликованного в 11 номере журнала «Новый мир» произведения «Один день Ивана Денисовича» [1, с. 474], за рубежом не прошла не замеченной аппаратно-номенклатурная инерция – «зámорозки» во время «оттепели». В марте 1958 г. от КГБ на имя заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС Ф.В. Константинова поступила информационная записка, в которой сообщалось: «В конце 1957 года английское посольство в Советском Союзе направило в МИД Англии меморандум, авторы которого пытались доказать свою точку зрения об “усилении в 1957 году контроля над литературой и искусством в Советском Союзе”. Англичане обратили внимание на замену редактора журнала “Советская музыка” и на критику ряда редакторов литературных газет и журналов, из чего был сделан вывод о намерении Правительства СССР прибегать в первую очередь к “мерам наказания редакторов” с тем, чтобы “оградить советское общество от проникновения в него духа критического реализма”» [цит. по: 17, с. 495].

В определенной степени это соответствовало действительности. В апреле 1958 г. вышло Постановление Комиссии ЦК КПСС «Об устранении недостатков в издании и рецензировании иностранной художественной литературы», обобщавшее текущую и предшествующую практику контроля и призывавшее «усилить деятельность редакционных советов издательств» с целью осуществления «строгого и всыскательного отбора произведений по их идейным и художественным достоинствам»³. Как отмечала датский историк Р. Магнусдоттир, «визит Хрущева в США в 1959 г. был призван... успокоить американскую общественность, запуганную красной угрозой. <...> Однако, уже в 1957 г. было ясно, что советское руководство недооценило значение холодной войны в культуре и повседневной жизни (курсив мой. – К.Ю.) и ту роль, которую в ней играли удобства, досуг, мода, уровень потребления. В итоге визит Хрущева произвел гораздо большее впечатление на советское общество, нежели на американское» [16, с. 128].

³ Вопросы идеологической работы: Сборник важнейших решений КПСС. (1954–1961 гг.). М., 1961. С. 247–249.

Все это усугубило дальнейший раскол в среде художественной интеллигенции и планомерную эскалацию конфликта с властью, вызвав к жизни такие события, как известный скандал в Манеже в декабре 1962 г., «бульдозерную выставку» сентября 1974 г. В июле 1974 г. группа художников, среди которых были Э.М. Белютин, А.Ф. Панкин, Е.А. Радкевич, Р.Ф. Гольшко и др., направила открытое письмо Сулову с требованием отказаться от руководства идеологической работой [4, с. 440-441].

Не отличалась последовательностью советская культурная политика и по отношению к другим сферам – музыкальному искусству, кинематографу, балету. До 1960 г. известный пианист С.Т. Рихтер являлся, по терминологии того времени, «невъездным». Географический диапазон его гастролей ограничивался только странами «социалистического лагеря». Несмотря на неоднократные ходатайства, поступавшие со стороны министра культуры СССР и супруги Рихтера Н.Л. Дорлиак, сообщавших с тревогой о «тяжелом моральном состоянии» музыканта, угнетенного подобным недоверием, вопрос о его статусе постоянно откладывался. 4 апреля 1958 г. Отдел культуры ЦК КПСС в очередной раз подтвердил собственные запретительные санкции (от 11 апреля 1956 г.), утвержденные Д.А. Поликарповым, П.Н. Поспеловым, Е.А. Фурцевой, М.А. Суловым, Л.И. Брежневым. Отмечалось, что нет возможности «согласиться с предложением Министерства культуры СССР о направлении С. Рихтера на гастроли в капиталистические страны» [цит. по: 17, с. 471]. В качестве основания вновь приводились «компрометирующие материалы» о расстреле отца музыканта в 1941 г. и «бегстве» его матери в Германию в конце войны [17, с. 492–494]. Незадолго до этого, в феврале 1958 г., Министерством культуры было подано ходатайство о присвоении Рихтеру звания народного артиста СССР, которое было удовлетворено лишь в 1961 г. Вскоре Рихтеру все же было разрешено выехать за пределы «своего» политико-идеологического пространства.

В марте 1960 г. Отдел культуры ЦК КПСС поддержал предложение Министерства культуры о направлении С. Рихтера с сопровождающим М.К. Белоцерковским на гастроли в Финляндию. При этом уже не скрывалась меркантильная мотивация – предполагалось, что гастроли Рихтера должны были быть устроены на «максимально высоких для Финляндии условиях (около 1000 долларов за концерт)» [цит. по: 17, с. 541]. Во время гастролей в США, состоявшихся в октябре 1960 г., Рихтер получил возможность увидеться с матерью. Их встреча состоялась в Вашингтоне при посредничестве деятелей культуры, в частности, американского дирижера Ю. Орманди, содействовавшего приезду

А.П. Москалёвой из ФРГ, а также официальных лиц – сотрудников советского посольства в США, получивших из ЦК КПСС и Министерства культуры СССР соответствующие указания [17, с. 544–545]. Однако и здесь оказались тесно взаимосвязанными политико-идеологическая и коммерческая составляющие. Даже после состоявшейся «реабилитации» Рихтера за ним осуществлялось пристальное наблюдение, выражавшееся в т.ч. в обеспокоенности контролирующих инстанций в вызревании у музыканта «капитулянтских» намерений, его восприимчивости к американской пропаганде. В декабре 1962 г. Рихтеру вновь было разрешено не только совершить поездку к матери в ФРГ, но и оказать ей материальную помощь, что также мотивировалось высокими заработками пианиста за гастроли во Франции и Италии, по результатам которых в государственный бюджет должно было поступить не менее 50 тыс. дол. [Там же, с. 586].

Не менее болезненно воспринимал зажимавшие его «клещи» советской культурной политики и другой известный деятель искусства, пианист и дирижер В.Д. Ашкенази. В отличие от Рихтера, он пошел на более радикальные шаги по пути своего самоопределения, став, в конечном итоге, т.н. «мягким невозвращенцем». В апреле 1963 г. председатель КГБ В.Е. Семичастный составил докладную записку, в которой сообщал, что «пианист Московской государственной филармонии Ашкенази Владимир Давидович 3 апреля с.г. заявил советнику посольства СССР в Лондоне т. Яроцкому о своем намерении временно не возвращаться в Советский Союз», приняв на себя обязательство не предпринимать «никаких действий, которые могут повредить Советскому Союзу» [цит. по: 17, с. 591–592]. В свете волнительных не только для советско-американской дипломатии, но и для всего мира событий, связанных с Карибским кризисом, было решено воздержаться от принципиально-демонстративных санкций в отношении пианиста, принимая во внимание, что «лишение Ашкенази советского гражданства по инициативе советской стороны будет использовано реакционными кругами капиталистических стран в целях антисоветской кампании» [цит. по: 17, с. 603].

Более драматично развивались события, связанные с творческо-политической «оппозицией» советскому режиму известных деятелей советского балета и музыки – Р.Х. Нуреевым, Н.Р. Макаровой, М.Н. Барышниковым, М.Л. Ростроповичем и Г.П. Вишневецкой и др., покинувшими СССР под «аккорды» публичного самораскрытия, затронувшего не только их, но и лиц, ответственных за их «политико-идеологическую устойчивость». 2 марта 1961 г. Д.А. Поликарпов и председатель Комиссии по выездам за границу при ЦК КПСС

А.К. Долуда на основании многочисленных предшествующих документов, характеризовавших Нуреева как «скандалиста и морально неустойчивого человека», а также по факту его отказа вернуться в СССР, квалифицировали данное поведение как измену Родине, предложив принять меры дисциплинарного характера, направленные на профилактику «притупления политической бдительности», проявленных сотрудниками советского посольства во Франции и администрацией Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова [цит. по: 17, с. 555]. Через 10 лет, в августе 1971 г., Н.Р. Макарова была лишена почетного звания заслуженной артистки РСФСР, поскольку поставила себя «вне рядов советского искусства», приняв сознательное решение перейти в состав американской балетной труппы [цит. по: 17, с. 631]. Громкий резонанс вызвало «дело» Ростроповича и Вишневецкой. 10 марта 1978 г. председатель КГБ Ю.В. Андропов, министр иностранных дел СССР А.А. Громыко и секретарь ЦК КПСС М.В. Зимянин в специальной записке, адресованной ЦК КПСС, выступили с предложением о лишении Ростроповича и Вишневецкой советского гражданства [17, с. 665].

Оставалась окутанной неизменно сопровождавшим ее шлейфом противоречий и политика в сфере музыкального и кинематографического искусства. Конец 1950-х гг. отмечен внешне решительной ревизией, пересмотром сталинских инвектив. В мае 1958 г. была разрешена к показу⁴ вторая серия кинофильма С.М. Эйзенштейна «Иван Грозный», снятая в 1945 г., но запрещенная тогда к показу за ее «нехудожественность и антиисторичность» [7, с. 546, 612; 13, с. 144]. Была восстановлена репутация и картины Л.Д. Лукова «Большая жизнь», которая, как отмечалось, «в исправленном виде... хорошо повествует о жизни шахтеров Донбасса, рассказывает об их героизме по восстановлению шахт...»⁵. 12 декабря 1958 г. и.о. заведующего Отделом культуры ЦК КПСС Б.М. Ярустовский признал допустимой возможность выпустить картину на экраны страны⁶.

В то же время продолжались традиционные «проработки» членов кинематографического сообщества и созданных ими фильмов. Серьезной критике была подвергнута работа М.А. Швейцера «Тугой узел» (СССР, 1956 г.), признанная Отделом культуры ЦК КПСС «ошибочным

⁴ Постановления Президиума, Секретариата ЦК КПСС, Совета Министров СССР и другие материалы о расширении показа научно-популярных, видовых, хроникально-документальных и учебных кинофильмов в 1955 г. // РГАНИ. Ф. 3 (Политбюро ЦК КПСС). Оп. 35. Д. 70. Л. 196.

⁵ Проекты постановлений ЦК КПСС, письма, справки, планы, записки и информации Министерства культуры СССР. 1958 г. // РГАНИ. Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС). Оп. 35. Д. 79. Л. 57.

⁶ Там же. Л. 57–58.

и вредным» фильмом, «основным положением» которого является «противопоставление руководства партийными организациями рядовым членам партии»⁷. «Фильм, – отмечали цековские аппаратчики Б.С. Рюриков и А.Н. Сазонов, – оставляет тяжелое впечатление. Он явно рассчитан на подогревание нездоровых, враждебных партии настроений»⁸.

Не было устойчивости и в векторах институциональной политики, делегировании полномочий. В июне 1954 г. Министерству культуры было предоставлено право по «запуску в производство новых художественных, документальных и научно-популярных фильмов и выпуска их на экраны»⁹, что было оформлено совместным Постановлением Президиума ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 июня 1954 г.. Это мотивировалось недостаточной самостоятельностью Министерства культуры, приводящей к «безответственности», «отсутствию необходимой творческой инициативы», «подмене подлинно живого руководства киностудиями канцелярско-бюрократическим стилем работы»¹⁰. Однако через 2 года, судя по всему, ведомственная самостоятельность не оправдала «высочайших» ожиданий. В июне 1956 г. Министерству культуры было отказано в праве самостоятельного приобретения фильмов капиталистических стран, что объяснялось отсутствием необходимого уровня компетентности работников министерства и нарушением процедуры идеологической экспертизы западной кинопродукции: «Фильмы производства капиталистических стран направляются в Министерство культуры уполномоченными “Совэксспортфильм” за рубежом без тщательного отбора и без учета требований проката в СССР. <...> Достаточно сказать, что за время с ноября 1955 года и по март 1956 года ЦК КПСС был вынужден отклонить внесенные Министерством культуры СССР предложения о покупке 10 заграничных фильмов, неприемлемых по своему содержанию и качеству для проката на советском экране» [3, с. 502].

Определенную роль в критике советской культуры сыграли идеологические комиссии ЦК КПСС (Комиссия ЦК по вопросам идеологии, культуры и международным партийным связям, 1958–1961 гг., Идеологическая комиссия ЦК КПСС, 1962–1966). На одном из заседаний Идеологической комиссии ЦК КПСС, прошедшем 24 января 1964 г.,

⁷ Постановления Президиума, Секретариата ЦК КПСС, Совета Министров СССР и другие материалы о расширении показа научно-популярных, видовых, хроникально-документальных и учебных кинофильмов в 1955 г. // РГИАНИ. Ф. 3 (Политбюро ЦК КПСС). Оп. 35. Д. 70. Л. 124.

⁸ Там же.

⁹ Постановления Президиума, Секретариата ЦК КПСС... Л. 21.

¹⁰ Там же. Л. 23.

ее председатель Л.Ф. Ильичев предостерегал отечественных кинематографистов против выбора пути в сторону редуccionистского эпитонства, заключающегося в ориентации на зарубежные фильмы, представляющие собой «"эkleктическую похлебку"», составленную из отрывков всех наиболее модных пустоцветов буржуазного декаданса» [12, с. 463].

Несколько сложнее обстояло дело с возвращением доброго имени композиторам-«формалистам» и признанием идейно-эстетической состоятельности их произведений. В 1957 г. Шепилов снял идеологические обвинения в «антинародном» характере их музыки, но подчеркнул, что постановления 1940-х гг. были резкими по форме, но правильными по содержанию¹¹. В постановлении ЦК КПСС «Об исправлении ошибок в оценке опер “Великая дружба”, “Богдан Хмельницкий” и “От всего сердца”», датированном 28 мая 1958 г., отмечалось, что «талантливые композиторы, гг. Д. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян, В. Шебалин, Г. Попов, Н. Мясковский... были огульно названы представителями антинародного формалистического направления» [цит. по: 17, с. 502]. При этом справедливость осуждения «мнимого “новаторства”, удивившего искусство от народа и превращавшего его в достояние узкого круга эстетствующих гурманов» [цит. по: 17, с. 502] не подвергалось сомнению. В марте 1959 г. Поликарпов и Ярустовский выражали обеспокоенность в связи с выявлением «неверных тенденций, наметившихся в балетном искусстве» [цит. по: 17, с. 514] по итогам премьеры балета С.С. Прокофьева «Каменный цветок». Спектакль вызвал интерес со стороны американских критиков как «первый в пост-сталинскую эру успешный отход от классических традиций русского балета...» [17, с. 514]. По мнению цековских контролеров, возникала серьезная опасность «рецидивов» прошлых ошибок, заключавшихся в «явном подражании буржуазному модернизму» [цит. по: 17, с. 514]. Составленное ими ходатайство о медиа-политической «проработке» спектакля было одобрено. Эту узкую для маневрирования, между тем, что дозволено и что запрещено, «линию XX съезда» КПСС подтвердил и Хрущев: «Наша политика в искусстве, политика непримиримости к абстракционизму, формализму и любым другим буржуазным извращениям есть ленинская политика, которую мы неуклонно проводили, проводим и будем проводить»¹².

Поэтому, несмотря на многочисленные либеральные эксперименты с культурой и «социалистический романтизм», исходивший от Хрущева,

¹¹ Творить для блага и счастья народа: речь секретаря ЦК КПСС товарища Д.Т. Шепилова на Втором Всесоюзном съезде советских композиторов // Правда. 1957. 4 апреля. С. 3–4.

¹² Хрущев Н.С. Высокое призвание литературы и искусства. М., 1963. С. 216.

в целом, как представляется автору, можно усмотреть имплицитные симптомы склонности к консерватизму в управлении и стиле руководства, проявившиеся в полной мере только в брежневскую эпоху. В феврале 1975 г. советская делегация в Варшаве на совещании руководителей министерств кинематографии получила следующие директивы для дальнейшего официально-публичного воспроизводства, в некоторой степени вобравшие в себя неосталинскую лексику в модернизированном варианте: «Идеологическое противоборство двух социально-экономических систем – капиталистической и социалистической – все острее проявляется в сфере культуры. <...> Буржуазный кинематограф все более скатывается на путь проповеди идей человеконенавистничества, занимается смакованием человеческих пороков и слабостей, уводит его от насущных социальных проблем»¹³. 13 июня 1977 г. вышло Постановление коллегии Министерства культуры СССР № 8с «О мерах по дальнейшему повышению политической бдительности работников учреждений культуры и искусства», выдержанное в привычной модальности «разоблачительного меморандума» [17, с. 660]. В это же время, в июне 1977 г., был разработан на основании специального Постановления ЦК КПСС и распространен «План организационных мероприятий по упорядочению и повышению политической бдительности сотрудников “Союзэкспортфильма”», наминавший «План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время», составленный в марте 1949 г. [20, с. 321–324]. Как и ранее, перед сотрудниками кинематографических ведомств ставились задачи «выявлять факты создания и демонстрации антисоветских фильмов и принимать меры к прекращению этого»¹⁴.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Диапазон трансформаций и перспективы качественного обновления политического курса в отношении культуры в период «холодного потепления» оказались ограниченными и имманентно-лимитированными. В значительной степени это было связано с жесткой, системно-институциональной преемственностью сложившихся «правил игры», методов и стиля управления. Технологии и принципы амбивалентности партийно-государственного контроля над культурой проявлялись и в предшествующий

¹³ Распоряжения Совета Министров СССР по вопросам кинематографии. 1975 г. // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2944. (Государственный комитет Совета Министров СССР по кинематографии (Госкино)). Оп. 25. Д. 91. Л. 4–5.

¹⁴ Письма в ЦК КПСС об участии советской кинематографии в международных кинофестивалях, прокате советских фильмов за рубежом и другим вопросам культурного сотрудничества. 1976–1977 гг. // Там же. Оп. 26. Д. 81. Л. 64.

период. Классическим примером и подтверждением этого можно считать дуализм сталинской кинополитики. В ней также наблюдались встречные тенденции – стимулирование политической бдительности, нетерпимости к «по-ту-сторонней» медиапродукции и легальная трансляция кинофильмов из «трофейного фонда», прошедших «строгий идеологический контроль и признанных непротиворечащими репертуарной политике государства» [25, с. 188]. Параллельно с закрытием в феврале 1948 г. Государственного музея нового западного искусства, объявленного «рассадником формалистических взглядов и низкопоклонства перед упадочной буржуазной культурой эпохи империализма»¹⁵, демонстрация «чужих» кинофильмов «признавалась желательной»¹⁶. Поэтому вполне обоснованным представляется вывод исследователей о том, что еще во время Второй мировой войны и после нее СССР «испытал значительное культурное воздействие со стороны США» [2, с. 58].

После устранения «фактора Сталина» советское руководство столкнулось с серьезной проблемой – необходимостью модернизации «идеологической платформы» [9, с. 323], подходов к управлению культурой с учетом как внутренних, так и внешних либеральных ожиданий, – и ее защиты, предотвращения уязвимости в условиях усилившихся «холодных» информационных «вызовов». Значительную роль в этом процессе продолжали играть США, возобновленный диалог с которыми на высшем уровне предоставил новые возможности для самореализации представителям творческой интеллигенции, одновременно вынужденных претерпевать цековскую подозрительность и другую ведомственную «опеку», носившую по-прежнему консервативно-формализованный характер. Институционально-политические трансформации привели «к управленческой неразберихе, т.к. не было конкретного распределения сфер деятельности между городским отделом культуры, Министерством культуры и Отделом культуры ЦК КПСС. Все важные вопросы культурной политики фактически решались только в партийных органах» [5, с. 49]. Для советской действительности становилось все более очевидным, что «сложившаяся при определенных обстоятельствах и требующая определенного типа руководства (вождизм) система давала все большие сбои, накапливала “ошибки”» [6, с. 179], что способствовало ее саморазрушению.

Сатира на аппаратно-бюрократический абсурд была отражена в кинематографе, в частности, в колоритных кинопроизведениях, снятых

¹⁵ Проекты постановлений ЦК ВКП(б), записки, справки Отдела пропаганды и агитации. 1948 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. (Центральный комитет КПСС). Оп. 132. Д. 637. Л. 21.

¹⁶ Доклады о прокате советских фильмов за границей. 1949 г. // Там же. Д. 429. Л. 55.

в 1950–1960-х гг. знаменитыми советскими режиссерами Н.Н. Кошеверовой, Э.А. Рязановым, А.П. Тутьшкиным, И.В. Ильинским, Л.И. Гайдаем, Э.А. Климовым, В.И. Герасимовым и др. Поэтому даже «мягкий» контроль над культурой в период «оттепели» воспринимался как все более отягощавший и архаичный, а порции предоставляемой свободы – становились недостаточными для желаемой духовно-интеллектуальной и материальной автономии, доступной на Западе, за «железным занавесом». Все это стало причиной дальнейшей эскалации напряженности в отношениях между властью и творческой интеллигенцией, обострению конфликта целей и приоритетов.

Библиографический список / References

1. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010. [Aksyutin Yu. V. Khrushchevskaya «ottepel» i obshchestvennyye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg. [Khrushchev's "thaw" and public sentiment in the USSR in 1953–1964]. Moscow, 2010.]
2. Антонова И.А. Российско-американские отношения в сфере кино в годы Второй мировой войны и первые послевоенные годы // Клио. 2012. № 4 (64). С. 55–59. [Antonova I.A. Russian-American relations in the field of cinema during the Second World War and the first post-war years. *Clio*. 2012. No. 4 (64). Pp. 55–59. (In Russ.).]
3. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы. М., 2001. [Apparat TsK KPSS i kultura. 1953–1957: Dokumenty [CPSU Central Committee apparatus and culture. 1953–1957: Documents]. Moscow, 2001.]
4. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1973–1978. Документы. В 2 т. Т. 1. 1973–1976. М., 2011. [Apparat TsK KPSS i kultura. 1973–1978. Dokumenty [CPSU Central Committee apparatus and culture. 1973–1978. Documents]. Vol. 1. 1973–1976. Moscow, 2011.]
5. Бурева Е.В. Трансформация системы управления культурой ТАССР в 1950–1960-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (86). Ч. 2. С. 47–49. [Bureva E.V. Transformation of the cultural management system of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1950's–1960's. *Manuscript*. 2017. No. 12 (86). Part 2. Pp. 47–49. (In Russ.).]
6. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. [Vlast i oppozitsiya. Rossiiskii politicheskii protsess XX stoletiya [Power and opposition. Russian political process of the twentieth century]. Moscow, 1995.]
7. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. [Vlast i khudozhestvennaya intelligentsiya. Dokumenty TsK RKP(b)–VKP(b), VChK–OGPU–NKVD o kulturnoi politike. 1917–1953 [Power and artistic intelligentsia. Documents of the Central Committee of the Russian Communist

- Party (Bolsheviks) – All-Russian Communist Party, Cheka–OGPU–NKVD on cultural policy]. Moscow, 1999.]
8. Герасимова О.Г. Общественно-политическая жизнь студентов МГУ в 1950-е – середине 1960-х гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. [Gerasimova O.G. Obschestvenno-politicheskaya zhizn' studentov MGU v 1950-e – seredine 1960-kh gg. [Social and political life of MSU students in the 1950's – mid 1960's]. PhD theses. Moscow, 2008.]
 9. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М., 2009. [Goryaeva T.M. Politicheskaya tsenzura v SSSR. 1917–1991 [Political censorship in the USSR. 1917–1991]. Moscow, 2009.]
 10. «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 106–135. [“Case” of young historians (1957–1958). *Voprosy istorii*. 1994. No. 4. Pp. 106–135. (In Russ.).]
 11. Золотоносов М. Ленинградская двухдневка ненависти: «Братья Ершовы» против «Доктора Живаго» // Новое литературное обозрение. 2013. № 2(120). С. 93–123. [Zolotonosov M. Leningrad two-day hate: “Brothers Ershovs” versus “Doctor Zhivago”. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2013. No. 2 (120). Pp. 93–123. (In Russ.).]
 12. Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы. М., 1998. [Ideologicheskie komissii TsK KPSS. 1958–1964: Dokumenty [Ideological commissions of the CPSU Central Committee. 1958–1964: Documents]. Moscow, 1998.]
 13. Кинематограф оттепели: Документы и свидетельства. М., 1998. [Kinematograf ottepeli: Dokumenty i svidetelstva [Cinematography of the Thaw: Documents and evidence]. Moscow, 1998.]
 14. Козлов В.А. Массовые беспорядки при Хрущёве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). М., 2010. [Kozlov V.A. Massovye besporyadki pri Khrushcheve i Brezhneve (1953 – nachalo 1980-kh gg.) [Riots under Khrushchev and Brezhnev (1953 – early 1980's)]. Moscow, 2010.]
 15. Краснопевцев Л. Основные моменты развития русского революционного движения в 1861–1905 годах. Фрагмент рукописи 1957 г. // Карта. 1997. № 17–18. С. 57–64. [Krasnopevtsev L. Main moments of the development of the Russian revolutionary movement in 1861–1905. Fragment of the 1957 manuscript. *Karta*. 1997. No. 17–18. Pp. 57–64. (In Russ.)]
 16. Магнусдоттир Р. «Будьте осторожнее в Америке, Никита Сергеевич!»: советская концепция мирного сосуществования с Соединенными Штатами Америки в 1959 г. // СССР и США в XX веке: восприятие «другого» / Отв. сост. Б. Физелер, Р. Магнусдоттир. М., 2017. С. 105–129. [Magnúsdóttir R. “Be more careful in America, Nikita Sergeevich!”: Soviet concept of peaceful coexistence in the United States of America in 1959. *SSSR i SShA v XX veke: vospriyatie «drugogo»*. B. Fieseler, R. Magnúsdóttir (eds.). Moscow, 2017. Pp. 105–129. (In Russ.)]
 17. Музыка вместо сумбура: Композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917–1991. Документы / Сост. Л. Максименков. М., 2013. [Muzyka vmesto sumbura: Kompozitory i muzykanty v Strane Советов. 1917–1991. Dokumenty [Music instead of confusion: Composers and musicians in the Land of the Soviets. 1917–1991. Documents]. L. Maksimenkov. Moscow, 2013.]

18. Ряпусова Д.Н. «Что сегодня нам покажет товарищ Большаков?»: проблемы послевоенного уральского кинопроката в свете сталинской кинополитики // Вестник Пермского государственного университета. Серия: История. 2013. № 1 (21). С. 85–196. [Ryapusova D.N. “What will Comrade Bolshakov show us today?”: Problems of the post-war Ural film distribution in the light of Stalin’s film politics. *Bulletin of Perm State University. Series: History*. 2013. No. 1 (21). Pp. 85–196. (In Russ.)].
19. Сергеев В.Н. К вопросу об идеологии группы Краснопевцева–Ренделя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 3. С. 98–103. [Sergeev V.N. On the question of the ideology of the Krasnopevtsev–Rendel group. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Science*. 2012. No. 3. Pp. 98–103. (In Russ.)].
20. Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М., 2005. [Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953. Dokumenty Agitpropa TsK [Stalin and cosmopolitanism. 1945–1953. Agitprop of the Central Committee documents]. Moscow, 2005.]
21. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999. [Fateev A.V. *Obraz vraga v sovetskoj propagande. 1945–1954 gg.* [The image of the enemy in Soviet propaganda. 1945–1954]. Moscow, 1999.]
22. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. [Khlevnyuk O.V. *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoi diktatury* [Stalin and the establishment of the Stalin’s dictatorship]. Moscow, 2010.]
23. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. [Khlevnyuk O.V., Gorlitskii I. *Kholodnyi mir: Stalin i zavershenie stalinskoi diktatury* [Cold World: Stalin and the end of the Stalin’s dictatorship]. Moscow, 2011.]
24. Юдин К.А. От сталинской диктатуры к хрущёвской «модернизации» // Вопросы истории. 2016. № 12. С. 3–15. [Yudin K.A. From the Stalin’s dictatorship to Khrushchev’s “modernization”. *Voprosy Istorii*. 2016. No. 12. Pp. 3–15. (In Russ.)]

Статья поступила в редакцию 17.12.2020, принята к публикации 28.01.2021
The article was received on 17.12.2020, accepted for publication 28.01.2021

Сведения об авторе / About the author

Юдин Кирилл Александрович – кандидат исторических наук; исполнитель по гранту, Санкт-Петербургский государственный университет; доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет

Kirill A. Yudin – PhD in History; the grant performer, Saint-Petersburg University; associate professor at the Department of Russian History, Ivanovo State University, Russian Federation

E-mail: yudin-kir88@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-47-58

А.Ю. Можайский

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000 г. Москва, Российская Федерация

Территориальное развитие Фив в микенский период

В статье рассматривается территориальное развитие Фив в микенский период. Определяется, какую территорию занимали Фивы в данный период, а также выделяются известные на сегодняшний день места различной активности на этом памятнике (дворцовые строения, мастерские, хранилища, некрополи). Эти места нанесены на современную карту с помощью технологий Google Earth Pro. Предполагается, что Фивы как поселение имели площадь около 30 га и могли разместить население в 5–10 тыс. человек. Основное городское поселение располагалось на Кадмее, было обнесено стенами и имело размеры приблизительно 800 м в длину и 500 м в ширину. Дворцовые строения располагались как в центре Кадмеи, так и на периферии. Хранилища и мастерские в основном обнаружены в центре Кадмеи, что подтверждает их контроль со стороны дворцовой администрации. Основные некрополи Позднего бронзового века в Фивах, состоящие из камерных гробниц, располагались на холмах вблизи цитадели. Ряд мест Бронзового века впоследствии будут ассоциироваться с местами и событиями героического прошлого.

Ключевые слова: Фивы, Кадмея, дворцовые строения, хранилища, мастерские, некрополи, территориальное развитие, микенский период

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Можайский А.Ю. Территориальное развитие Фив в микенский период // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 1. С. 47–58. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-47-58

© Можайский А.Ю., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-47-58

A.Yu. MozhajskyNational Research University Higher School of Economics,
Moscow, 101000, Russian Federation

Territorial development of Thebes during the Mycenaean period

The article examines the territorial development of Thebes during the Mycenaean period. It is determined what territory Thebes occupied during this period, as well as the currently known places of various activities (palatial buildings, workshops, magazines, necropolises). These places are marked on a modern map using Google Earth Pro technologies. It is assumed that Thebes, as a settlement, had a size of approximately 30 hectares and could accommodate the population of approximately 5000–10 000 inhabitants. The main one – the urban settlement (approximately 800 m long and 500 m wide) was located on the Kadmeia and was surrounded by walls. Palatial buildings were located both in the center of Kadmeia and on the periphery. The storages and workshops are mostly found in the center of Kadmeia, which confirms they were controlled by the palace administration. The main necropolises of the Late Bronze Age in Thebes, consisting of chamber tombs, were located on the hills near the citadel. A number of sites of the Bronze Age will subsequently be associated with the places and events of the heroic past.

Key words: Thebes, Kadmeia, palatial buildings, storages, workshops, necropolises, territorial development, Mycenaean period

FOR CITATION: Mozhajsky A.Yu. Territorial development of Thebes during the Mycenaean period. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 1. Pp. 47–58. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-47-58

Введение

На протяжении всей городской истории данное поселение Беотии называлось «Фивами», но при этом город сильно менялся. Соответственно, если разложить культурный слой Фив на различные периоды и дополнить картину литературными источниками, то перед нами предстанут поистине разные города. О Фивах как о городе можно

определенно говорить с XIV в. до н.э.¹, когда Кадмея (акрополь Фив) была обнесена циклопической стеной. Это городское поселение (ок. 30 га) состояло из дворцовых строений, мастерских (для изготовления предметов из золота, слоновой кости и полудрагоценных металлов), а также жилых кварталов и мест для хранения различных благ. В это микенское время город уже имел название Фивы – в документах линейного письма Б – *te-qa*. С введением древнегреческого алфавита город носил название Θῆβα. Сейчас город носит то же название, но в виде новогреческого Θῆβα.

Данная статья касается Фив зрелого микенского периода, начиная с XIV по XII вв. до н.э., и имеет целью определить, какую территорию

¹ Самое раннее поселение на территории Фив зафиксировано для финальной фазы неолитического периода (5300–3200 гг. до н.э.). Оно располагалось с северной стороны Кадмеи, в районе Пири, и представляло собой поселение земледельцев и скотоводов, которые имели дома каркасно-столбовой конструкции. Раскопки этих домов выявили лепные глиняные сосуды, различные инструменты из камня и кости, а также глиняные антропоморфные статуэтки различных типов. В период Раннего бронзового века (3200–2100 гг. до н.э.) Кадмея становится местом постоянного поселения. Раннеэллиадский II (3200–2500 гг. до н.э.) – наиболее задокументированный период этой фазы. Укрепленное строение на юго-восточной стороне Кадмеи датируется Раннеэллиадским IIА (2800–2500 гг. до н.э.) временем и представляет собой крупное прямоугольное строение (147 м²) с многочисленными комнатами и коридором по стороне, вымощенным двором и черепичной крышей. Здание принадлежит к группе так называемых «домов коридорного типа», известных по ряду мест периода Раннего бронзового века (Лерна, Колонна, Аковитика и др.). Во время Раннеэллиадского IIБ (2500–2300 гг. до н.э.), наряду с увеличением использования металлов (что засвидетельствовано открытием «сокровища»: шести медных предметов, найденных в кувшине) и интенсификацией контактов с соседними землями и эгейскими островами (известно по находкам керамики), впервые появляются апсидальные здания. Эти здания, которые в основном больше и лучше выстроены, чем предшествующие, были снабжены очагами, ямами для хранения и пифосами. Не совсем ясно, служили ли эти новые здания для «общественного использования», представляли ли развитие «социальной стратификации» или являлись просто организованными домашними хозяйствами. В этот период поселение распространилось более чем на 15 га. Тумулус (2300–2200 гг. до н.э.) был воздвигнут над руинами большого апсидального здания, что было обнаружено во время работ по постройке нового здания археологического музея Фив. Немногочисленные гробницы, датированные Ранним бронзовым веком, также были раскопаны (включая высеченные в породе камерные гробницы на холме Амфейон, находящимся сразу к северу от Кадмеи). В период Среднего бронзового века (2100–1700 гг. до н.э.) поселение, которое теперь распространилось более чем на 20 га, было представлено несколькими кварталами с погребениями между ними. Фивы являлись крупным центром, производившим так называемые «минийскую» и полихромную посуду. Ряд богатых «воинских» захоронений (поскольку вместе с погребенными найдено оружие) был сконцентрирован вокруг высшей точки Кадмеи. Предметы из этих захоронений, датированные между 1800 и 1600 гг. до н.э., показывают контакты с Эгейским миром и возникновение элиты, что схоже с развитием сообществ южной Греции (особенно на северо-востоке и юго-западе Пелопоннеса) [13, р. 6648–6651]. Начиная со времени ок. 1500 г. до н.э. и до конца микенского времени, погребения в Фивах совершались вне Кадмеи, в то время как сама Кадмея использовалась исключительно для поселения, теперь уже определенно городского типа.

занимали Фивы в данный период, а также выделить известные на сегодняшний день места различной активности на этом памятнике (дворцовые строения, мастерские, хранилища, некрополи). Источниковой базой исследования являются опубликованные археологические материалы. Результатом работы также является соотнесение данных мест с современной картой и ландшафтом, что явилось возможным благодаря использованию ресурсов Google Earth Pro.

Микенские Фивы

Представляется, что Фивы, с их обширной системой зданий, которая была возведена в Кадмее после 1400 г. до н.э., управлялись из центрального дворца. Мастерские, склады, святилища и жилые кварталы для рабочего персонала занимали практически всю площадь цитадели, которая была обнесена циклопической фортификацией [2, р. 63–70; 3, р. 19–49; 11]. Таким образом, микенские дворцовые Фивы развились в крупное процветающее государство с масштабной подконтрольной территорией и, вероятно, могли доминировать над центральной Грецией на протяжении нескольких столетий, играя значительную роль среди других микенских государств.

Однако относительно Фив, как и Микен, недостаточно свидетельств, чтобы точно определить, когда главный дворцовый комплекс был построен и когда был разрушен. Существует также неопределенность касательно его планировки. На сегодняшний день ясно, что Фивы содержали так называемый «Дом Кадма», разрушение которого некоторые исследователи датируют Позднеэллиадским ШБ периодом (1330/15–1200/1190), а другие – не ранее чем Позднеэллиадским ША2 (1390/70–1330/15) [4, р. 763–785; 8, р. 49–113; 9, р. 81–122; 18, р. 640]. Наряду с этим зданием, Фивы имели и другие монументальные и сложно спроектированные дворцовые конструкции Позднеэллиадского ШБ периода.

Главный дворцовый комплекс находился в самом сердце цитадели (Кадмее) и имел ряд характерных черт, что удалось установить несмотря на то, что лишь некоторые части этого дворца были открыты: «Сокровищница», по меньшей мере два хранилища с пифосами, «Хранилище шерсти и/или мастерская», очень малые части «Зала с фресками» и «Кухни»². На данном этапе исследований очевидно, что дворцовый комплекс имел отдельные составляющие, вероятно, имел также центральный двор, различные мастерские и хранилища, в которых были представлены ряды больших пифосов, поставленных на глиняные

² Данные наименования закрепились в историографии.

основания. Дворцовые строения Кадмеи обычно декорировались настенными росписями, некоторые из которых по своему качеству и тематическому репертуару сравнимы с фресками из Микен и Тиринфа [3, р. 19–49; 6, р. 316–352].

Найденные предметы материальной культуры показывают высоко-стратифицированное общество. В раскопанных комнатах центрального дворца и его пристройках были найдены импортированные и произведенные на месте драгоценные украшения, инкрустации из слоновой кости, печати, документы линейного письма Б, а также вазы с надписями. Различные престижные блага (некоторые из них представлены наследственными семейными реликвиями, индивидуальным оружием, ювелирными изделиями или драгоценными личными вещами) свидетельствуют о высоких жизненных стандартах элиты, ее власти и военной активности. Свидетельства ремесленной деятельности включают как законченные предметы, так и сырье, причем известны формы для изготовления деталей, а также сами разрозненные детали, незаконченные предметы или брак, весы. Сырье или законченные предметы также находят свое отражение в документах линейного письма Б. Большое количество бронзы и свинца обрабатывалось для изготовления широкого спектра артефактов: металлических полос, оружия, конской сбруи, ваз, инструментов, частей для покрытия крыши, весов и украшений [2, р. 63–70; 4, р. 763–785; 19, р. 43–48].

В Фивах зафиксировано использование печатей и золотых колец-печаток для административных целей. Их отпечатки на мягкой глине иногда находятся вместе с короткими надписями, обычно относящимися к циркуляции благ, за которые была ответственна дворцовая бюрократия. Многочисленные тексты линейного письма Б, начертанные на глиняных табличках, отпечатках или нанесенные на вазы, были открыты в ремесленных и складских районах разных частей Кадмеи [2, р. 63–70, 92–93; 3, р. 19–49; 5]. Фивы по количеству найденных табличек линейного письма Б являются третьим центром после Кносса и Пилоса и первым центром по количеству подписанных глиняных отпечатков и стремяных кувшинов, несмотря на то, что центральный архив фиванского дворца еще не найден. Содержание и структура текстов из Фив весьма схожи с теми, что найдены в других дворцовых центрах на Пелопоннесе и Крите. Однако все они в первую очередь служили административным целям и не содержат исторической информации. Тем не менее, благодаря этим текстам известно имя города (*te-qa*) и наименование его жителей (*te-qa-jo/jo-i*). Таблички показывают, что Фивы доминировали в Беотии как политический, экономический, религиозный и культурный центр. Они также освещают повседневную жизнь и общество

микенской Беотии, продукцию, землевладение, культовую активность, искусство, а также политическую организацию и региональную администрацию Беотии микенского времени.

Археологические данные фиксируют контакты между Фивами, другими поселениями Беотии и остальной Эгейдой. Стремлянные кувшины с надписями, вероятнее всего, наполненные некогда оливковым маслом, были доставлены в Фивы с западного Крита. Данные поставки должны были быть согласованы на самом высоком уровне, поскольку более семидесяти кувшинов с нанесенными краской надписями линейного письма Б известны из Фив и лишь единичные экземпляры известны из Орхомена, Гла, и, возможно, также из Ливадостры на юге беотийского побережья.

Линейное письмо Б из Фив упоминает некоторые места вне Беотии, такие как Амаринтос и Каристос на Евбее и, вероятно, Афаия на острове Эгина, в то время как личные имена, такие как «лакедемонянин» или «милетец», вероятно, освещают контакты с соответствующими регионами. Наименование «Фивы» присутствует на табличке из Микен МУ X 508 (*te-qa-de* «в Фивы»), что, вероятно, относится к отправлению текстильной продукции в Фивы.

Кроме того, представляется, что такой городской центр, как Фивы, имел под своим контролем масштабную территорию. Сами Фивы, учитывая размеры ок. 30 га, должны были иметь население ок. 5000–10 000 жителей. Эти данные получаются из сравнения с подсчетами для Трои того же времени [14–17]. Существует методика подсчета подконтрольной территории, которая могла питать центры того периода. Она подробно изложена в работе Джона Бинтлифа [7]. Согласно этому подходу, такой центр, как Фивы, должен был иметь подконтрольную территорию ок. 2000 кв. км, что характеризует Фивы как территориальное царство, сравнимое с Микенами, Пилосом или Троей.

Территориальное развитие города

Описав положение Фив как дворцово-центрического государства Беотии микенского времени, обратимся непосредственно к территориальному развитию городского поселения. Мы уже упоминали наличие в Фивах главного дворцового комплекса, который располагался в самом центре Кадмеи. Используя возможности Google Earth Pro, мы отметили на современном ландшафте те части центрального дворцового комплекса и периферийных дворцовых строений, которые удалось открыть (рис. 1, объекты 1–4). Точная локация данных строений определяется нами по опубликованной археологической литературе, основной из которой являются работы В. Аравантиноса и С. Семионоглу [2–4; 12; 21].

Кроме того, мы сверялись с многочисленными археологическими отчетами, опубликованными на греческом языке, а именно с изданиями *Praktika AE* и *Archaiologikon Deltion* (не включаем в библиографию, поскольку это ежегодные издания и охватывают промежуток более чем в сто лет).

Продолжительные раскопки на акрополе Фив (Кадмее) выявили значительное количество зон, которые на основе находок идентифицированы исследователями как микенские мастерские и склады. По сравнению с другими местами микенской материковой Греции, на сегодняшний день именно Фивы, в пятнадцати местах которых известны мастерские, представляют наибольшее количество таких производственных зон Позднего бронзового века. Находки, по которым можно определить функцию помещений, включают сырье, различные инструменты из камня, бронзы и кости, литейные формы, частично обработанные и законченные изделия, отходы производства, отрезки и заготовки [12].

Эти мастерские находятся прямо на акрополе Фив, в месте расположения микенского дворца, что говорит о непосредственном контроле дворцовой администрации за производством. Большинство мастерских специализировались на производстве ювелирных изделий и изделий из слоновой кости [19, р. 45]. Наиболее важные из них, которые находятся в центральной части Кадмеи, отмечены на карте (рис. 1, объекты 4–8).

Однако несмотря на то, что наибольшее количество мастерских находилось в центральной части Кадмеи, одна мастерская (по производству предметов из слоновой кости и обработке клыков вепрей для производства шлемов) найдена в северном конце Кадмеи (рис. 1, объект 9), напротив современного археологического музея Фив [12, р. 151–152]. Кроме того, одна мастерская (вероятно, по изготовлению предметов из слоновой кости) могла примыкать к административным помещениям (рис. 1, объект 4), в юго-восточной части Кадмеи. Отдельно следует отметить местоположение так называемого «Арсенала» (рис. 1, объект 10), где, вероятно, мог находиться склад вооружения.

К сожалению, свидетельства вероятной культовой активности в микенских Фивах весьма скудны и недостаточно изучены. Например, фрагменты крупного идола и антропоморфный сосуд были найдены вблизи мастерских, но контекст этих находок до сих пор неясен [10, р. 700].

Завершая обзор территориального развития Фив, обратим внимание на кладбища. Основные некрополи Позднего бронзового века в Фивах, состоящие из камерных гробниц, располагались на холмах вблизи цитадели (рис. 1, объекты 11–15). Отметим, что финальным зафиксированным погребением на Кадмее является могила ребенка, датированная

Рис. 1. Расположение известных строений в Фивах микенского периода.

Map data: Google, Digital Globe:

1 – Центральный дворцовый комплекс; 2, 3 – периферийные дворцовые пристройки; 4 – административные помещения; 5 – хранилище / мастерская по работе с полудрагоценными камнями; 6 – мастерская по обработке слоновой кости; 7 – мастерская по работе с полудрагоценными камнями; 8 – мастерская по работе с золотом; 9 – мастерская по обработке клыков вепрей для производства

Позднеэлладским IIIA1 периодом (1420/10–1390/70 гг. до н.э.). Но в целом переход от погребений внутри Кадмеи к погребениям вне жилых комплексов произошел еще в Позднеэлладский IIА период (1635/00–1480/70) [10, р. 702]. Таким образом, после этого времени и до Постдворцового периода погребения осуществлялись за пределами обнесенного фортификацией городского поселения.

Заключение

Локализовав и распределив, согласно археологической литературе, известные строения в Фивах, перейдем к выводам, которые можно сделать на основе проведенного нами картирования.

В обозначенный период Фивы как поселение имели размеры ок. 30 га и могли разместить население ок. 5000–10 000 жителей. Основное городское поселение располагалось на Кадмее (холм грушевидной формы, сравнительно невысокий – максимальное возвышение над уровнем моря 224 м) было обнесено стенами, имело размеры приблизительно 800 м в длину и 500 м в ширину. Дворцовые строения располагались как в центре Кадмеи (см. рис. 1, объект 1), так и на периферии (см. рис. 1, объекты 2, 3, возможно, 4). На данный момент они открыты с юго-восточной стороны Кадмеи, что, быть может, является отражением единого кластера. Хранилища и мастерские в основном обнаружены в центре Кадмеи, что подтверждает их контроль со стороны дворцовой администрации. Однако одна мастерская, специализировавшаяся на обработке клыков вепрей для шлемов (аристократического класса), находилась практически на крайней северной точке Кадмеи (см. рис. 1, объект 9). Возможно, что это как-то отражало специализацию данной мастерской, поскольку она находилась у естественного северного выхода из Кадмеи, где сходится целый узел дорог с северо-запада и северо-востока.

шлемов, а также по изготовлению предметов из слоновой кости; 10 – арсенал; 11 – Амфейон; 12 – Микро Кастелли; 13 – Мегало Кастелли; 14 – Исмений; 15 – Колонаки

Fig. 1. Location of buildings known in Thebes of the Mycenaean period.

Map data: Google, Digital Globe:

1 – Central Palatial Complex; 2, 3 – palatial annexes; 4 – offices; 5 – magazines / workshop of semiprecious stones; 6 – ivory workshop; 7 – workshop of semiprecious stones; 8 – workshop of golden ornaments; 9 – workshop for the processing of boar tusks for the production of helmets, as well as for the manufacture of ivory items; 10 – magazin of weaponry; 11 – Ampheion; 12 – Mikro Kastelli; 13 – Megalo Kastelli; 14 – Ismenion; 15 – Kolonaki

Исходя из нашей карты, может показаться, что западная часть Кадмеи пустовала, но это не так. В данной части Кадмеи известны более дюжины домов Позднеэллинистического времени, поэтому здесь, как минимум, располагался жилой сектор. Еще большее количество домов известно с восточной стороны Кадмеи. Несколько пустым для обозначенного периода в настоящее время представляется юго-западный сектор Кадмеи.

Главные некрополи представлены вне городского поселения, на близких к Кадмее холмах. Интересно, что в Фивах нет знаменитых микенских купольных гробниц-толосов, и возникает вопрос: где находились царские погребения в Фивах? Вероятно, ответ на этот вопрос кроется в исключительных размерах нескольких камерных гробниц (40–80 кв. м, дромосы 18–25 м). Одна из них – самая большая по размеру из гробниц этого типа и уникальная в отношении богатых настенных росписей – находится на холме Мегало Кастелли и имеет богатые росписи (см. рис. 1, объект 13). Характерной особенностью данной гробницы является наличие двух входов (дромосов). По мнению Василиса Аравантиноса, эта гробница изначально не имела два входа: второй (восточный) вход был добавлен, и погребальная камера увеличена примерно в середине XIII в. до н.э. [3, р. 30]. Интересно, что, как отмечает Симеоноглу, «существуют свидетельства, что камеры (данной гробницы. – А.М.) использовались с архаического по эллинистический период» [21, р. 305]. Соответственно, население Фив уже в архаический период отметило эту гробницу. Учитывая монументальный размер гробницы, богатую фресковую живопись и наличие двух входов, существует вероятность, что этом месте в архаический период (или позднее) могли связать с погребением Этеокла и Полиника, поскольку Павсаний (Paus. 9.18, 3–4) отмечает, что по дороге на Халкиду (где располагались холмы Кастелли) фиванцы показывали гробницу Этеокла и Полиника [21, р. 187–188].

Следует отметить, что некоторые места Бронзового века впоследствии будут ассоциироваться с местами и героями героического прошлого, о чем мы писали в некоторых недавних статьях [1; 20]. Если говорить об обозначениях, которые мы сделали на рис. 1, то данное утверждение справедливо для холма Амфейон (см. рис. 1, объект 11), где, согласно Эсхилу (Sept. 526–528), был похоронен Амфион.

Соответственно, изучение микенской топографии Фив необходимо также для лучшего понимания развития города в дальнейшие периоды, причем вплоть до современности, поскольку ряд улиц и мест современного города *Θήβα* носят мифические названия, ассоциированные с микенским прошлым, а археологический музей Фив является главным культурным кластером всей Виотии.

Библиографический список / References

1. Можайский А.Ю. Реки и ворота Фив в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида как часть образовательного пространства города // *Hypothekai*. 2018. Вып. 2. С. 79–96. [Mozhajsky A.Yu. The rivers and the gates of Thebes in the tragedies of Aeschylus, Sophocles and Euripides, as the educational landscape of the city. *Hypothekai*. 2018. No. 2. Pp. 79–96. (In Rus.)]
2. Aravantinos V.L. The Archaeological Museum of Thebes. Athens, 2010.
3. Aravantinos V.L. The Palatial Administration of Thebes updated. *Tradition and Innovation in the Mycenaean Palatial Polities. Proceedings of an International Symposium held at the Austrian Academy of Sciences, Institute for Oriental and European Archaeology, Aegean and Anatolia Department, Vienna, 1–2 March, 2013*. J. Weilharter, F. Ruppenstein (eds.). Vienna, 2015. Pp. 19–49.
4. Aravantinos V.L. Thebes in Boeotia. *A Companion to the Archaeology of Early Greece and the Mediterranean*. Vol. 2. First ed. I.S. Lemos, A. Kotsonas (eds.). Hoboken, 2020. Pp. 763–785.
5. Aravantinos V.L., Godart L., Sacconi A. Thèbes. Fouilles de la Cadmée I : les tablettes de la odos Pelopidou. Édition et commentaire. Pisa, Rome, 2001.
6. Aravantinos V.L., Fappas I. The Mycenaean Wall Paintings of Thebes: From Excavation to Restoration. *Mycenaean Wall Paintings in Context: New Discoveries, Old Finds Reconsidered, February 11–13, 2011 (Μελετήματα 72)*. H. Brecolaki, J.L. Davis, S.R. Stocker (eds.). Athens, 2015. Pp. 316–352.
7. Bintliff J.L. Rethinking Early Mediterranean Urbanism. *Mauerschau. Festschrift für Manfred Korfmann*. Vol. 1. R. Aslan et al. (eds.). Tübingen, 2002. Pp. 153–177.
8. Catling H.W., Cherry J.F., Jones R.E., Killen J.T. The Linear B inscribed Stirrup Jars and West Crete. *Annual of the British School at Athens*. 1980. Vol. 75. Pp. 49–113.
9. Dakouri-Hild A. The “House of Kadmos” in Mycenaean Thebes Reconsidered: Architecture, chronology and context. *Annual of the British School at Athens*. 2001. Vol. 96. Pp. 81–122.
10. Dakouri-Hild A. Thebes. *The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean (ca. 3000–1000 BC)*. E.H. Cline (ed.). Oxford, 2010. Pp. 690–711.
11. Demakopoulou K., Konsola D. Archaeological Museum of Thebes. Athens, 1981.
12. Demakopoulou K. Mycenaean Palatial Workshops in Thebes. *100 Years of Archaeological Work at Thebes*. V. Aravantinos, E. Kountouri (eds.). Athens, 2014. Pp. 139–156.
13. Fappas I. Galanakis Y. Thebes in Boiotia. *The Encyclopedia of Ancient History*. First ed. R.S. Bagnall, K. Brodersen, C.B. Champion et al. (eds.). Oxford, 2013. Pp. 6648–6651.
14. Korfmann M. Troia: A residential and trading city at the Dardanelles. *Aegaeum*. 1995. Vol. 12. Pp. 173–183.
15. Korfmann M. Troia – Ausgrabungen 1997. *Studia Troica*. 1998. Band. 8. Pp. 1–70.
16. Korfmann M. Wilusa/(W)Ilios ca. 1200 v. Chr. – Ilios ca. 700 v. Chr. *Troia – Traum und Wirklichkeit. Begleitband zur Ausstellung “Troia – Traum und Wirklichkeit” in Stuttgart, Braunschweig und Bonn 2001–2002*. Archäologisches Landesmuseum et al. (Hrsg.). Stuttgart, 2001. Pp. 64–76.

17. Korfmann M. Die troianische Hochkultur (Troia VI und VIIa). *Troia – Traum und Wirklichkeit. Begleitband zur Ausstellung “Troia – Traum und Wirklichkeit” in Stuttgart, Braunschweig und Bonn 2001–2002*. Archäologisches Landesmuseum et al. (Hrsg.). Stuttgart, 2001. Pp. 395–406.
18. Mountjoy P.A. Regional Mycenaean Decorated Pottery. Vols. I–II. Rahden, 1999.
19. Mozhajsky A.Yu. Bronze in Aegean of the Late Bronze Age: Significance of metallurgy, delivering and consumption. *Non-ferrous Metals*. 2018. No. 1. Pp. 43–48.
20. Mozhajsky A.Yu. The myth of the War of the Seven and Pausanias’ educational topography. *Hypothekai*. 2020. No. 4. Pp. 171–206.
21. Semyonoglou S. The topography of Thebes from the Bronze Age to Modern Times. Princeton, 1985.

Статья поступила в редакцию 16.10.2020, принята к публикации 09.11.2020
The article was received on 16.10.2020, accepted for publication 09.11.2020

Сведения об авторе / About the author

Можайский Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук; доцент Института классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Andrej Yu. Mozhajsky – PhD in History; Associate Professor at the Institute for Oriental and Classical Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

E-mail: amozhayskiy@hse.ru

Б.С. Карпов, А.А. ОрловМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Эволюция мировоззрения Уильяма Годвина: влияние ранних ценностных установок на выработку общественно-политической концепции

Статья посвящена анализу трансформации мировоззренческих установок английского философа У. Годвина в 1780–1790-х гг. Авторы на основе анализа таких работ английского интеллектуала, как «Итальянские письма» (1784), «Насчет семинарий» (1784), «Исследование о политической справедливости» (1793), «Приключения Калеба Уильямса» (1794), а также фундаментальных работ отечественных и зарубежных исследователей, посвященных феномену человеческого мировоззрения – Л.П. Репиной, О.М. Медушевской, И. Барбура, С. Пинкера и др. – делает вывод о сочетании различных мировоззренческих типов в работах У. Годвина 1790-х гг. Также отмечается невозможность редукции мировоззрения мыслителя до какого-либо одного типа, доказывая на примере анализа работ и жизненного пути У. Годвина приверженность философа ранним ценностным установкам, несмотря на жизненные потрясения и переосмысление его общественно-политической позиции. Так, следует обратить внимание на сохранение черт религиозного мировоззрения в «зрелых» произведениях английского философа 1790-х гг., прежде всего, личной веры как основы аргументации, выдвигаемых общественно-политических концепций, несмотря на отказ самого У. Годвина от религии и переход на позиции атеизма.

Ключевые слова: интеллектуальная история, английская общественная мысль конца XVIII в., Уильям Годвин, мировоззрение английского интеллектуала эпохи Просвещения

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Карпов Б.С., Орлов А.А. Эволюция мировоззрения Уильяма Годвина: влияние ранних ценностных установок на выработку общественно-политической концепции // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 1. С. 59–73. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-59-73

© Карпов Б.С., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-59-73

B.S. Karpov, A.A. Orlov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The evolution of the worldview of William Godwin: The influence of the early philosophical attitudes on the development of his socio-political concept

The article is devoted to the analysis of the transformation of worldview attitudes of the English philosopher W. Godwin in the 1780–1790s. The article is based on an analysis of such Godwin's works as "Italian Letters" (1784), "An Account of the Seminary" (1784), "An Enquiry Concerning the Principles of Political Justice" (1793), "Things as they are, or the Adventures of Caleb Williams" (1794), as well as the fundamental works of Russian and foreign researchers on the phenomenon of the human worldview – L.P. Repina, O.M. Medushevskaya, I. Barbour, S. Pinker, and others. The author concludes that the works of W. Godwin of the 1790s are a combination of different worldview types. There is also a conclusion about the impossibility of reducing Godwin's worldview to any single type. It is based on the analysis of Godwin's works and life path that he maintained the philosophical consciousness of early philosophical attitudes, despite serious life shocks and rethinking his socio-political views. Thus, attention should be paid to the preservation of the features of the religious worldview in the "mature" works of the English philosopher of the 1790s, first of all, personal faith as the basis of argumentation, put forward socio-political concepts, despite the refusal of W. Godwin himself from religion and the transition to positions of atheism.

Key words: intellectual history, English social thought at the end of the 18th century, William Godwin, the worldview of an English intellectual of the Enlightenment

FOR CITATION: Karpov B.S., Orlov A.A. The evolution of the worldview of William Godwin: The influence of the early philosophical attitudes on the development of his socio-political concept. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 1. Pp. 59–73. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-59-73

Изучение жизни и деятельности выдающегося мыслителя, созданных им интеллектуальных продуктов и их влияния на историческое развитие, всегда было и остается одним из магистральных направлений исторических исследований.

Однако относительно того, каким образом, с помощью какой методологии ученым-исследователям следует рассматривать личность того или иного интеллектуала или общественного, политического деятеля, существует длительная дискуссия. Часть исследователей – их позиция была популярна в конце XIX–XX вв. – заявляли о необходимости максимальной концентрации на исторических источниках и их анализе. Сам же автор, его жизненный путь и трансформации мировоззрения воспринимались исключительно сквозь призму документов, т.е. большей частью игнорировались. Зачастую личность автора лишь категоризировалась: определялось ее отношение к тому или иному типу мировоззрения. Исследователи, придерживающиеся данного направления, опирались на идеи знаменитого философа и социолога XIX в. О. Конта, а именно на идею о необходимости выделения «чистого», т.е. научного и доказательного знания и разделении эволюции мышления (мировоззрения) человека на три стадии: теологическую, в которой представления человека о мире основаны на религии; метафизическую – основа мировоззрения человека есть философские идеи и абстрактные понятия; и научную – знание человека и его видение мира основывается на системе взаимосвязанных и обоснованных научных теорий [22].

В исторической науке идеи Конта нашли отражение в стремлении ученых максимально сосредоточиться на анализе источника, частично или полностью абстрагируясь от вопросов о взаимодействии источника и автора; взаимодействия источника, идей, в нем выраженных, и читателя; источника субъективного отражения видения мира конкретным человеком с конкретной судьбой [8].

Однако наряду с вышеописанной традицией определения места творца, интеллектуала в истории, значимости и изменчивости его мировоззрения, существовала и другая, число сторонников которой растет в современном научном сообществе. Основными постулатами данного направления, известного ныне как «интеллектуальная история» или «когнитивная история», стали признание субъективности творца при создании исторических источников, принципиальной изменчивости и вариативности человеческого мировоззрения, учет как влияния исторической обстановки на создателя интеллектуального продукта, так и самого продукта на существующую действительность [15, с. 325–366]. Несмотря на то, что наибольшую популярность данная традиция обрела в конце XX – начале XXI вв., она имеет не менее глубокие корни,

нежели вышеописанная. Ее философской основой изначально послужил рациовитализм (философия жизни), сформировавшийся как мощное течение западноевропейской философии в конце XIX в. Представители рациовитализма отвергали возможность выведения строгих законов бытия, рассматривали жизнь как целостный, непрерывный и непостижимый по частям процесс, а человеческую личность как волевой субъект, индивидуальный и неповторимый [6, с. 213–256; 15, с. 265–299].

Во второй половине XX в. идеи о возможности получения истинного, неоспоримого знания в истории, особенно в вопросах культуры и общественной мысли; о возможности досконального изучения человеческой личности и ее строгой типологизации; о необходимости строго следовать изучению исторических источников, абстрагируясь от личностных особенностей их создателя и сферы бытования представленных в них интеллектуальных продуктов, начинают подвергаться все большей критике. В 1960 г. знаменитый немецкий философ Х.-Г. Гадамер в своем главном труде «Истина и метод» подвергнет радикальному сомнению возможность познания учеными объективных исторических истин благодаря разнице как между окружающей автора источника и историка действительности, так и между их восприятием мира. В своей работе он выдвинет и обоснует новую философско-историческую категорию «предрассудка» как изначального, «априорного» знания и мнения ученого, полученного им в процессе жизни и работы, которое он имеет еще перед началом какого-либо исследования [23]. А уже спустя несколько десятилетий представители постмодернизма и постструктурализма в философии и истории – французские ученые Ж. Делез и Ж. Бодрийяр – усомнятся в возможности отражения историческим источником объективной реальности и существовании объективного в истории в целом, введя в философию истории понятия «симулякр» как копии, не имеющей реального оригинала [2; 5].

Подобное нарастание скепсиса в отношении анализа исторических документов как источников объективной истины поставило перед исследователями проблему анализа исторических данных не только как материала репрезентации исторической действительности, но и как объекта отражения мировоззрения определенных идей. Источник переставал быть лишь информацией о прошлом, он открывал перед исследователем мир самого человека, который непосредственно создал данный интеллектуальный продукт, а также окружающий мир, воздействующий на этого создателя. История как единственная, по выражению современной исследовательницы О.М. Медушевой, наука, «объектом рассмотрения которой является весь человеческий род от его начала до современности в его эволюционном и глобальном

единстве» [9, с. 8–9], напрямую обратилась к личности творца, к его мировоззрению. Однако обращение это уже не являлось стремлением к разделению личностей философов на строго определенные мировоззренческие типы и, тем более, не стремлением к разделению их идей на прогрессивные и непрогрессивные, в зависимости от мировосприятия ученого. Историки стали обращаться к идеям непрерывной эволюции мировоззрения различных мыслителей, смешения в их сознании различных мировоззренческих типов [24, р. 132–161].

С конца XX в. как в зарубежной, так и в отечественной науке активно развивается историко-методологическое направление «интеллектуальная история». Она отчасти является «преемницей» истории идей, истории общественной мысли. Однако она изучает не только выдвигаемые интеллектуалами идеи, но и мировоззрение мыслителей, процессы, повлиявшие на становление в их сознании данных идей, сферу бытования идей – методы их распространения, взаимное влияние как идей на общественное развитие, так и общественного развития на их формирование; влияние идей различных мыслителей как одного, так и различных хронологических периодов друг на друга. При этом интеллектуальная история стремится анализировать концепции не отдельных интеллектуалов, а интеллектуальное наследие того или иного поколения мыслителей в целом [15, с. 325–367].

Интеллектуальная история отрицает статичность мировоззрения человека на протяжении его жизни, заявляя о необходимости рассмотрения интеллектуального становления мыслителя и выявления различных элементов его понимания мира. В связи с этим в данном исследовании мы обратимся к анализу мировоззрения У. Годвина – выдающегося английского философа конца XVIII – начала XIX вв., одного из радикальнейших мыслителей своего времени, считающегося многими историками основоположником идеологии анархизма, несмотря на то, что он сам такого термина в своих работах не употреблял [16, с. 9–10].

Фигуру Годвина мы выбрали не только исходя из значимости идей мыслителя для английской и мировой общественно-политической мысли, но и в силу многоаспектности и неординарности его мировоззрения, складывавшегося и менявшегося под влиянием крайне непростых жизненных обстоятельств. Серьезное влияние на наш выбор оказали также и крайняя сложность внутри- и внешнеполитической обстановки в Англии в конце XVIII в.: страна являлась лидером среди прочих европейских держав по количеству преступлений и применению такой высшей меры наказания, как смертная казнь, что позволило отечественному юристу И.Я. Фойницкому охарактеризовать Англию конца XVIII в. как «классическую страну применения смертной казни» [18, с. 134–135].

Кроме того, страна оказалась втянута в череду кровопролитных и крайне затратных – что еще сильнее усугубляло внутривосточную обстановку – «революционных войн» на европейском континенте, поводом для которых послужили революционные события во Франции.

Тем более удивительно, что политический радикал, увлекающийся идеями французских просветителей У. Годвин не только не призывал к немедленной революции, но и отрицал насилие как одно из главных средств изменений общественного строя. То есть оставался в русле английской традиции общественной мысли, акцентировавшей внимание на необходимости изменения социального строя исключительно эволюционным путем [7; 11, с. 53–71]. А идеалы Просвещения в его мировоззрении парадоксальным, но в то же время естественным для самого мыслителя образом сочетались с английскими интеллектуальными традициями. Таким образом, чтобы проанализировать эволюцию мировоззрения У. Годвина, мы, опираясь на произведения английского философа и работы, посвященные его жизни и творчеству, в нашем исследовании обратимся к событиям, повлиявшим на становление его личности; рассмотрим, какие элементы мировоззрения, сформировавшиеся в юности, сохранились во взглядах философа, а какие изменились.

Жизнь и деятельность Годвина всегда привлекала внимание огромного количества исследователей. Еще в конце XIX – первой половине XX вв. такими выдающимися учеными, как американцы К. Пауль и Ф. Браун, а также англичанин Г. Вудсток были созданы подробные жизнеописания английского философа [21; 26; 27]. Среди выдающихся отечественных исследователей жизни и творчества Годвина следует отметить советского историка академика В.П. Волгина [4] и современного российского исследователя А.В. Чудинова [19; 20].

Все вышеперечисленные исследователи, несмотря на долгую жизнь Годвина (1756–1836) уделяли, прежде всего, внимание его деятельности в конце XVIII в., что, впрочем, небезосновательно, ведь как раз тогда были созданы наиболее известные произведения Годвина, серьезно повлиявшие на дальнейшее развитие общественной мысли в Англии и в мире в целом. Это трактат «Исследование о политической справедливости» (“Enquiry concerning political justice, and its influence on morals and happiness”) (1793) (часть данного произведения была издана на русском языке в 1958 г. под названием «О собственности»¹) и роман «Приключения Калеба Уильямса» (“Adventures of Caleb Williams”) (1794), являвшийся художественным выражением социально-политических

¹ Годвин В. О собственности. М., 1958.

и экономических идей мыслителя. Именно тогда, особенно после установления во Франции якобинской диктатуры и последующего террора, негативно воспринятого большей частью английского общества, Годвин как сторонник революции начинает подвергаться нападкам критиков, а его произведения стремительно теряют популярность. Поэтому Чудинов в своей монографии «Политическая справедливость У. Годвина», размышляя над жизненным путем английского философа, вполне основательно заключил, что Годвин, «рожденный XVIII столетием, умер вместе со своим веком, оставив потомкам выдающийся памятник просветительской мысли – “Исследование о политической справедливости”» [19, с. 11–12]. При этом логично, что, рассматривая личность и мировоззрение Годвина, исследователи обращались к характерным его чертам, сложившимся к моменту написания наиболее значимых произведений. Таким образом, большинство исследователей подчеркивали атеизм английского мыслителя, его негативное отношение к религии, сочетавшееся с приверженностью рационалистическим взглядам философов-просветителей [20, с. 279–280].

Однако, как мы уже отмечали выше, мировоззрение человека не есть нечто статичное и окончательно определенное; оно находится в непрерывной эволюции и динамическом развитии, в условиях которого, даже при серьезной перемене жизненных идеалов, полное разрушение прежних мировоззренческих постулатов невозможно. Да, Годвин действительно увлекался идеями французских просветителей и критически относился к религии в своих зрелых философских произведениях конца XVIII в. Но это не отменяет того факта, что изначально он был ярким пуританином и священником, стремясь помогать людям не борьбой за изменение существующего общественно-политического строя, но словом божьим. И, как мы увидим в дальнейшем, некоторые элементы религиозного мировоззрения не исчезли и в более поздних работах философа. Чтобы это доказать, мы должны, во-первых, обратиться к ранней биографии и произведениям английского философа и, во-вторых, рассмотреть, какие элементы религиозного мировоззрения выделяют современные ученые.

Годвин родился в семье пуританского проповедника, где получил строгое религиозное воспитание. Из-за преследования протестантских диссентеров властями для юноши путь в большинство престижных учебных заведений был закрыт, однако он сумел получить хорошее образование в диссентерском колледже в Хакстоне, после чего стал сельским священником [20, с. 232–234]. С самого детства Годвина отличало от остальных сверстников несколько важных черт характера, которые легли в основу его личности.

Первая, и наиболее важная, с нашей точки зрения, черта – это вера в принципиальную доброту человека и стремление добиться теми или иными средствами всеобщего счастья. Эту черту Годвина в своих мемуарах выделяла его знаменитая дочь, писательница М. Шелли. «Может показаться удивительным, – вспоминала М. Шелли о своем отце, – чтобы кто-либо мог искренне верить в то, что при абсолютной свободе не может существовать ни одного порока. Мой отец верил этому. Эта вера была крепчайшей основой его общественного идеала, заключительным словом того прекрасного царства справедливости, которым он хотел связать воедино всю человеческую семью...» [Цит. по: 13, с. 177]. Эту веру в возможность создания «царства справедливости» Годвин не утратит на протяжении всей своей жизни.

Второе, что отмечали в личности и характере Годвина все исследователи – это страсть к книгам, причем не просто к какой-либо художественной или «развлекательной» литературе, а к серьезным философским произведениям, которые он, будучи еще подростком, мог изучать часами [4, с. 5–9; 19, с. 5–7].

Наконец, если анализировать ранний период жизни философа, – это религиозность Годвина. Религиозность эта выражалась не только и не столько в следовании строгой обрядности, но в стремлении помогать людям посредством распространения «истинного» учения и утешения других. Бог для Годвина, даже в его произведениях начала 1780-х гг., когда он только начинал знакомство с философией Французского Просвещения – не «тиран», но символ людской свободы, призванный поддерживать людей. «Ничто так легко не доказывается, – писал Годвин в небольшой работе «Насчет семинарий» (1784), посвященной критике системы английского образования, – как то, что человеческий разум чист и безупречен, что он исходит от Бога, и что пороки, на которые вы (преподаватели. – *Б.К., А.О.*) жалуетесь, имеют реальный источник в этих ваших мелких и презренных мерах предосторожности»². Теме божественного сотворения, социального равенства и справедливости посвящены и многочисленные фрагменты эпистолярного романа Годвина «Итальянские письма», вышедшего также в 1784 г. Социальному неравенству, ханжеству, роскоши и взгляду на бедных «свысока» молодой английский философ противопоставлял человека как «существо Бога». «Человек, – заявлял Годвин, – существо, превосходящее все, что изобрела цивилизация. <...> Если бы воображаемые барьеры были разрушены, если бы мы снова были возвращены к естественному

² Godwin W. An Account of the Seminary. The Project Gutenberg EBook. 2004. URL: www.gutenberg.org/catalog/world/readfile?fk_files=43583 (date of access: 26.06.2020).

состоянию, дворянин казался бы беспомощным и бесполезным существом; человек есть существо Бога, посланное в мир с определенными для каждого способностями. Дворянство же создано искусственно и есть фикция...»³. В 1780-х гг. Годвин серьезно увлечется философией Просвещения. Наибольшее влияние на него произведут труды таких философов, как П. Гольбах, Ж.-Ж. Руссо, К.-А. Гельвеций, которые открыто критиковали религию и церковь [14; 26, р. 26]. Размышления о божественном происхождении человека, о способностях, которые он получил от Бога, пропадут из трудов английского философа, что, однако, не означало исчезновения всех элементов, присущих религиозному мировоззрению, из сознания Годвина. Но, чтобы понять, какие именно элементы религиозного мировоззрения и мировосприятия все же остались в сознании английского интеллектуала, мы прежде должны обратиться к самому понятию «религиозное мировоззрение» и его элементам.

Следует отметить, что понятие «религиозное мировоззрение» за прошедшие века, в особенности в XX в., претерпевало и продолжает претерпевать серьезные семантические изменения. Одна из самых распространенных в XX в., да и сейчас пользующаяся популярностью концепций, – это отождествление религиозного мировоззрения с теизмом или даже с какой-либо определенной религией. В прошедшем столетии наиболее убежденным защитником подобной позиции в зарубежной науке был Р.С. Орфей, резко разделявший христианство как источник истины и любые формы отклонения от него – как другие религии, так и мировоззренческие элементы, отрицавшие или даже допускавшие скептическое отношение в вопросах всеблагости и всемогущества Бога [25]. С подобных позиций четкого выделения теизма как основополагающей мировоззренческой единицы выступал и отечественный богослов А. Мень [10]. Придерживаясь подобной позиции, мы, конечно, вынуждены констатировать, что в мировоззрении атеиста Годвина невозможно было существование каких-либо элементов религиозного мировоззрения, что, казалось бы, позволяет объявить его представителем научно-рационалистического (четкая доказательность и эмпирическая проверяемость) или философского (логическое единство концепций, стремление к опоре на знания и анализ, а не на веру) мировоззрения [17, с. 7–16]. Но в ходе дальнейшего изложения мы увидим, что Годвин не стремился к опоре на знание, не анализировал историческую обстановку и концепции других мыслителей и, тем более,

³ Godwin W. *Italian Letters, Vols. I and II or, The History of the Count de St. Julian*. The Project Gutenberg EBook. 2012. URL: www.gutenberg.org/cache/epub/9299/pg9299-images.html (date of access: 26.06.2020).

не был склонен к эмпирической проверяемости своих идей, даже после того, как он стал атеистом.

Однако позиция ученых-исследователей, отождествляющих религиозное мировоззрение со строгим теизмом, далеко не единственная и подвергалась серьезной критике как в XX в., так и в начале XXI в. Так, современный французский ученый П. Буайе в своем трактате «Объясняя религию. Природа религиозного мышления» на основе анализа различных религиозных учений установил, что говорить о каком-либо универсализме в религиозной картине мира невозможно: слишком велики различия между представителями отдельных верований. П. Буайе в современных религиозных верованиях выделил такие, нехарактерные для крупных религий и религиозного мировоззрения элементы (в понимании, например, А. Меня и Р.Ф. Орфея), как убежденность в смертности богов; взгляд на религию не как на путь к спасению, а лишь как на определенный феномен, ведущий душу к превращению в нематериальный дух; связь некоторых религий с определенным местом, а не учением и т.д. [3, с. 22–23]. Другие исследователи человеческого мировоззрения отмечали, что теизм является важным, но не единственным компонентом религиозного мировоззрения. К примеру, современный американский исследователь И. Барбур акцентировал внимание на сближении религии и метафизики в мировоззрении различных философов и общественных деятелей [1, с. 122–128].

Итак, феномен веры в представлении многих современных исследователей является одним из ключевых элементов религиозного мировоззрения. Как упоминалось ранее, вера в изначальную доброту человеческой души, в то, что «при абсолютной свободе не может существовать ни одного порока» [цит. по: 13, с. 177], по мнению М. Шелли, являлась базовой основой мировоззрения ее отца. Однако, естественно, одних воспоминаний дочери о Годвине недостаточно для того, чтобы заявлять о сохранении и преобладании элементов веры, а не точного расчета или аналитических философских теорий в его работах. Поэтому к некоторым, наиболее важным элементам таких его работ, как «О собственности» и «Приключения Калеба Уильямса», мы и обратимся. Они объемны, и, поскольку нашей задачей является анализ мировоззрения Годвина, детально рассматривать его политические и экономические идеи или сюжетную линию романа «Приключения Калеба Уильямса» нет необходимости.

Каждый мыслитель, и Годвин здесь не исключение, изучающий вопросы социально-экономического и политического развития, предлагает, во-первых, свой взгляд на текущее положение дел в стране или в мире, и, во-вторых, свой идеал общества, к которому он сам и его

сторонники должны стремиться. При этом, предлагая определенный идеал и будучи убежденным в его осуществлении (таким идеалом для Годвина было бесклассовое общество равных личностей, в котором отсутствовали бы любые формы эксплуатации, как экономические (собственность и отношения купли-продажи), так и политические (государство)), мыслитель должен обосновать, почему предложенный «идеал справедливости» принципиально возможен или даже неизбежен. И вот в вопросах обоснования и аргументации преимуществ нового «справедливого» общественного строя и возможности или неизбежности его наступления рассуждения мыслителей серьезно разнятся: от строгих экономических расчетов до исторической обусловленности предлагаемых изменений или веры мыслителя в самом широком смысле слова (веры как бездоказательной убежденности) в неизбежность справедливости. Рассмотрим же на конкретных примерах, на чем базировалась убежденность Годвина в неизбежности реализации предлагаемых им идей.

Одной из основ концепции общественного развития Годвина была ликвидация частной собственности и отношений купли-продажи, вследствие чего неизбежно возникал вопрос: почему люди будут поддерживать такой социально-экономический порядок, тем более что мыслитель предполагал ликвидацию любых механизмов принуждения. Ответ Годвина крайне прост – это произойдет в силу изначальной разумности человека и его естественного стремления к справедливости. «Человек, – писал Годвин, – признающий, что другие люди обладают такой же природой, как и он сам, и способный понять, какое точно место он занимает с точки зрения беспристрастного наблюдателя, должен ясно осознавать, что деньги, затраченные им на приобретение предмета, не приносящего никакой пользы ему самому, использованы плохо, т.к. они могли бы принести существенную пользу кому-нибудь другому»⁴.

Другой важный вопрос, вытекающий из необходимости, согласно мнению Годвина, ликвидации государства как политического института управления и контроля и, соответственно, любых механизмов регулирования общественного порядка, – это проблема преступности. Что или кто защитит граждан от потенциальных преступлений? И в этом вопросе английский мыслитель опять обращался к «истинной» природе человека и своей собственной вере в его изначальную доброту. «Очевидно, что (в новом обществе. – *Б.К., А.О.*) все поводы к преступлениям будут пресечены навсегда. Все люди ценят справедливость, – безапелляционно заявлял Годвин. – Они понимают, что они существа одной общей

⁴ Годвин В. О собственности. М., 1958. С. 66.

природы, и сознают правильность такого обращения друг с другом, которое основывалось на одной общей мерке»⁵.

Подобные рассуждения мы встретим также в вопросах об отказе от роскоши и излишеств, от насилия и войн в силу изначально чистой природы человеческого разума, в которую безоговорочно верил Годвин⁶. В итоге, все основополагающие суждения и концепции английского мыслителя основывались на его безапелляционных суждениях о человеческой «чистоте» и стремлении людей к справедливости, в которых был убежден сам английский мыслитель. «Таковы неустраняемые законы нашей, человеческой природы. Невозможно не видеть прелести равенства и не обольститься теми преимуществами, которое оно обещает»⁷, – заключал Годвин, экстраполируя собственные убеждения и веру на все человечество в целом.

Подобную веру в человеческую природу, в наступление предстоящего справедливого общественного строя, мы увидим и у Калеба Уильямса – главного героя романа «Приключения Калеба Уильямса», пылкого юноши, самостоятельно расследовавшего запутанное преступление и стремившегося добиться правосудия. Его устами Годвин выражал свои собственные мысли. Например, Уильямс доказывал своему оклеветанному другу и покровителю сквайру Ф. Фокленду, что, несмотря ни на какие обстоятельства и клевету, истина и справедливость, в конце концов, восторжествуют. «Пусть, – обращался Уильямс к своему товарищу, – злобная клевета преступника не смущает вас. Рассчитывайте на то, что она не будет иметь никакой цены. Не сомневаюсь, что в глазах всех, слышавших эту клевету, репутация Ваша стоит выше, чем когда-либо. <...> Чистота Ваших побуждений и чувств не будет запятнана злобой. Истина и справедливость покроют позором Вашего клеветника, а вам доставят любовь и одобрение всех людей...»⁸.

Уильямс был честным юношей, ненавидевшим несправедливость, в особенности притеснение бедных богачами. Но при этом он был категорически против любого насилия. Автор романа – Годвин – отдельно подчеркнул это в своем произведении посредством общения главного героя с разбойниками: однажды Уильямс попадает в руки к разбойникам, однако их лидер, Раймонд, видя в мальчике ум и сообразительность, не убивает его, а, напротив, предлагает присоединиться к разбойничьей шайке, дабы установить «свою справедливость». Однако

⁵ Годвин В. О собственности. М., 1958. С. 79.

⁶ Там же. С. 87–100.

⁷ Там же. С. 104–105.

⁸ Годвин У. Калек Уильямс. М., 1961. С. 201.

Уильямс не только не желал установления справедливости насильственным путем, но и уговаривал разбойников отказаться от своего ремесла: «Я решил, что не только не стану участвовать в их предприятиях, но постараюсь в ответ на благодеяния, полученные от них, убедить их бросить ремесло, от которого сами они должны пострадать больше всех»⁹.

Таким образом, основываясь на анализе жизненного пути и произведений Годвина, можно заявить о множестве различных, внешне антагонистических, но сочетавшихся в рамках конкретной личности компонентов мировоззрения английского мыслителя. В сознании Годвина, воспитывавшегося в строгой пуританской семье, на всю жизнь сохранится элемент веры как основополагающего компонента подтверждения собственных жизненных ценностей и аргументации выдвигаемых в его произведениях идей. Однако со временем, под влиянием философии Просвещения, одной из центральных идей которой была убежденность в постоянном прогрессе человеческого разума, присущего в равной мере всем людям, вне зависимости от социального или материального положения, вера английского мыслителя трансформируется. Исчезает как религиозный аспект (в зрелом возрасте Годвин встанет на позиции атеизма в религиозных вопросах), так и строгие догматы радикального пуританизма (убежденность в «изначальной греховности» всех людей, свойственная пуританам, сменится верой в человеческий разум, превозносимый философами-просветителями). Более того, увлечение идеями Просвещения сделает Годвина принципиальным противником действующей власти, сторонником резких общественных перемен. Но одновременно с этим как представитель английской общественной мысли и английской правовой и политической культуры Годвин, стремясь к резким изменениям, будет отстаивать идею о необходимости осуществления изменений эволюционным путем, призывать к отказу от массового кровопролития.

Подводя итог, необходимо отметить, что анализ трансформации мировоззрения Годвина наглядно доказывает многогранность человеческой личности, несводимость мировоззрения конкретного деятеля к одному из типов. Корректно заявлять лишь о наличии тех или иных типичных мировоззренческих черт в когнитивной культуре интеллектуала в целом. Кроме того, даже серьезные изменения в жизни человека, разочарование его в одних идеалах и их смена другими не способны окончательно вытеснить уже сложившиеся мировоззренческие доминанты.

⁹ Годвин У. Калед Уильямс. М., 1961. С. 265.

Библиографический список / References

1. Барбур И. Религия и наука: история и современность. М., 2000. [Barbour I. *Religiya i nauka: istoriya i sovremennost* [Religion and science: Historical and contemporary issues]. Moscow, 2000.]
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М., 2015. [Baudrillard J. *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacres et simulation]. Moscow, 2015.]
3. Буайе П. Объясняя религию. Природа религиозного мышления. М., 2016. [Boyer P. *Obyasnyaya religiyu. Priroda religioznogo myshleniya* [Et l'Homme Crea Les Dieux : Comment expliquer la religion]. Moscow, 2016.]
4. Волгин В.П. Социальные идеи В. Годвина // Годвин В. О собственности. М., 1958. С. 5–57. [Volgin V.P. Social ideas of W. Godwin. *Godwin V. O sobstvennosti*. Moscow, 1958. Pp. 5–57. (In Rus.)]
5. Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. [Deleuze G. *Razlichiye i povtoreniye* [Différence et répétition]. St. Petersburg, 1998.]
6. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология XX век: Антология. М., 1995. С. 213–256. [Dilthey W. Types of worldview and their detection in metaphysical systems. *Kulturologiya XX vek*. Anthology. Moscow, 1995. Pp. 213–256. (In Rus.)]
7. Карпов Б.С. Эволюционный путь развития как доминанта мировоззрения английских мыслителей Нового времени (XVII–XIX вв.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 3. С. 70–86. [Karpov B.S. The evolutionary path of development as the dominant worldview of English thinkers of the New Age (XVII–XIX centuries). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. No. 3. Pp. 70–86. (In Rus.)]
8. Лангюа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 2004. [Langlois C.-V., Seignobos C. *Vvedeniye v izucheniye istorii* [Introduction aux études historiques]. Moscow, 2004.]
9. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. [Medushevskaya O.M. *Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii* [Theory and methodology of cognitive history]. Moscow, 2008.]
10. Мень А. История религии. В поисках Пути, Истины и Жизни. М., 1992. [Men A. *Istoriya religii. V poiskakh Puti, Istiny i Zhizni* [History of religion. In search of the Way, Truth and Life]. Moscow, 1992.]
11. Орлов А.А. Справедливый порядок в европейских проектах «вечного мира» периода Нового времени. М., 2017. [Orlov A.A. *Spravedlivyy poruyadok v evropeyskikh proyektakh «vechnogo mira» perioda Novogo vremeni* [Fair order in the European projects of the “eternal peace” of the New Age period]. Moscow, 2017.]
12. Пинкер С. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признать ее сегодня. М., 2018. [Pinker S. *Chisty list: Priroda cheloveka. Kto i pochemu otkazyuyetsya priznat yeye segodnya* [The blank slate: The modern denial of human nature]. Moscow, 2018.]
13. Рамус П. Вильям Годвин как теоретик коммунистического анархизма. М., 1925. [Ramus P. *Vil'yan Godvin kak teoretik kommunisticheskogo anarkhizma* [William Godwin as a theorist of communist anarchism]. Moscow, 1925.]
14. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4-х т. Т. 4. От романтизма до наших дней. СПб., 1997. [Reale G., Antiseri D. *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dney* [Storia della filosofia]. In 4 vols. Vol. 4. Il pensiero occidentale dalle origini ad oggi. Translation from Italian into Russian. St. Petersburg, 1997.]

15. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. [Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsialnyye teorii i istoriograficheskaya praktika [Historical science at the turn of the XX–XXI centuries: Social theories and historiographic practice]. Moscow, 2011.]
16. Рябов П.В. Проблема личности в философии классического анархизма: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1996. [Ryabov P.V. Problema lichnosti v filosofii klassicheskogo anarkhizma [The problem of personality in the philosophy of classical anarchism]. PhD Dis. Moscow, 1996.]
17. Савцова Н.И., Шуталева А.В. Философия. Екатеринбург, 2017. [Savtsova N.I., Shutaleva A.V. Filosofiya [Philosophy]. Yekaterinburg, 2017.]
18. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889. [Foynitckiy I.Ya. Ucheniye o nakazanii v svyazi s tyurmovedeniyem [Teaching on punishment in connection with prison science]. St. Petersburg, 1889.]
19. Чудинов А.В. Политическая справедливость Уильяма Годвина. М., 1990. [Chudinov A.V. Politicheskaya spravedlivost Uilyama Godvina [The political justice of William Godwin]. Moscow, 1990.]
20. Чудинов А.В. Размышления англичан о французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М., 1996. [Chudinov A.V. Razmyshleniya anglichan o frantsuzskoy revolyutsii: E. Bork, Dzh. Makintosh, U. Godvin [British reflections on the French Revolution: E. Burke, J. Mackintosh, W. Godwin]. Moscow, 1996.]
21. Brown F.K. The life of William Godwin. L., 1926.
22. Comte A. A general view of positivism. Cambridge, 2009.
23. Gadamer H.-G. Truth and Method. N.-Y., 2004.
24. Nongbri B. Before religion. A history of a modern concept. Yale, 2013.
25. Orpheus S.R. General history of religions. L., 1909.
26. Paul C.K. William Godwin, his friends and contemporaries. Vol. 1–2. L., 1876.
27. Woodcock S. William Godwin. L., 1946.

Статья поступила в редакцию 05.08.2020, принята к публикации 10.09.2020

The article was received on 05.08.2020, accepted for publication 10.09.2020

Сведения об авторах / About the authors

Карпов Борис Сергеевич – аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Boris S. Karpov – post-graduate student at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

E-mail: carpov.b@yandex.ru

Орлов Александр Анатольевич – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Alexander A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

E-mail: aa.orlov@mpgu.su

А.Н. Бурлаков

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Конституционные и децентрализаторские проекты режима Виши (1940–1944): наследие прошлого в современной Франции

В данной статье автор предлагает свой ответ на вопрос, был ли режим Виши отклонением в историческом развитии Франции, как уверяют многие исследователи. Согласно этой точке зрения, в пику утвердившимся в сознании большинства французов республиканским и демократическим традициям режим Виши пытался реанимировать самые реакционные и консервативные идеи дореволюционной Франции вкуче с нацистскими и фашистскими новациями. На примере изучения вишистских конституционного проекта и региональной политики автор доказывает, что существует несомненная преемственность между Французским государством (официальное название режима Виши) и республиканскими режимами, существовавшими до и после него. В указанные сферы государственной деятельности правительство Виши внесло много нового, что унаследуют и используют последующие режимы. Это новаторство опровергает еще один миф о режиме Виши как консервативном и архаичном. В то же время режим Виши, который часто называют «фашистским», сумел сохранить духовный суверенитет и верность основополагающим принципам государственного устройства Франции вопреки навязываемому оккупантами «новому порядку». Проведенное исследование дает основание утверждать, что режим Виши не является каким-то отклонением, девиацией в цивилизационном развитии страны, а вполне вписывается в рамки ее исторических традиций.

Ключевые слова: Франция, маршал Петэн, режим Виши, Третья Республика, Четвертая Республика, Пятая Республика, французские конституции, децентрализация власти

© Бурлаков А.Н., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Бурлаков А.Н. Конституционные и децентрализаторские проекты режима Виши (1940–1944): наследие прошлого в современной Франции // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. Т. 11. № 4. С. 74–89. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-74-89

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-74-89

A.N. Burlakov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Constitutional and decentralization projects of the Vichy regime (1940–1944): The heritage of the past in contemporary France

In the article the author offers his answer to the question whether the Vichy France was a deviation in the historical development of the country, as many researchers claim. According to this point of view, contrary to the republican and democratic traditions rooted in the minds of the majority of the French, the Vichy regime tried to revive the most reactionary and conservative ideas of pre-revolutionary France along with Nazi and fascist innovations. In the example of studying the Vichy constitutional project and regional policy, the author proves an undoubted continuity between the French State (official name of Vichy France) and the Republican regimes that existed before and after it. Vichy France introduced many new things into these spheres of state activity which subsequent regimes will inherit and use. These innovations also refute the myth of the Vichy regime as conservative and archaic. At the same time, the Vichy regime, which is often called “fascist”, managed to maintain spiritual sovereignty and loyalty to the fundamental principles of the French state system, despite the “new order” imposed by the occupiers. The results of this research give the author a reason to assert that the Vichy France is not a kind of deviation in national building, but it quite fits into the framework of its historical traditions.

Key words: France, Vichy France, Marshal Pétain, the Third Republic, the Fourth Republic, the Fifth Republic, French constitutions, the policy of decentralization

FOR CITATION: Burlakov A.N. Constitutional and decentralization projects of the Vichy regime (1940–1944): The heritage of the past in contemporary France. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 1. Pp. 74–89. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-74-89

Большинство отечественных и зарубежных историков уверяют нас в том, что режим Виши во Франции (1940–1944) был «фашистским» и являл собой некую девиацию в цивилизационном развитии страны. Согласно этой точке зрения, в пику утвердившимся в сознании большинства французов республиканским и демократическим традициям, Французское государство (официальное название режима Виши) пыталось реанимировать самые реакционные и консервативные идеи дореволюционной Франции вкупе с нацистскими и фашистскими новациями. В данной статье автор ставит перед собой задачу проверить это утверждение на примере законотворчества режима Виши и его региональной политики. Если перед нами действительно некое отклонение от мэйн-стрима общественного развития страны, то законы и распоряжения правительства военной поры должны были кануть в Лету вместе с самим режимом, обнажив «разрыв» с практикой государственного строительства и законодательством предшествующего (Третья Республика) и последующих (Четвертая и Пятая Республики) режимов.

Конституционные нововведения режима Виши

Когда разбирается конституционное законодательство режима Виши, то многие историки сосредотачивают свое внимание исключительно на конституционных актах маршала Петэна. С одной стороны, они важны для понимания того, как была устроена вертикаль власти Французского государства, с другой – их легко критиковать с либеральных позиций, обличая «диктатуру» и «тоталитаризм» режима Виши. Правда, критики забывают об условиях военного времени, когда и в странах западной демократии (Великобритании, США, Канаде) наблюдались ограничения (и даже нарушения) гражданских прав и свобод. Критики также игнорируют и тот непреложный факт, что конституционные акты режима Виши носили *временный* характер. Об этом свидетельствует конституционный акт № 4 *sexies*, составленный в двух редакциях. «Этими актами маршал Петэн, если бы он не успел при своей жизни добиться утверждения подготавливаемой им конституции, восстанавливал учредительные функции Палаты депутатов и Сената, – констатирует знаток конституционного права Марсель Прело. – Одновременно

он отменил все противоречащие акты, принятые им и его правительством после указанной даты» [1, с. 301]. Понятно, почему критики режима Петэна стараются не замечать этого конституционного акта: он противоречит их утверждениям о диктатуре и демонстрирует приверженность маршала Петэна республиканским институтам и традициям.

Но для нас куда больший интерес представляет проект конституции, разрабатывавшийся в течение трех лет Государственным советом по поручению парламента 1940 г. и подписанный маршалом Петэном 30 января 1944 г. Его текст не так легко обнаружить в научных изданиях и даже во всемирной паутине. И это также объясняется желанием замолчать истинное положение вещей. Хотя конституция 1944 г. не была утверждена из-за яростного противодействия немецких оккупантов, угрожавших военным вмешательством в случае ее промульгации маршалом, она представляет собой важный документ, который позволяет нам понять, каким виделось Петэну и его окружению будущее французской государственности. Нельзя согласиться с мнением М. Прело, будто «правительство Виши не оставило никакого конституционного наследства» [Там же, с. 302]. Очевидно, в данном случае М. Прело говорит не как маститый юрист, а как политик, принадлежавший к верхушке голлистской партии.

В задачи автора не входит подробный разбор несостоявшейся конституции 1944 г. Но укажу на главное – она восстанавливала институты Третьей Республики, что, в отличие от многих современных историков, разглядел И. фон Риббентроп и против чего яростно протестовал в своем письме, адресованном маршалу Петэну [8, р. 506–510].

Однако в петэновской конституции были и такие нововведения, которых не было в основном законе Третьей Республики, но которые будут заимствованы последующими режимами Четвертой и Пятой Республик¹. В конституции режима Виши мы видим то, что позже повторит конституция Пятой Республики, – усиление роли президента и появление должности премьер-министра. В ст. 15 конституции 1944 г. говорится, что президент Республики назначает премьер-министра и, по предложению последнего, министров и государственных секретарей. Глава государства также возглавляет Совет министров. Во Франции должность премьер-министра появится только в Пятой Республике. Однако именно в петэновском проекте конституции мы впервые встречаем эту должность, поскольку глава правительства в Третьей и Четвертой Республиках именовался председателем Совета министров. Он определял

¹ Projet de constitution du 30 janvier 1944. URL: <https://mjp.univ-perp.fr/france/co1944p.htm> (date of access: 13.09.2020).

направления деятельности правительства, председательствовал в Совете министров, назначал и освобождал от должности членов кабинета. В конституции Пятой Республики, как и в конституции Петэна, глава государства председательствует в Совете министров (ст. 21) и назначает министров по предложению премьер-министра (ст. 8) [3]. Как и в проекте конституции Петэна (ст. 22), в конституции Пятой Республики министры несут ответственность перед президентом, в то время как в Третьей и Четвертой Республиках – перед парламентом. Выборы главы государства в проекте конституции 1944 г. – не прямые: его выбирает Национальный конгресс, состоящий из депутатов, сенаторов и представителей местных органов власти (ст. 31). Такая же процедура избрания президента существовала и в первой редакции конституции Пятой Республики: 21 декабря 1958 г. Ш. де Голль был избран главой государства коллегией выборщиков из числа парламентариев и местных выборных лиц. И только в 1962 г., когда де Голль прочно утвердился в качестве национального лидера, были введены всеобщие прямые выборы главы государства. Несмотря на внешнюю демократичность всеобщих прямых выборов президента, при непрямых выборах глава государства не обладает полной легитимностью как народный избранник и, следовательно, ограничен в своих полномочиях. Такую же систему «сдержек и противовесов» мы видим в США. И здесь возникает резонный вопрос: где же пресловутая склонность Филиппа Петэна к «фашистской диктатуре», которую ему часто приписывают?

Но не только в устройстве исполнительной власти мы находим параллели между проектом конституции Петэна и конституцией Пятой Республики, но и в организации двух других ветвей власти – законодательной и судебной. В Пятой Республике, как и в проекте конституции 1944 г., верхняя палата парламента, Сенат, избирается сроком на 9 лет с частичным обновлением на треть каждые три года.

Наконец, «фашистский диктатор» Петэн впервые озаботился защитой конституции, создав институт, которого ранее не было – Верховный суд (ст. 33 и 34). Конституция Пятой Республики сохранил этот институт, правда, переименовав его в Конституционный совет. Однако у петэновского Верховного суда предполагалось куда больше прав, чем у нынешнего Конституционного совета: он имел право судить главу государства, министров и чиновников. К тому же петэновский Верховный суд был более профессионален и аполитичен, т.к. должен был состоять только из правоведов, в то время как в Пятой Республике это правило отсутствует, и в Конституционный совет нередко попадали и политики (Д. Мейер, Р. Фрей, Г. Палевски, Ж. Ширак, В. Жискара д'Эстен).

Маршала Петэна постоянно упрекают в следовании патриархальным консервативным традициям, но знаменательно, что ст. 21 проекта 1944 г. впервые предоставляла женщинам избирательные права. Здесь очевидно влияние нескольких авторов проекта 1944 г., ярых поборников женского равноправия – министра юстиции Ж. Бартелеми (1941–1943) и вице-президента Совета министров П.-Э. Фландена (1940–1941). После освобождения Франции Временное правительство декретом от 5 ноября 1944 г. предоставит избирательные права женщинам, далее это узаконят конституции Четвертой и Пятой Республик. Также по проекту конституции 1944 г. военным не возбранялось голосовать на выборах (в отличие от Третьей Республики), что будет повторено в основных законах Четвертой и Пятой Республик.

Таким образом, вопреки широко распространенному мнению, конституционное наследие режима Виши весьма солидно: это и усиление роли президента, и появление должности премьер-министра, и принцип ответственности правительства перед главой государства, и предоставление избирательных прав женщинам и военнослужащим, и создание института конституционного надзора. Родство проекта 1944 г. и конституции Пятой Республики объясняется и личностным фактором. «Отцом» конституции Пятой Республики считается видный голлист Мишель Дебре, служивший и режиму Виши. Он приносил присягу верности маршалу Петэну и работал в Государственном совете под началом Ж. Бартелеми, одного из авторов проекта конституции 1944 г.

В то же время проект конституции 1944 г. сохранял баланс между законодательной и исполнительной властью, характерный для Третьей Республики: это ограничитель президентской власти в виде непрямого избрания главы государства (по преимуществу законодателями). Итак, можем сделать конечный вывод: конституционное наследие режима Виши органично вписывается во французские традиции республиканского государственного строительства.

Региональная политика: по направлению к децентрализации власти

Планы режима Виши предусматривали не только реформу центральных органов власти, но и местных. Дореволюционная Франция представляла собой пестрый конгломерат провинций со своим укладом жизни, диалектами, кутюмами (Старый Порядок так и не выработал единого национального законодательства). Это многообразное сообщество объединяла монархическая идея: все люди, вне зависимости от своих этнокультурных особенностей, были подданными короны.

Когда в ходе революции монархия пала, исчезло и объединяющее всех жителей Франции начало. Пройдет целый век, прежде чем республиканские идеи пустят глубокие корни в стране с крестьянской католической и монархической культурой. Поэтому насилие и централизация стали надолго главным орудием республиканских властей. Республиканцы-якобинцы быстро покончили с муниципальной революцией, первоначально предоставившей широкие полномочия местным органам власти; задушили федералистский мятеж жирондистов, выступавших за децентрализацию. В этой Республике нет бретонцев, корсиканцев, эльзасцев – все являются французами, т.к. в республиканской Франции национальность совпадает с гражданством. Вся страна была разграфлена «в клеточку» на департаменты без учета территории проживания национальных меньшинств. Еще не так давно, в 1950–1960-е гг., в школах национальных окраин учителя, как правило, присланные из Парижского района, на уроках наказывали школьников за разговоры на родном языке. Изучение языков национальных меньшинств в школах и университетах долгое время было запрещено в республиканской Франции. Неудивительно, что хранителями мультикультурных традиций чаще всего выступали консервативные политические силы. Так, духовный лидер монархической организации «Аксьон франсэз» Ш. Моррас был ярким апологетом децентрализации².

Однако во второй половине XX в. ситуация меняется. Либерализация политической и экономической жизни страны, региональная политика Европейского Союза внесли в повестку дня проблему децентрализации власти. В 1982 г. при президенте-социалисте Ф. Миттеране были приняты законы о децентрализации: созданы 22 региона с выборными местными властями, органы местного управления всех уровней расширили свои полномочия и получили дополнительные финансовые возможности, национальные окраины обрели культурную автономию с правом изучать свои языки в школах и вузах и вести радио- и телепередачи на родных языках, а Корсика даже обзавелась своим парламентом.

Но у социалистов, осуществивших эти реформы, были предшественники. К прискорбию социалистов, которые, как и все левые, ненавидят и клянут режим Виши, он первым вступил на путь децентрализации. Справедливости ради надо отметить, что первые робкие шаги в сторону регионализации страны были предприняты сразу же после окончания Первой мировой войны, когда в 1919 г. было объявлено о создании «экономических регионов», которые должны были всего лишь объединить торговые палаты нескольких департаментов. Однако инициатива

² Maurras Ch. L'idée de la décentralisation. Paris, 1898.

не имела продолжения. И только режим Виши вернулся к рассмотрению этого вопроса. К сожалению, отечественные исследователи, говоря об истории децентрализаторских проектов во Франции, обходят молчаливым начинанием правительства Виши [2].

В Национальном Совете при правительстве Виши была создана комиссия, занимавшаяся проблемами децентрализации под руководством Л. Ромье, известного своими либеральными взглядами. В правительстве Виши были люди, на которых оказала большое влияние децентрализаторская концепция Ш. Морраса. Речь идет о министре юстиции Р. Алибере и личном советнике маршала Р. Гийюэне. Маршал Петэн стал первым руководителем Франции, поддержавшим децентрализаторский проект. Уже 11 июля 1940 г. он заявил о предстоящей территориальной реформе [11, р. 20–23]. Согласно проекту, обсуждавшемуся Национальным Советом в мае-августе 1941 г., Францию предполагалось разделить на 20 провинций (первоначально планировалось 26 провинций). Именно при режиме Виши французские регионы начинают приобретать современные очертания на основе социально-экономических характеристик. По сути, нынешние 22 региона почти полностью совпадают в своих границах с провинциями Виши.

Однако немецкая оккупация поставила перед правительством Петэна неразрешимые задачи: с одной стороны, разделение страны на зоны требовало предоставления местным властям большей самостоятельности в принятии решений, но, с другой стороны, возникала реальная угроза сепаратизма, исподволь поощрявшаяся оккупантами (например, в Бретани).

Петэн, часто мысливший как военачальник, хорошо знал цену разумной самостоятельности и инициативности командиров подразделений, когда обстановка на поле боя требовала немедленного принятия решений и когда не было времени и возможности на согласование своих замыслов с начальством. И губернаторов, которые должны были в будущем возглавить провинции, он уподоблял военачальникам: «Его роль (губернатора. – А.Б.) подобна роли командующего армией, который вырабатывает стратегию, в то время как роль префекта уподобляется роли командующего армейским корпусом»³. Провинции и их губернаторы так и остались на бумаге по объективным причинам, а вот региональные префекты, появившиеся согласно закону от 19 апреля 1941 г., обрели невиданную доселе самостоятельность⁴. Правопорядок

³ Pétain Ph. La France nouvelle : Appels et messages 17 juin 1940 – 17 juin 1941. Paris, 1941. P. 137–139.

⁴ Loi № 1768 du 19 avril 1941 instituant des préfets régionaux. *Journal Officiel de l'Etat Français*. 1941. 22 avril. № 112. Vichy, 1941. Pp. 1722–1723.

и вся экономическая жизнь департаментов, относившихся к той или иной региональной префектуре (промышленное производство, сельское хозяйство, продовольственное снабжение, транспорт), были поставлены под контроль префектов. Законы от 11 и 25 августа 1941 г. еще больше усилили самостоятельность префектов в социально-экономических вопросах⁵. Историк и чиновник М.-О. Барух почему-то называет этих префектов «настоящими сатрапами», хотя на плечи этих людей легла огромная ответственность за судьбы и жизни своих соотечественников в тяжелую годину войны [6, р. 5]. Освобожденные от бюрократической опеки центра префекты внесут большой вклад в модернизацию государственного управления, которая с большим скрипом началась в 1930-е гг.

Но одновременно с усилением самостоятельности префектов наблюдалась и противоположная тенденция – усиливалась вертикаль власти в чрезвычайных условиях военного времени. Подобная двойственность и разнонаправленность пронизывает всю региональную политику режима Виши. Эта противоречивость проявилась уже в упомянутой речи Петэна от 11 июля 1940 г. «Система управления будет одновременно централизованной и децентрализованной», – заявил маршал [цит. по 11, р. 20]. Определенную сумятицу вносило и неоднородное в идеологическом отношении окружение Петэна. Помимо названных сторонников децентрализации, среди сотрудников главы государства были и ее противники. Ж. Бартелими, министр юстиции, так разъяснял региональную политику правительства: «Речь идет скорее о восстановлении авторитета государства. Речь не идет о какой-либо децентрализации, как часто ошибочно полагают, а о передачи части полномочий на места»⁶.

Тем не менее, реформа была разработана. Региональные префектуры управляли объединением нескольких департаментов и были названы по имени своего административного центра (Лион, Марсель, Монпелье, Клермон-Ферран, Тулуза, Лимож). После освобождения Франции от оккупантов, в марте 1946 г., созданные правительством Виши региональные префектуры были упразднены, но в 1955 г. возродились, правда, не как самоуправленческие, а как социально-экономические единицы (в 1955 г. их было 19, а с 1956 г. – 22), и только в 1982 г. они обрели статус административно-территориальных образований с органами самоуправления. Их границы очень близки к установленным режимом Виши. Правда, заметны и отличия в подходах к децентрализации.

⁵ Loi № 3433 du 11 août 1941 fixant les pouvoirs du préfet régional. *Journal Officiel de l'Etat Français*. 1941. 12 août. № 223. Vichy, 1941. P. 3365; Loi № 3619 du 25 août 1941 relative aux attributions et pouvoirs des préfets régionaux en matière économique. *Journal Officiel de l'Etat Français*. 1941. 26 août. № 237. Vichy, 1941. P. 3599.

⁶ Barthélemy J. Provinces : Pour construire la France de demain. Paris, 1941. P. 91.

Маршал Петэн бережно и с уважением относился к границам исторических провинций. Под давлением оккупантов режиму Виши двумя декретами от 30 июня 1941 г. пришлось «отрезать» от четырех бретонских департаментов столицу Бретани Нант и департамент Нижняя Луара (сейчас – Атлантическая Луара), включив их в префектуру Анже, где размещалось немецкое командование⁷. Но правительство Виши рассматривало эту меру как временную. «Я хотел бы сказать вам, что выбор Анже в качестве региональной столицы был продиктован обстоятельствами, – объяснял бретонцам со страниц местной газеты префект Анже Шарль Донати. – С наступлением мира Нант вернется в состав Бретани, если к этому времени будут восстановлены провинции. Правительство очень хотело возродить французские провинции. Но было вынуждено под давлением обстоятельств приступить к перекраиванию регионов в соответствии с сиюминутными обстоятельствами. Однако правительство не отказывается от своего проекта, а откладывает его до установления мира и принятия конституции»⁸. В отличие от режима Виши, нынешняя Пятая Республика с пренебрежением отнеслась к воле потомков кельтов – она так и оставила Бретань разделенной, игнорируя требования бретонцев вернуть им их исторические земли и столицу, ныне входящую в соседний регион Пеи-де-ла-Луар.

К военной поре относятся и первые программы по развитию регионов в рамках десятилетнего плана по обустройству территории⁹ (так во Франции именуют политику по устранению социально-экономических диспропорций в региональном развитии). Законом от 15 июня 1943 г. были заложены основы государственной политики в области градостроительства, впервые введен градостроительный кодекс и утверждены первые проекты «новых городов» (городов-спутников)¹⁰. Один из технократов, работавший долгое время в компании Рено, а в годы Виши – комиссар по вопросам борьбы с безработицей, Ф. Леидё, призвал «построить вокруг Парижа ряд городов-спутников, которые вклинятся в сельские предместья и позволят рабочим приобрести здесь дома с земельными участками»¹¹. По мнению Леидё, город-спутник –

⁷ Décrets № 2727 et 2730 du 30 juin 1941 attribuant à certains préfets les pouvoirs des préfets régionaux et portant division du territoire pour l'exercice de ces pouvoirs. *Journal Officiel de l'Etat Français*. 1941. 01 juillet. № 181. Vichy, 1941. P. 2764.

⁸ Ouest Éclair. 1943. 03 septembre.

⁹ Loi № 1561 du 6 avril 1941 relative à l'équipement national. *Journal Officiel de l'Etat Français*. 1941. 04 mai. № 123. Vichy, 1941. Pp. 1893–1894.

¹⁰ Loi d'urbanisme № 324 du 15 juin 1943. *Journal Officiel de l'Etat Français*. 1943. 24 juin. № 123. Vichy, 1943. Pp. 1715–1724.

¹¹ Lehideux F. Conférence d'information sur la lutte contre le chômage. 7 février 1941. Paris, 1941. P. 24.

это не промышленный город, а, скорее, своего рода город-сад в рамках городской агломерации¹². Города-спутники появятся в 1960-е гг., а чуть позже жители крупных городов Франции начнут перебираться из каменных джунглей в зеленые оазисы предместий.

Особо следует сказать о реорганизации Парижского района. Со времен Французской революции он был разделен на три департамента, в один из которых входила столица и ее окрестности. Закон от 14 мая 1932 г. расширил границы Парижа. В 1936 г. правительство Л. Блюма ввело в оборот термин «Большой Париж». И только правительство Виши в августе 1941 г. реализовало разработанный еще в 1939 г. план обустройства Парижского района, включив в его состав соседние департаменты¹³. Созданный комитет по обустройству Парижского района разработал план развития столицы. Именно при режиме Виши вместо термина «Большой Париж» стало употребляться название «Иль-де-Франс» не только как географический и исторический термин, но и для обозначения Парижского административного района. Это название столичного региона сохраняется до сих пор.

Большие перемены произошли и в городском общественном транспорте. До 1940 г. две компании делили между собой столичный рынок транспортных услуг. Одна из них, подконтрольная властям департамента Сены, контролировала наземный транспорт, т.е. автобусные линии (последняя трамвайная линия закрылась в 1938 г.). Метрополитен же принадлежал столичным властям. Между двумя столичными монополистами развернулась нешуточная конкурентная борьба. Это соперничество явно не шло на пользу жителям столичного региона, т.к. часто приводила к дублированию маршрутов. Правительство Виши положило конец этой междоусобице. Государство взяло под свой контроль весь столичный общественный транспорт, учредив Независимое управление парижского транспорта¹⁴. Упор был сделан на развитие метро в ущерб автобусным маршрутам по причине катастрофической нехватки горючего и шин. Были продлены две линии метро. 4 августа 1941 г. вместо обычных билетов в метро появились проездные карты, преобразованные

¹² Lehideux F. Conférence d'information sur la lutte contre le chômage. 7 février 1941. Paris, 1941. Pp. 24–25.

¹³ Loi № 3693 du 28 août 1941 relative à l'aménagement de la région parisienne. *Journal Officiel de l'Etat Français*. 1941. 31 août. № 223. Vichy, 1941. Pp. 3678–3679.

¹⁴ Loi du 20 septembre 1940 relative à l'organisation unique des transports en commun des voyageurs dans la région parisienne et créant un conseil des transports parisiens. *Journal Officiel de la République Française*. 1940. 29 juin. № 247. Vichy, 1940. Pp. 3253–3254; Loi № 3611 du 26 juin 1941 complétant la loi du 20 septembre 1940 relative à l'organisation unique des transports en commun des voyageurs dans la région parisienne et créant un conseil des transports parisiens. *Journal Officiel de l'Etat Français*. 1941. 04 août. № 215. Vichy, 1941. Pp. 5185–5186.

в 1975 г. в т.н. «оранжевую карту» (заменена на более современную только в 2009 г.).

Итак, административно-территориальная реформа во многом носила виртуальный, декларативный характер, и иной быть она не могла в условиях немецкой оккупации. Но и недооценивать ее тоже нельзя. Во-первых, она создала нормативную базу и наметила основные направления политики обустройства территории, которая будет воплощена в жизнь в послевоенное время и даже спустя почти полвека. Во-вторых, важен и психологический момент: в унитарной стране с сильными централизаторскими традициями впервые глава государства и часть правящей элиты заявили о своей приверженности политики децентрализации. Критики режима Виши упирают на то, что маршал будто пытался реанимировать дореволюционные порядки. Но это не так. Та же Французская революция породила наряду с якобинской централизаторской политической культурой жирондистскую децентрализаторскую культуру, долгое время находившуюся в загоне. Режим Виши открыл дорогу этой политической культуре, которая восторжествует в конце XX в. Во-вторых, на примере Парижского района была опробована новая транспортная и градостроительная политика, которая также будет реализована в послевоенное время. В-третьих, региональную политику режима Виши можно рассматривать и как своеобразный вызов оккупантам: ведь она исходила из того, что Франция после войны будет освобождена от немецкого диктата, а ее действие распространялось на все французские земли, включая те, которые были оккупированы немцами (Северная зона), отторгнуты ими (Нор-Па-де-Кале) или аннексированы (Эльзас и Лотарингия).

По направлению к культурной автономии

Если административно-территориальная реформа во многом осталась нереализованной, то в области культурной автономии наблюдался настоящий прорыв. «Национальная революция» маршала Петэна с ее лозунгом «Назад, к земле» и воспеванием традиций «малой родины» зывала к региональному патриотизму. К восприятию культурного богатства Франции маршалом Петэном лучше всего подходит цитероновское выражение «E pluribus unum» («Из многих – единое»).

С сентября 1940 г. по распоряжению правительства Виши в каждом департаменте свободной зоны были созданы комиссии по пропаганде местных диалектов, истории и традиций [5, р. 62]. Ж. Рипер, министр народного образования и молодежи (сентябрь-декабрь 1940 г.), призвал образовательные учреждения изучать «местные диалекты, историю

и географию»¹⁵. Декретом от 24 декабря 1941 г. новый министр образования Ж. Каркопино разрешил изучать в начальной школе «региональные диалекты» во внеурочное время (по полчаса в неделю). «Учителям разрешается во внеурочное время проводить в школьных помещениях факультативные занятия по изучению диалектов (баскского, бретонского, фламандского, провансальского) не более полчаса в неделю», – говорилось в декрете¹⁶. Общественность национальных окраин, не избалованная вниманием со стороны центральных властей при Третьей Республике, приветствовала даже эти робкие шаги навстречу культурной автономии. «Думаю, что выражу мнение всего Фелибрижа (литературное движение за возрождение провансальской словесности и культуры. – А.Б.): этот декрет – всего лишь промежуточный этап на пути признания провансальского языка в средней и высшей школе», – заявил в интервью местной газете¹⁷ глава общества филибров Ж. Буссак.

В Бретани для обучения учителей методике преподавания бретонского языка были организованы летние курсы повышения квалификации в 1942 и 1943 гг. Правительство Виши также разрешило преподавание краеведения (региональной истории и географии) на бретонском языке. Экзамен на знание бретонского языка стал обязательным при прохождении конкурса на занятие должностей школьных учителей, университетских преподавателей, госслужащих, судей и прокуроров в регионе [9, р. 54]. С 1 ноября 1940 г. радиостанция «Ренн-Бретань» стала еженедельно выпускать региональные программы на бретонском языке, а с 1942 г. – два раза в неделю. Хотя бретонская радиостанция была создана еще в 1927 г., до войны она просто ретранслировала радиопередачи из Парижа, т.к. французский язык в демократической Третьей Республике был единственным языком, разрешенным в публичном пространстве. В 1941 г. был опубликован первый современный роман на бретонском языке [5, р. 136]. Появились и газеты на бретонском, а также на провансальском языках. В Тулузе открылся Окситанский колледж.

Особенно тепло приветствовали децентрализаторские инициативы режима Виши на Юге, и это неудивительно, т.к. Свободная зона находилась под защитой маршала. 8 сентября 1940 г. Петэн отправил поздравительное письмо обществу фелибров в связи с 110-й годовщиной со дня рождения выдающегося поэта-фелибра, лауреата Нобелевской премии

¹⁵ Circulaire relative à l'enseignement de l'histoire. Manuel général de l'instruction primaire. 1940. 23 novembre. P. 34.

¹⁶ Arrêté du 24 décembre 1941 concernant l'introduction de cours facultatifs de langues dialectales dans les écoles primaires. *Journal Officiel de l'Etat Français*. 1941. 27 décembre. № 346. Vichy, 1941. P. 5562.

¹⁷ La Dépêche. 1942. 04 février.

по литературе Фредерика Мистрала. «Мистраль олицетворяет для меня новую Францию и в то же время традиционную Францию, которую мы хотим возродить, – писал Петэн. – И пусть наше французское возрождение найдет в Мистрале своего вдохновителя, путеводителя и наставника» [Цит. по: 4, р. 325].

Мысли, высказанные Петэном в данном письме – еще одно подтверждение того, что идейный арсенал режима Виши состоял не из старых отживших догм: идеологи Французского государства стремились сохранить преемственность в общественном развитии страны, соединяя унаследованное от прошлого с требованиями нового времени, сочетая традиции и новаторство.

Общества по изучению культурного наследия Юга из Арля, Экс-ан-Прованса, Тулона, Авиньона одно за другим выражали свое почтение маршалу Петэну [7, р. 193]. 1 июня 1941 г. во время празднования дня Св. Эвстеллы Сентской (святая покровительница фелибров, воспетая Мистралем. – А.Б.) общество фелибров провозгласило маршала Петэна своим почетным членом «в знак благодарности и признательности за живой интерес к изучению творчества Мистрала и языка “ок”» [Цит. по: 4, р. 330]. В своем ответном письме Петэн отметил, что «защита и прославление ваших диалектов и этнической идентичности, наконец-то дождался своего часа» [Цит. по: 4, р. 331]. По мнению маршала, деятельность фелибров «имеет значение не только для ваших законных устремлений, но и для всей Франции» [Цит. по: 4, р. 331]. Во времена режима Виши с благословения властей именами Мистрала называются улицы южных городов, ему устанавливаются памятники (например, в 1942 г. – в Арле) [5, р. 64].

После падения режима Виши идиллия между центральной властью и национальными окраинами была нарушена. Лидеры национальных движений Юга и Бретани были объявлены коллаборантами, многие подверглись репрессиям и тюремному заключению [4, р. 70]. С изучением региональных языков было покончено [10, р. 189].

Тем не менее, спустя несколько лет Четвертая Республика пошла по пути режима Виши. 11 января 1951 г. закон Деиксона (закон № 51-46), названный так по фамилии докладчика парламентской комиссии по делам национального образования, признал существование региональных языков, а также разрешил их факультативное преподавание в начальной школе во внеурочное время в объеме 1–2 часов в неделю¹⁸. В рамках законов о децентрализации власти в 1980-х гг. национальные меньшинства, наконец, обрели полную культурную автономию.

¹⁸ Loi № 51-46 du 11 janvier 1951 relative à l'enseignement des langues et dialectes locaux. *Journal Officiel de la République Française*. 1951. 13 janvier. Paris, 1951. P. 483.

Итак, проведенное исследование дает основание для следующих выводов. Режим Виши не является каким-то отклонением, девиацией в цивилизационном развитии страны, а вполне вписывается в рамки ее исторических традиций. Анализ конституционного проекта 1944 г. и региональной политики правительства Виши позволяет выявить органическую связь принципов функционирования Французского государства и других политических режимов, ему предшествовавших и за ним последовавших.

Более того, обнаруживается ряд удивительных наблюдений, которые опровергают устоявшиеся стереотипы восприятия режима Виши. Во-первых, режим, который часто называют «фашистским», сумел сохранить *духовный суверенитет* и верность национальным традициям вопреки навязываемому оккупантами «новому порядку» в Европе. Во-вторых, режим, который многие считают консервативным, архаичным, пытавшимся реанимировать прошлое, сумел прочертить (а где-то даже и приступить к реализации) новые траектории общественно-политического и социально-экономического развития страны, которые будут востребованы и осуществлены последующими режимами Четвертой и Пятой Республик.

Библиографический список / References

1. Прело М. Конституционное право Франции. М., 1957. [Prelo M. Konstitutionnoe pravo Francii [Prélot M. Précis de droit constitutionnel]. Moscow, 1957].
2. Соловьев А.А., Шеяфетдинова Н.А. Децентрализация государства: опыт Франции // Современное право. 2014. № 11. С. 154–160. [Solovyov A.A. Sheiafetdinova N.A. Decentralization of the State: the French Experience. *Sovremennoe pravo*. 2014. № 11. Pp. 154–160. (In Russ.)].
3. Французская Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1989. [Francuzskaya Respublika. Konstituciya i zakonodatelnye akty [The French Republic. Constitution and Legislation]. Moscow, 1989.]
4. Abrate L. Occitanie. 1900–1968 : des idées et des hommes. Puy-laurens, 2001.
5. Aviv A. Regional Language Policies in France during WWII. London, 2014.
6. Baruch M.O. Servir l'État français. L'administration en France de 1940 à 1944. Paris, 1997.
7. Calamel S., Javel D. La langue d'oc pour étendard : les félibres (1854–2002). Toulouse, 2002.
8. Ferro M. Pétain. Paris, 2009.
9. Hordern F. Le mouvement breton dans l'histoire de la Bretagne. Aix-en-Provence, 1978.
10. Le Boterf H. La Bretagne dans la guerre (1938–1945). Paris, 2000.
11. Pétain Ph. Messages d'outre-tombe du maréchal Pétain. Textes officiels, ignorés et méconnus, signes secrètes. Paris, 1984.

Статья поступила в редакцию 02.09.2020, принята к публикации 05.11.2020
The article was received on 02.09.2020, accepted for publication 05.11.2020

Сведения об авторе / About the author

Бурлаков Александр Николаевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки, Московский педагогический государственный университет

Alexander N. Burlakov – PhD in History; Associate Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America, Moscow Pedagogical State University

E-mail: an.burlakov@mpgu.su

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-90-103

А.Е. Виноградов

независимый исследователь,
119313 г. Москва, Российская Федерация

Rugi и формы этнонима *Русь* в средневековых европейских источниках: связь или совпадение?

Решение проблемы возникновения названия «Русь» неотделима от объяснения различных форм его написания в средневековых европейских источниках. Существующие теории не могут объяснить появление таких форм, как *Russi*, *Rugi*, *Rus(c)i*, *Rutuli* и их взаимозаменяемость. Большинство этих форм, по всей вероятности, восходят к латинским корням со значением «красный», что может быть объяснено как внешними характеристиками носителей этнонима, так и древней географической семантикой этого цвета («южный»). Латинское происхождение этой группы названий, в свою очередь, могло отражать представления европейского ученого мира о процессах этногенеза в бывшем римском Подунавье и связях с ними ранней Руси.

Ключевые слова: Древняя Русь, норманнская теория, древневерхненемецкий язык, этнонимия, Подунавье, Римская империя, романизация

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Виноградов А.Е. *Rugi* и формы этнонима *Русь* в средневековых европейских источниках: связь или совпадение? // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 1 С. 90–103. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-90-103

© Виноградов А.Е., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

A.E. Vinogradov

Independent researcher,
Moscow, 119313, Russian Federation

Rugi and the forms of the ethnonym *Rus* in medieval European sources: Connection or coincidence?

Solving the problem of the origin of the name *Rus* is inseparable from explaining the various forms of its spelling in medieval European sources. Existing theories cannot explain the appearance of such forms as *Russi*, *Rugi*, *Rus(c)i*, *Rutuli* and their interchangeability. Most of these forms, in all probability, go back to the Latin roots with the meaning 'red', which can be explained both by the external characteristics of the ethnonym carriers, and by the ancient geographical semantics of this color ('Southern'). The Latin origin of this group of names, in turn, could reflect the ideas of the European scholarly world about the former Roman Danube and the connections of early Russia with them.

Key words: Ancient Rus, the Norman theory, ethnic terms, old high German language, the Danube, the Roman Empire, romanization

FOR CITATION: Vinogradov A.E. *Rugi* and the forms of the ethnonym *Rus* in medieval European sources: connection or coincidence? *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 1. Pp. 90–103. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-90-103

Происхождение названия Русь давно вызывает споры ученых. Уже стало практически хрестоматийным замечание А. Брюкнера: «Кто правильно истолкует название Руси, получит ключи к разгадке ее начальной истории» [38, С. 41] и претендентов на ключи собралось немало, но разгадки по-прежнему нет.

Как верно обозначает В.С. Кулешов, вся библиография вопроса «труднообозрима» [12, с. 439]. Представители преобладающей – скандинавской этимологии – в основном придерживаются теории, восходящей к Г.Ф. Миллеру, окончательно оформленной В. Томсеном и связывающей этноним Русь с западнофинским *ruotsi* [56, С. 97–196].

Согласно ей, в довикингский период появляется форма, производная от др.-сканд. **Rōþs* (-*menn*, -*karlar*), употреблявшегося по отношению к гребцам и воинам, участникам походов на гребных судах [17, с. 53; 31, с. 522–523] или от лексемы *rōði*, судя по одной из рунических надписей XI в., имевшей значение «морской поход» [18, с. 137], от шведского хоронима *Rod* (позже *Roslagen*) [41, р. 143–145].

Согласно указанным версиям, как отражение **Rōþs* в прибалтийско-финских языках около VII в. возник этноним **roč*, впоследствии *ruotsi*, изначально обозначавший приходивших на финские территории скандинавов, а затем получивший, по выражению К.-О. Фалька, «евроазиатское распространение», вплоть до тунгусских и бурятского языков, имея уже только значение «русский», поскольку население этих областей сталкивалось только с русскими первопроходцами [42, р. 147–159].

Схема, производящая *Русь* от *ruotsi*, подвергалась и подвергается серьезной критике. Многочисленные сомнения в фонетической возможности такого перехода отражены даже в работах сторонников норманнской теории. Точный путь превращения *ruotsi/rōtsi* в *Русь* «остаётся неясным» [43, р. 30], в предложенной схеме «есть трудности» [8, с. 285]. Поиски однозначной исходной словоформы для *ruotsi* затруднительны из-за крайне незначительного известного лексикона старшерунических надписей [18, с. 137].

К.А. Максимович считает, что скандинавская этимология западно-финского *ruotsi* сомнительна [15, с. 15–19]. Этот термин, возможно, имеет не скандинавскую, а финскую основу [32, с. 100], и схожие термины в других языках уральской семьи могли восходить к общему пермскому прототипу, означавшему не шведа-гребца и не русского, а просто чужеземца [7, с. 123]. По мнению Г. Шрамма, полная неясность корней этнонима *ruotsi* заставляет оставить этот вопрос вообще вне исследовательского процесса [54, S. 107].

В поисках определения возможных истоков названия Русь исследователи обращаются к различным формам этого этнонима в средневековых европейских источниках. Если в византийских источниках довольно точно указана страна или народ *Ῥώς* (*Родς*) то, по мнению ряда исследователей, западноевропейские формы отличаются исключительной пестротой: *Rûzâra*, *Ruz(z)i*, *Rugi*, *Rus(c)i*, *Ruszi*, *Ruizi*, *Rus(s)i*, *Rut(h)eni*, *Rutuli*, *Ruti*, *Reuteni*, *Rûzen*, *Rauszen* и др. [20, с. 14; 49, р. 267–268].

Это пестрота объясняется по-разному. О.И. Прицак пришел к выводу, что форма *Ruz-* (*Ruszi*, *Ruizi*) источников IX–XI вв. является древневерхнемецкой [24, с. 119–122], а по мнению А.В. Назаренко, эта форма отражает в латинской (как правило) письменной передаче «живой древневерхнемецкой этноним», оригиналом которого, в свою

очередь, послужило славянское название. *Rusci(a)* являлась нижненемецкой формой [20, с. 37; 49, р. 267–268].

Вместе с тем вопрос о выявлении «русских» форм в западноевропейском нарративе является крайне сложным. Лексемы, напоминающие этноним *Русь*, не обязательно с ним связаны. Многочисленные *Ruozi*, *Ruozo* и др. могут быть отражением германских личных имен, образованных от **hrudod* «слава» [53, S. 34], топоним *Rosdorf* нет оснований связывать с *Русью* [20, с. 89], гидроним *Rusor* появился в результате венгерского искажения румынского *râu* «река», «ручей» [45, р. 305, 332].

Г.Ф. Ковалев полагает, что попытка объединить германским происхождением и связать с *Русью* «набор лексем» является «крайне неудачной» [9, с. 19–20]. Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин считают, что *Ruzzi* «Баварского географа» «скорее соответствует этногеографическому контексту ранних финно-славяно-скандинавских контактов», а генезис некоторых других похожих терминов “неясен” [18, с. 147]. Высказывались и мнения о византийском происхождении таких форм [1, с. 181].

На наш взгляд, также представляется преждевременным выводить *Ruzz-*, *Ruz-* (О.И. Прицак считает их единой формой, воспроизводимой как *руц-* [24, с. 119–120]) средневековых источников сугубо из древневерхненемецких диалектов. Они могут восходить также к староитальянским (вольгаре) лексемам, фонетически передаваемым с характерной аффрикатой. Показательно, что вместе с *Ruzzi* в «Баварском географе» фигурирует и трактуемая как неясная древневерхненемецкая [20, с. 62], на наш взгляд, характерная апеннинская форма *Fraganeo* (ср. совр. итал. *suffraganeo*). Последующие формы *Ruzzi* (у Адама Бременского и др.) могли восходить к общему источнику [1, с. 181]), и мы полагаем, что им могли стать как венецианские купцы, чьи маршруты проходили через Верхнее Подунавье, так и итальянская книжная традиция, с учетом ее громадного влияния на франкскую письменность (отрезок конца VIII в. называли для культуры империи Карла Великого «итальянским периодом» [5, с. 227]). В данном случае речь уже могла идти о типичной средневековой этимологии (ср. итал. *ruzzo* с его разнообразием значений), когда те или иные этнонимы произвольно сближались с практически любым созвучным термином.

Привлечение других лексем народно-латинского происхождения также может оказаться продуктивным в свете рассматриваемой проблемы. Нельзя не отметить, что топоним *Ruscia*, который А.В. Назаренко помещает в список «русских», отмечен еще в VI в. в Италии, подобные названия и сейчас содержат некоторые регионы Апеннин [11, с. 176–177].

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет этноним *Rugi/Rugii*, который часто заменялся в разных вариантах источников на *Ruteni*, *Rūzen* или *Rucen* и т.д. [20, с. 44; 25, с. 298]. По мнению А.В. Назаренко, это именование бесспорно относится к древней Руси в источниках X–XII вв. лишь четыре раза, начиная с торгового устава начала X в. австрийского Раффельштеттена (далее – Устав), а вопрос о происхождении этого варианта «остаётся открытым» [20, с. 46, 50]. О.И. Прицак полагает, что вариант *Rugi* является свидетельством старофранцузского влияния на речь рипуарских франков [24, с. 126].

На наш взгляд, указанный вопрос можно решить, в первую очередь, уточнив число действительно «русского» употребления этнонима. В частности, *Rugi* Устава могут относиться не к киевской Руси, а к местам, менее удаленным от Раффельштеттена. М.К. Юрасов предполагает, что Устав имеет в виду ругов из Карпатского бассейна [36, с. 6–14].

Однако упоминание в Уставе в одинаковом контексте торговцев-славян как «от ругов», так и «от богемов» подразумевает скорее их еще более близкое соседство. Этноним *Rugi* и их страну, отмеченные Евгипием, а затем Павлом Диаконом, в контексте истории Норика конца V в. локализуют на различной территории Моравии и Нижней Австрии [39, р. 5; 55, р. 76]. Моравия подходит для описываемых Уставом «славян от ругов», т.к. не относилась ни к Баварской восточной марке, ни к зависимым от последней «богемам».

Описанная в Уставе «номенклатура» товаров, с которыми приходили «от ругов» к Раффельштеттену, демонстрирует отсутствие ключевого восточнославянского товара – мехов, а что касается воска и коней, то они не являлись специфичными для Восточной Европы, в частности, поставлялись в средневековье в южнонемецкие города из Богемии и Моравии [58, р. 304], скорее всего, именно о товарах этого происхождения речь идет в Уставе [13, с. 4].

Факт, что руги задержались в Подунавье крайне недолго, не противоречит другим прецедентам, когда недолго владевший территорией этнос на столетия вписывал на ней свое имя. Так, гунны властвовали в Паннонии лишь несколько десятилетий, однако этого оказалось достаточно для поддержания многовековых легенд о дунайской «державе Аттилы» в европейских эпосах, не говоря уже о венгерской традиции [35].

Что касается формы *Rugi* в южнонемецких источниках, то она, похоже, «рассматривалась как чужая, заимствованная» [20, с. 298].

В этой связи любопытно происхождение источников, где *Rugi* явно выступают в качестве синонима Руси: «Продолжение хроники

Регинаона Прюмского», «Истории норманнов» Гийома Жюмьежского и (с учетом сомнений насчет восточноевропейских приключений сыновей английского короля [23, с. 671]) только предположительно, в «Законах Эдуарда Исповедника». Последние два источника являются примерами англо-нормандской письменности, авторство первого принадлежит Адальберту, выходцу из Лотарингии. То есть данный круг источников непосредственно связан с ареалом распространения старофранцузского литературного языка, отражавшего, в свою очередь, диалекты группы *oïl*, и предположение О.И. Прицака о старофранцузском влиянии на появлении формы *Rugi* представляется интересным.

Речь идет о старофранцузских лексемах с корнем *Rug*, из которых наиболее примечательными, по нашему мнению, являются *Ruge* [47, р. 211], *Rugelet (Rougelet)* [44, р. 246, 263], варианты слова *Roge (Rouge, Ruige)*, означавших оттенки от красного до румяного. Показателен и произведенный от этих слов французскими крестоносцами топоним *Rugia (Chastel de Ruge)*, который в латиноязычных документах назывался *Rubea* «красная» [26, с. 28, 32].

Таким образом, авторы указанных трех источников, используя *Rugorum* вместо *Russorum*, могли вольно или невольно сблизать этноним с другой лексемой, также означавшей «красный». На это как будто указывает сам комментарий к соответствующему сюжету в «Законах Эдуарда Исповедника»: «королевство ругов, которое мы *лучше* (*melius*, курсив мой. – *A.B.*) называем Русью (*Russiam*)» [16, с. 58]. Если бы речь шла об известном древнем племенном названии ругов, вряд ли такая оговорка была уместна, поскольку как раз лучший вариант, очевидно, и являлся бы более проверенным временем. Скорее, в данном случае читается намек на то, что *Rugorum* все еще является языковой инновацией, не всеми в мире латинской и производной от нее письменности принятой. Примечательно, что при этом западноевропейские авторы вообще не делали явных попыток связать *Rugi* в указанных случаях с древним германским этнонимом (в отличие, например, от *Rut(h)eni*, который увязывался с галльскими *Rutheni* [20, с. 44]). То есть в их представлении *Rugi*, равное *Russi*, – это некое новое образование.

Трактовка корня *Rug* в данном случае совпадает с другими значениями лексем, выше связываемых с Русью в ряде индоевропейских языков [31, с. 521–522]. При этом наибольшее число совпадений дают латынь (*russeus, russulus, russus, russatus, russescere*) и ее производные румынское *rus* и др. То, что именно для источников X–XIII вв. из романоязычного ареала – Италии и Франции – характерно большее употребление *Russ* [20, с. 40–41], несмотря на *Rugi* и другие формы, может быть

вызвано большей укорененностью там классического латинского обозначения красного цвета.

Вместе с тем, другие формы названия *Русь* нельзя назвать чуждыми собственно латыни. Хотя *Rut(h)eni* производится от кельтского обозначения красного цвета [23, с. 18], *ruth* [52, р. 315], однако близкий корень имелся и в латыни: *rutilus* – «светящийся красным». Соответственно, «русская» форма *Rutulii* полностью совпадает с античным италийским этнонимом, имевшим, согласно Дж. Девото, тот же цветовой смысл «красные, светлые» [40, р. 85].

Наконец, *Rusci* перекликается с лексемой *rusceus*, еще в классических латинских памятниках означавшей цвет ягод иглицы [57, р. 531], т.е. насыщенный красный оттенок.

Такая «цветовая аура» создавала множество проблем в прочтении источников, в отделении собственно этнического названия от топонимов и прочих лексем, образованных от прилагательного «красный». По А.А. Шахматову, «сколько недоразумений вызывалось звуковой близостью имени Русских со словами, означающими красный цвет...» [34, с. 178]. Но, с другой стороны, именно эта близость могла указывать на корни этнонима.

Согласно предположению Х. Станга, в большинстве древних источников под Русью имелось в виду совсем другое племя, которое еще в конце античности называли «красным»: «Вместо непонятого южанам имени... эрулов им давали другие названия. Самое простое – греческое “Русиос” “красные”, “красноватые”» [28, с. 123]. Такое же изначальное «цветовое» (только праславянское) значение этнонима предполагает и К.А. Максимович [15, с. 53].

Мало того, А.Г. Кузьмин считал, что «по существу, все формы обозначения Руси в западноевропейских источниках объясняются из каких-то языков и диалектов как “красный”, “рыжий”» [23, с. 18].

Цветовые характеристики представителей разных народов были типичны для древней и средневековой литературы. Галльских рутенов автор I в. Лукан из Кордобы называл *flavi*, что означало оттенок от рыжего до желтовато-белого, аналогичный цветовой эпитет применялся римлянами к свевам, сарматам, бриттам, восточноевропейским гелонам [50, р. 53]. Не редкость и этнонимы, образованные от названия цвета или, по крайней мере, этимологизированные таким образом в классической традиции: например, Исидор Севильский вслед за античными историками производил имя кавказских албанов от белого (*alba*) цвета [46, р. 18]. В этнонимии древних тюрков встречались (хотя и реже, чем случаи с другими «цветовыми» этнонимами) названия племен с корнем *кызыл* – красный [10, с. 177].

Татарское именование удмуртов *ар* по одной из версий также связано с другим тюркским (булгарским) обозначением красного и переводится как «красные, рыжие люди» [33, с. 16, 18].

Во всяком случае любопытно, что «красная» тема настойчиво фигурирует в самых разных известиях о Руси. Ибн Фадлан писал о русах, что они «красны лицом» [6, с. 78]. Низами Гянджеви подчеркивает яркость красного оттенка лиц русов, сравнимого с блеском огня [21, с. 376]. Лиутпранд Кремонский говорит, что русы называются так в греческом языке по их «особенностям тела» (*a qualitate corporis*) [48, р. 107], видимо, имея ввиду красноватый оттенок, что подтверждает и Ал-Масуди, согласно которому византийцы называют русов «красные» [2, с. 25].

Речь может идти о румянце или банальном «красном» загаре, характерном для всех белокожих европейцев (так, Адам Бременский выделял как один из главных признаков пруссов «красные лица» [37, р. 192]). Такое значение близко ряду известных этнонимов, названных другими народами (например, *эфियोны* в древнегреческом – «опаленные лица» [22, с. 24]).

Есть и другая семантика цветowych этнонимов. Х. Станг отмечает заимствованную германцами у кельтов традицию ритуального окрашивания волос перед вступлением в бой (с чем связывается прозвище Одина «краснобородый»), связанными с той же традицией обычаями окрашивать красным щиты или носить красную одежду [28, с. 122]. Это соответствовало индоевропейской традиции от древнего Ирана вплоть до европейской рыцарской геральдики.

Зачастую феномен «красных» этнонимов связывают с древними цветовыми обозначениями стран света [29, с. 51]. Х. Ловмянский предполагал, что корень, означавший «красный, рыжий», в применении к Руси мог указывать на какую-то особенность территории [14, с. 187]. Красный в традиции кочевников, например, тюрков, чаще всего означал юг, оттого исследователи полагают, что компоненты *кызыл* и др. в именовании племен означало не внешнюю особенность, а южное расположение носителей этнонимов [22, с. 22].

Займствование этой традиции европейцами не всегда однозначно, но показательно, что на карте середины XV в. фра Мауро Камальдула *Rossia Rossa* означает наиболее южную из общей территории *Rossia* от Поднепровья до Новгорода [27, с. 140].

«Цветовое», «красное» значение этнонима не единственное. Например, некоторые византийские варианты написания этнонима Русь ближе к греческим лексемам, обозначавшим не «красный», а «течение, поток» [12, с. 455]. Как не единственно возможными (хотя и наиболее частыми, учитывая, что и упомянутое *Ροδσιος* – латинское заимствование

в греческий) являются его латинские корни. И в целом западноевропейские формы, выступающие в ряде случаев синонимами Руси, действительно отличаются значительным разнообразием.

Привлечение староитальянских и старофранцузских этимологий позволяет, по нашему мнению, прояснить значение, которое придавалось формам этнонима. К.А. Максимович, на наш взгляд, ошибочно утверждает, что «все без исключения» формы этнонима, отраженные в источниках, объясняются славянской этимологией [15, с. 53]. Также представляется неверным вывод В.С. Кулешова, о том, что с красным цветом загадочный этникон связывали лишь византийцы, например, в передаче Лиутпранда [12, с. 450]. Не славянскими, а именно латинскими или вульгарно-латинскими корнями объясняются в т.ч. те варианты, в которых не заметен иной след (*Rut(h)-*, *Rusc-*) и, как правило, речь идет о семантике «красный цвет».

Вместе с тем, мы не утверждаем, что эта этимология, придававшаяся термину *Русь* в средневековье, обязательно отражает его изначальный смысл. В частности, непонятно, какие именно «цветовые» особенности – внешние ли, географические – связывали этноним со значением «красный цвет» и каким образом это имя стало самоназванием народа, причем уже в первой половине IX в., в период посольства *Rhos* в Константинополь и Ингельхайм. Вполне возможно, что «цветовая» этимология была примитивно-книжной в духе Исидора Севильского и вторичной по отношению к настоящей, которую тогдашний ученый мир мог и не знать. Но отсутствие иных этимологий «Руси» в немецких и скандинавских источниках XI–XIII вв. и, наоборот, присутствие там явно античных *Rutheni*, говорит не в пользу того, что это настоящее имя было скандинавским. А наивные этнонимические легенды XIV–XV вв. о братьях Чехе, Лехе и Русе [19, с. 139–203] вряд ли сильно укрепляют и славянскую версию.

Не исключено, что латинский характер «русских» этимологий все же был не совсем случаен и отражал представления об изначальной Руси, как-то связанной с латинским миром, следы чего, на наш взгляд, присутствуют в древнерусской антропонимии и географических названиях [3; 4]. А также сведениях восточных авторов, что русы – живущая рядом с хазарами ветвь «румийцев» [30, с. 113], что обычно трактуется как исповедующие православную византийскую веру, но вариативность семантики *Рум*, *Румийа* и как «Византия», и как «Рим» [51, с. 348] дает основания и для иного объяснения.

В любом случае разнообразие европейских форм, связываемых с древней Русью, требует дополнительного изучения с привлечением различных, не только германских, как, впрочем, и славянских или

латинских материалов. Не только название, но и географическая локализация происхождения народа русь по-прежнему является предметом споров, в связи с чем любые научные этимологии, разумеется, подкрепленные историко-нарративной, археологической и иной базой, могут претендовать на право решения многовековой загадки «откуда есть пошла Русская земля».

Библиографический список / References

1. Атанов П.А. Кельтская этимология термина Русь в статье О.И. Прицака «Происхождение названия Rūs/Rus'» (комм. мнения М.Б. Свердлова) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. 2013. № 12. С. 175–194.. Atanov P.A. Keltskaja jetimologija termina Rus' v state O.I. Pricaka «Proishozhdenie nazvanija Rūs/Rus'» [Celtic etymology of the term Rus in the article by O.I. Pritsak "Origin of the name Rūs/Rus' ". *Trudy istoricheskogo fakulteta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. No. 12. Pp. 175–194. (In Russ.)]
2. Бейлис В.М. Ал-Масуди о русско-византийских отношениях в 50-х гг. X в. // Международные связи России до XVII в. / Под ред. А.А. Зимина, В.Т. Пашуто. М., 1961. С. 21–31. [Bejlis V.M. Al-Masudi on Russian-Byzantine relations in the 50s of the X century. *Mezhdunarodnye svjazi Rossii do XVII v.* A.A. Zimin, V.T. Pashuto (eds.). Moscow, 1961. Pp. 21–31. (In Russ.)]
3. Виноградов А.Е. Антропонимия первых русских князей и происхождение династии Рюриковичей // *Via in tempore*. История и политология. 2020. № 47 (3). С. 309–317. [Vinogradov A.E. Anthroponymy of the first Russian princes and the origin of the Rurik dynasty. *Via in tempore. Istorija i politologija*. 2020. No. 47 (3). Pp. 309–317. (In Russ.)]
4. Виноградов А.Е. О «росских» названиях днепровских порогов в De administrando imperio // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 3. С. 7–13. [Vinogradov A.E. About the "Russian" names of the Dnieper rapids in De administrando imperio. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. Vol. 26. No. 3. Pp. 7–13. (In Russ.)]
5. Гаспаров М.Л. Каролингское возрождение (VIII–IX вв.) // Памятники средневековой латинской литературы. М., 1979. С. 223–242. [Gasparov M.L. Carolingian Renaissance (VIII–IX centuries). *Pamjatniki srednevekovoj latinskoj literatury*. Moscow, 1979. Pp. 223–242. (In Russ.)]
6. Ибн-Фадлан. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939. [Ibn-Fadlan. *Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu* [Ibn Fadlan's journey to the Volga]. Moscow; Leningrad, 1939.]
7. Игушев Е.А. Семантическое освоение коми заимствований в мансийском языке // Вестник Югорского государственного университета. 2012. Вып. 1 (24). С. 121–124. [Iigushev E.A. The semantic development of Komi borrowings in the Mansi language. *Vestnik Jugorskogo gosugarstvennogo universiteta*. 2012. Vol. 1 (24). Pp. 121–124. (In Russ.)]
8. Клейн Л.С. «Русь» в системе этнонимов как ключ к происхождению термина // *Stratum plus*. 2014. № 6. С. 283–286. [Klejn L.S. "Rus" in the system

- of ethnonyms as a key to the origin of the term. *Stratum plus*. 2014. No. 6. Pp. 283–286. (In Russ.)]
9. Ковалев Г.Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. Воронеж, 2014. [Kovalev G.F. Izbrannoe. Jethnonimika. Voronezhskoe lingvokraevedenie. Raznoe [Favourites. Ethnonymy. Voronezh linguo-regional studies. Various]. Voronezh, 2014.]
 10. Кононов А.И. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 159–179. [Kononov A.I. The Semantics of the colour names in Turkic languages. *Tjurkologicheskij sbornik*. 1975. Moscow, 1978. Pp. 159–179. (In Russ.)]
 11. Кузнецов Е.В. Этногенез восточных славян. Исторические очерки (VI–IX вв.). Арзамас, 2001. [Kuznecov E.V. Jethnogenez vostochnyh slavjan. Istoricheskie ocherki (VI–IX vv.) [Ethnogenesis of the Eastern Slavs. Historical essays]. Arzamas, 2001.]
 12. Кулешов В.С. К оценке достоверности этимологий слова Русь // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории. СПб., 2009. С. 439–457. [Kuleshov V.S. To assess the reliability of etymologies of the word Rus. *Slozhenie russkoj gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoj istorii*. St. Petersburg, 2009. Pp. 439–457. (In Russ.)]
 13. Лебедева А.А. Раффельштеттенский мытный тариф как источник о торговле Великой Моравии IX–X веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2012. Т. 12. Сер.: История международных отношений. Вып. 4. С. 3–6. [Lebedeva A.A. Raffelstetten Customs Regulations as a source on the trade of great Moravia of the IX–X centuries. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Ser.: Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij*. 2012. Vol. 12. No. 4. Pp. 3–6. (In Russ.)]
 14. Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. [Łowmiański H. Rus' i normanny [Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich]. Moscow, 1985.]
 15. Максимович К.А. Происхождение этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ. Юбилейный сборник в честь 60-летия проф. И.С. Чичурова. М., 2006. С. 14–56. [Maksimovich K.A. The origin of the ethnonym Rus in the light of historical linguistics and ancient written sources. *Jubilejnyj sbornik v chest 60-letija prof. I.S. Chichurova*. Moscow, 2006. Pp. 14–56. (In Russ.)]
 16. Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979. [Matuzova V.I. Anglijskie srednevekovye istochniki IX–XIII vv. [English medieval sources of the IX–XIII centuries]. Moscow, 1979.]
 17. Мельникова Е.А. Скандинавы в процессах образования Древнерусского государства // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избр. тр. / Под ред. Г.В. Глазыриной, Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 49–72. [Melnikova E.A. Scandinavians in the formation of the Old Russian state. *Melnikova E.A. Drevnjaja Rus' i skandinavija. Izbrannye trudy*. G.V. Glazyrina, T.N. Dzhakson (eds.). Moscow, 2011. Pp. 49–72. (In Russ.)]
 18. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избр. тр. / Под ред. Г.В. Глазыриной, Т.Н. Джаксон. М., 2011. С. 133–152. [Melnikova E.A., Petruhin V.Ja. Name “Rus” in the ethnocultural history of the Old Russian state (IX–X centuries).

- Melnikova E.A. Drevnjaja Rus' i skandinavija. Izbrannye trudy.* G.V. Glazyrina, T.N. Dzhakson (eds.). Moscow, 2011. Pp. 133–152. (In Russ.)]
19. Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1996. [Mylnikov A.S. Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoj Evropy [A picture of the Slavic world: A view from Eastern Europe]. St. Petersburg, 1996.]
 20. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. [Nazarenko A.V. Drevnjaja Rus' na mezhdunarodnyh putjah. Mezhdisciplinarnye очерки kulturnyh, trgovyih, politicheskikh svyazej IX–XII vekov [Ancient Russia on international routes. Interdisciplinary essays on cultural, trade, and political relations of the IX–XII centuries]. Moscow, 2001.]
 21. Низами Гянджеви. Собрание сочинений в 5 т. Т. 5. М., 1986. [Nizami Ganjavi. Sobranie sochinenij [Collected works]. Vol. 5. Moscow, 1986.]
 22. Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы: Сб. ст. / Под ред. В.А. Никонова. М., 1970. С. 5–33. [Nikonov V.A. Ethnic terms. *Jetnonimy*. V.A. Nikonov (ed.). Moscow, 1970. Pp. 5–33. (In Russ.)]
 23. Откуда есть пошла Русская земля / Сост. и комм. А.Г. Кузьмин. М., 1986. Кн. 1. [Otkuda est poshla Russkaja zemlja [Where did the Russian land come from?]. A.G. Kuzmin (compiler and comments). Moscow, 1986. Vol. 1.]
 24. Прицак О.И. Происхождение названия Rūs/Rus' // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 115–131. [Pricak O.I. Origin of the name Rūs/Rus'. *Voprosy jazykoznanija*. 1991. No. 6. Pp. 115–131. (In Russ.)]
 25. Рыбалка А.А. Сны аббата Килиана // *Novogardia*. 2020. № 1. С. 181–306. [Rybalka A.A. [The dreams of the Abbot Kilian. *Novogardia*, 2020. No. 1. Pp. 181–306. (In Russ.)]
 26. Рыбалко А.А. «Русский замок» в Сирии // *Novogardia*. 2019. № 3. С. 25–34. [Rybalko A.A. “Russian castle” in Syria. *Novogardia*. 2019. No. 3. Pp. 25–34. (In Russ.)]
 27. Соловьев А.В. Византийское имя России // Византийский временник. 1957. Т. 12 (37). С. 134–155. [Solovyev A.V. Byzantine name of Russia. *Vizantijskij vremennik*. 1957. Vol. 12 (37). Pp. 134–155. (In Russ.)]
 28. Станг Х. Наименование Руси. Герульская версия // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 119–147. [Stang H. Name of Russia. Herul version. *Stratum plus*. 1999. No. 5. Pp. 119–147. (In Russ.)]
 29. Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 48–67. [Trubachev O.N. Early Slavic ethnonyms – witnesses of the migration of Slavs. *Voprosy jazykoznanija*. 1974. No. 6. Pp. 48–67. (In Russ.)]
 30. Умянков И.И. «История» Фахрэддина Мубаракшаха // Вестник древней истории. 1938. № 1 (2). С. 108–115. [Umyakov I.I. Fakhreddin Mubarakshah's “Story”. *Vestnik drevnej istorii*. 1938. No. 1 (2). Pp. 108–115. (In Russ.)]
 31. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987. [Vasmer M. *Jetimologicheskij slovar russkogo jazyka* [Russisches Etymologisches Wörterbuch]. Vol. 3. Moscow, 1987.]
 32. Черных П.Я. Очерки русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956. [Chernyh P.Ja. *Oчерki russkoj istoricheskoi leksikologii*.

- Drevnerusskij period [Essays on Russian historical lexicology. Old Russian period]. Moscow, 1956.]
33. Чураков В.О. Южные удмурты в X – середине XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2001. [Churakov V.O. Yuzhnye udmurty v X – seredine XVI v. [Southern Udmurts in the X – middle of the XVI century]. PhD theses. Izhevsk, 2001.]
 34. Шахматов А.А. Варанголимен и Россофор // Историко-литературный сборник, посвященный В. И. Срезневскому, изданный Академией наук. Л., 1924. С. 166–182. [Shahmatov A.A. Varangolimen and Rossofor. *Istoriko-literaturnyy sbornik, posvyashchenny V. I. Sreznevskomu, izdannyi Akademiei nauk*. Leningrad, 1924. Pp. 166–182. (In Russ.)]
 35. Шохин А.А. Причины и ранние этапы формирования «гуннского мифа» в средневековой венгерской хроникальной традиции // Финно-угорский мир. 2015. № 4. С. 48–52. [Shohin A.A. Causes and early stages of the formation of the “Hunnic myth” in the medieval Hungarian chronicle tradition. *Finno-Ugric World*. 2015. No. 4. Pp. 48–52. (In Russ.)]
 36. Юрасов М.К. Откуда приходили «руги» в Раффельштеттен на рубеже IX–X вв.? // Русин. 2009. № 4/181. С. 6–14. [Jurasov M.K. Where did the Russian rugs come from in Raffelstetten at the turn of the IX–X centuries? *Rusin*. 2009. No. 4/181. Pp. 6–14. (In Russ.)]
 37. Adamus Bremensis. Adami Gesta hammaburgensis ecclesiae pontificum Hannoverae. Hahn, 1846.
 38. Brückner A. O nazwach miejscowych. Kraków, 1935.
 39. Cristoforis G.B. Compendio della storia Milanese. Milano, 1830. T. 2.
 40. Devoto G. Gli antichi Italici. Firenze, 1967.
 41. Ekbo S. The etymology of Ruotsi “Sweden”. *Les pays du Nord et de Byzance*. R. Zeitler (ed.). Uppsala, 1981. Pp. 143–145.
 42. Falk K.-O. Einige Bemerkungen zum Namen Rusy. *Les pays du Nord et de Byzance*. R. Zeitler (ed.). Uppsala, 1981. Pp. 147–159.
 43. Franklin S. Shepard J. The Emergence of Russia 750–1200. L.; N.-Y., 2014.
 44. Goodfrey F. Dictionnaire de l’ancienne langue francaise et des tous ses dialectes du IX au XV siècles. Paris, 1892.
 45. Illyes E. Ethnic continuity in the Carpatho-Danubian Area. Hamilton, 1992.
 46. Isidori Hispalensis episcopi Etymologiarum sive originum. Libri XX. W.M. Lindsay (ed.). T. II. Oxford, 1911.
 47. Kelham A. A Dictionary of Norman or Old French Language. L., 1779.
 48. Liudprandi Cremonesis. Opera Omnia Hannoverae. Hannoverae, 1877.
 49. Lozinskiy G. La Russie dans la literature française du Moyene Age. *Revue des etudes slaves*. 1929. T. 9. № 3-4. Pp. 253–269.
 50. Lucani Cordubensis M.A. Pharsalia sive Belli civilis. Libre decem. Notis H. Glareani. Lugduni Batavorum (Leiden), 1728.
 51. Marquart J. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.
 52. Matasovič R. Etymological dictionary of Proto-Celtic. Leiden; Boston, 2009.
 53. Nazarenko A.V. Die Regensburgen Ruzarii. *Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte*. Beiheft 42. München, 2012. Pp. 15–38.
 54. Schramm G. Alt Russlands Anfang: Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern and Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg im Breisgau, 2002.

55. Schutz H. *Tools, Weapons and Ornaments: Germanic Material in Pre-Carolingian Central Europe*. Leiden; Boston; Köln, 2001.
56. Thomsen V. *Der Ursprung des Russischen Staates*. Gotha, 1879.
57. Vaan de M. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden; Boston, 2008.
58. Zaoral R. Silver and glass in Medieval trade and cultural exchange between Venice and the Kingdom of Bohemia. *The Czech Historical Review*. 2011. Issue 109. Pp. 284–310.

Статья поступила в редакцию 18.11.2020, принята к публикации 02.02.2021
The article was received on 18.11.2020, accepted for publication 02.02.2021

Сведения об авторе / About the author

Виноградов Алексей Евгеньевич – кандидат исторических наук; независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

Aleksey E. Vinogradov – PhD in History; independent researcher, Moscow, Russian Federation

E-mail: alwynor@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-104-118

М.В. Батшев

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва,
119072 г. Москва, Российская федерация

Новые архивные документы по истории советских пленных в Норвегии в годы Великой Отечественной войны

Тема советских пленных долгое время была табуирована, и лишь в 1990-х гг. началось изучение этой темы. Появлению большого количества объективных исследований препятствуют многие причины. Одна из них – отсутствие необходимого количества публикаций документов по теме советских пленных, а также по истории их репатриации после окончания войны обратно в СССР. В данной статье предпринят обзор документов, хранящихся в фонде Управления уполномоченного СНК (СМ) СССР по делам репатриации (ГУПВИ), отложившихся в Государственном архиве Российской Федерации. Из огромного массива документов, представленных в данном фонде, рассмотрены материалы по истории советских пленных в Норвегии в годы Великой Отечественной войны и их репатриации на родину. В ходе изучения материалов архивного фонда автором были выявлены не только официальные документы по этому вопросу (отчеты), но и документы личного происхождения – короткие рассказы и развернутые воспоминания бывших пленных, которые были записаны непосредственно после освобождения из фашистской неволи в мае-июне 1945 г. Введение в научный оборот этих документов обогащает наше знание о прошлом и открывает новые страницы подвига советского человека.

Ключевые слова: архивные документы, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., новые источники по истории военного плена, советские военнопленные в Норвегии, репатриация советских военнопленных на родину

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Батшев М.В. Новые архивные документы по истории советских пленных в Норвегии в годы Великой Отечественной войны // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2021. Т. 12. № 1. С. 104–118. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-104-118

© Батшев М.В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

M.V. Batshev

Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, 119072, Russian Federation

New archival documents on the history of Soviet prisoners of war in Norway during the Great Patriotic War

The theme of Soviet prisoners was a taboo in Soviet times, and only after the collapse of the USSR, studies on this topic appeared. Many reasons hinder the emergence of a large number of objective studies. One of them is the lack of the sufficient number of publications of documents on the topic of Soviet prisoners, as well as on the history of their repatriation after the end of the war back to the USSR. The article presents a review of the documents stored in the fund of the Office of the Commissioner of the Council of People's Commissars of the USSR for Repatriation (GUPVI), deposited in the State Archive of the Russian Federation (GARF). From the documents stored in this fund, materials on the history of Soviet prisoners of war in Norway during the Great Patriotic War and their repatriation to their homeland are considered. In the course of studying the materials of the archival fund, the author identified not only official documents on this issue (reports), but also documents of personal origin - short stories and detailed memoirs of former prisoners, which were recorded immediately after the release from Nazi captivity in May-June 1945. The introduction of these documents into scientific circulation enriches our knowledge of the past and opens new pages of the feat of the Soviet man.

Key words: archival documents, the Great Patriotic War of 1941–1945, new sources on the history of war captivity, Soviet prisoners of war in Norway, repatriation of Soviet prisoners of war to their homeland

FOR CITATION: Batshev M.V. New archival documents on the history of Soviet prisoners of war in Norway during the Great Patriotic War. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 1. Pp. 104–118. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-104-118

Одной из важнейших задач исторической науки является сохранение и ретрансляция эпизодов, касающихся простых людей, участвовавших в важнейших событиях той или иной эпохи. Во время Великой Отечественной войны большое количество советских граждан оказалось в нацистском плену, в концентрационных лагерях, разбросанных по всей Европе. Для возвращения этих граждан на родину была создана специальная структура – Управление уполномоченного Совета народных комиссаров (СНК) СССР по делам репатриации граждан СССР (далее – ГУПВИ). Опыт и механизм ее деятельности представляет научный интерес и актуальность в русле современного изучения истории Великой Отечественной и Второй мировой войн.

Цель данной статьи – показать, какими возможностями обладает один из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) для исследований в этой области. На основе сохранившихся архивных материалов управленческого и личного характера можно рассмотреть и проанализировать деятельность Управления по делам репатриации советских граждан после окончания Великой Отечественной войны. Массив этих документов опубликован в сборнике «Советские военнопленные в Норвегии: документы и исследования» [7].

Прежде чем рассматривать документы, содержащиеся в фонде Р 9526 («Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации») ГА РФ, необходимо дать краткий анализ предшествующих документальных публикаций и исследований по истории советских пленных в Норвегии. Это позволит лучше понять ценность и место в изучении темы вновь выявленных нами документов.

В отечественной историографии впервые издание воспоминаний бывших пленных, переживших ужасы нацистских концлагерей в Норвегии, было осуществлено в 1964 г., когда в издательстве «Международные отношения» вышел сборник «Норвежские были» [2]. В книгу вошли материалы, присланные бывшими узниками составителю М.Г. Искрину (который сам был в плену в Норвегии) после Международного фестиваля молодежи и студентов 1957 г. Несмотря на то, что в основу издания легли мемуарные свидетельства, его нельзя считать полноценной документальной публикацией. В аннотации указано, что составитель литературно обрабатывал присланные ему тексты.

В постсоветский период настало время для появления источниковедческих обзоров и публикаций документов о военном плене в период войны вообще и об истории пребывания советских пленных в Норвегии, в частности. Ограничимся для краткости только тремя примерами.

В опубликованной в 2008 г. статье члена-корреспондента РАН В.С. Христофорова «Документы российских архивов о советских

военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии. 1941–1944» сделан упор на анализ документов, в первую очередь, проверочно-фильтрационных дел, отложившихся в фондах Центрального архива ФСБ России [10].

В том же году в Перми был выпущен сборник документов «Война глазами военнопленных» [1]. Данное издание представляет собой рассказы бывших военнопленных о пережитом ими в плену. Эти рассказы взяты из протоколов допросов, которые исследователи выявили в рассекреченных проверочно-фильтрационных делах бывших пленных. В ряде протоколов рассказывается о жизни пленных в нацистских концлагерях в Норвегии.

В 2019 г. вышел двухтомный сборник документов «Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии 1944–1952» [6]. Представленные в нем документы раскрывают картину формирования структур Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР. По мнению специалиста по истории российско-германских отношений Д. Стратевского, из материалов, представленных в сборнике, можно увидеть, «кто из политиков, управленцев высокого ранга, командного состава и старших офицеров являлись основными акторами процесса репатриации, как было отрегулировано взаимодействие между группами отдельных уполномоченных» [9, с. 307].

В кандидатской диссертации М.М. Паникар «Советские военнопленные в Норвегии в годы Второй мировой войны» использованы документы российских и норвежских архивов. Из интересующего нас фонда ГА РФ (Р 9526) автором был привлечен важный документ – отчет Смешанной советско-норвежской комиссии по расследованию условий жизни и работы бывших советских пленных в немецко-фашистском плену в Норвегии в 1941–1945 гг. [3].

Описанию архивных фондов, содержащих документы по истории советских пленных в Норвегии, посвящена статья (2017 г.) М.М. Паникар и Ф.Х. Соколовой [4]. Авторы отмечают, что, в отличие от большого количества научной литературы о советских военнопленных, находившихся в основных европейских странах, «единичными работами представлена история военного плена в оккупированной Германией Норвегии» [4, с. 251]. Своей задачей авторы видят анализ документов, отложившихся в российских и норвежских архивах. Они рассматривают состав специализированных фондов двух российских архивов: ГА РФ («Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации»)¹

¹ Данный фонд ошибочно назван авторами статьи «Ведомством уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Ф.И. Голикова» (см. цитату далее).

и Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) («Референтура по Норвегии»). По мнению авторов, «Фонд “Ведомство уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Ф.И. Голикова” позволяет реконструировать процесс репатриации советских граждан. В фонде содержится ценная информация об условиях, о сроках и порядке репатриации, о нормах и условиях продовольственного и медицинского обеспечения граждан в пути следования» [4, с. 257]. В статье Паникар и Соколовой отсутствует подробный анализ вышеназванного фонда ГА РФ, авторы сосредотачивают свое внимание только на одном документе из богатейшего собрания.

Норвежские исследователи также занимаются изучением истории пребывания советских пленных в годы войны в Норвегии. Укажем на работу Марианне Солейм, написанную, в основном, на основе документов, сохранившихся в норвежских и немецких архивах [8].

Прежде чем перейти к анализу выявленных нами в ГА РФ документов, изложим вкратце историю создания ГУПВИ.

Высшее руководство СССР обратило пристальное внимание на проблему советских граждан, оказавшихся в годы войны за границей, в конце лета 1944 г. 26 августа СНК СССР принял постановление № 116-344сс «О советских военнопленных и насильственно увезенных немцами советских гражданах, находящихся на территории Франции и Италии» [5, с. 333]. За два дня до этого аналогичное постановление (№ 6457 «Об организации приема возвращающихся на родину советских граждан, насильно увезенных немцами, а также по другим причинам оказавшимся за границей СССР») принял Государственный Комитет Оборона СССР.

Стремительное наступление Красной Армии заставило повысить статус структуры, призванной заниматься бывшими пленными, с ведомственного на правительственный. 4 октября 1944 г. было принято постановление СНК СССР № 1315-393с «Об Уполномоченном СНК СССР по делам репатриации граждан СССР», а 23 октября 1944 г. постановление «Об утверждении Положения об Уполномоченном Совнаркома СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран». Полное название нового ведомства – Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран (ГУПВИ).

Новое управление быстро получило помещение в центре Москвы. Ему был выделен дом № 7 в Кропоткинском переулке. Главой Управления был назначен генерал-полковник Ф.И. Голиков, заместителями – генерал-полковник И.В. Смородинов и генерал-лейтенант К.Д. Голубев [5, с. 334]. Голиков получил большой опыт военно-дипломатической

работы, возглавляя в начале войны советскую военную миссию в Великобритании и США, где вел переговоры о поставках военной техники. Также он успел принять участие непосредственно в боевых действиях. С 1943 г. переведен на военно-административную работу. К моменту создания ГУПВИ занимал должность начальника Главного управления кадров Наркомата обороны, эту должность он сохранил, когда стал Уполномоченным СНК СССР по делам репатриации граждан СССР. Деятельность этого Управления и нашла свое отражение в архивных документах, сконцентрированных в настоящее время в его фонде, хранящемся в ГА РФ (Р 9526).

Этот фонд состоит из шести описей. В первой описи (998 дел, из числа которых особенно интересны д. 1, 24, 31–33) указаны документы о создании ведомства и планах его работы. В описи № 2 (61 дело) основная масса документов относится к истории пребывания советских пленных во Франции и их репатриации в СССР. Дела, находящиеся в описи № 3 (265 дел), представляют собой рассказы военнопленных различных стран, которые находились в советских лагерях. Здесь встречаются отзывы венгерских, румынских военнопленных, но больше всего материалов японских военнопленных, записанных перед их репатриацией на родину. В описи № 4 (78 дел) указаны фотоматериалы, созданные в разных лагерях и сборных пунктах. Они фиксируют бывших советских пленных, готовящихся к отправке на родину. Фотографии сделаны, в основном, во Франции, Италии, Германии, Дании. В этой же описи представлены материалы газет, издававшихся для репатриантов: «Вести с Родины», «На Родину», «Родина зовет», «Счастливый путь». Выделяются из общей массы отложившихся в этой части фонда документов три альбома с фотографиями японских военнопленных в лагере близ г. Находки. В описи № 5 (119 дел) сконцентрированы документы по личному составу аппарата управления Уполномоченного. В основном это лицевые счета сотрудников, картотеки учета, а также ведомости на получение денежного содержания. В описи № 6 (1231 дело) представлены документы по репатриации советских граждан из разных стран Европы, в т.ч. из Норвегии. Данная опись наиболее многочисленная из всех в этом фонде. Собранные здесь документы отражают непростой процесс деятельности ГУПВИ по репатриации советских граждан после окончания Второй мировой войны. Документы из этой описи и будут нами проанализированы в данной публикации.

Изучение надписей на обложках дел, просмотренных нами, позволяет утверждать, что документы фонда долгое время перемещались по разным архивам. Изначально они сконцентрировались в Архиве внешней политики МИД СССР, а позже, уже в постсоветское время, были

переданы в ГА РФ. Перемещение дел из архива в архив привело к тому, что большинство документов, подшитых в дела, имеют двойную нумерацию листов. Первоначально их нумеровали в Архиве МИД, а после передачи в ГА РФ его сотрудники не стирали и не зачеркивали проставленные предшественниками номера, а проставили свои номера рядом. При этом последовательность номеров кое-где прервана, что позволяет сделать вывод о том, что какие-то документы из дел удалялись. На отдельных документах сохранились даже и номера листов, проставленные в делопроизводстве ГУПВИ при первичной обработке дел и при подготовке их к архивному хранению.

Еще одной особенностью организации документов в дела является то, что некоторые документы подшиты по два или три экземпляра подряд. Иногда в одном деле подшиты два экземпляра одного и того же документа, а потом этот же документ встречается совершенно в другом деле. Документы по репатриации советских граждан из одной страны могут перемежаться документами, относящимися к истории возвращения граждан из других стран.

Своеобразен язык, которым написаны описи дел. В них вместо слова «документ», к которому мы привыкли, фигурирует термин «бумага»: секретная и совершенно секретная.

Документы по истории советских пленных в Норвегии отложились в разных делах описи № 6. Ряд документов позволяет оценить количество советских пленных, содержащихся в немецких лагерях в Норвегии в конце войны. Первый документ – справка Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба Красной Армии². Он показывает, какой информацией обладало руководство СССР относительно количества пленных по состоянию на сентябрь 1944 г.

Осенью 1944 г. Советское правительство по разным каналам пыталось установить количество пленных, находящихся в Норвегии. В письме заместителя заведующего 2-м европейским отделом НКВД Г.И. Тункина³ читаем: «8 сентября норвежский министр иностранных дел от имени норвежского правительства выразил желание, чтобы уже сейчас было установлено сотрудничество между “Норвежским бюро беженцев и переселенных лиц” и соответствующим советским представителем, который позднее мог бы сопровождать норвежские власти

² Справка о количестве советских пленных в Норвегии // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р 9526 (Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации). Оп. 6. Д. 63. Л. 161–162.

³ Знаменитый юрист-международник, в его честь в МИДе была учреждена ведомственная медаль.

в Норвегии и способствовать репатриации советских военнопленных и перемещенных лиц на родину»⁴.

Другой находкой, которую нам посчастливилось сделать, является аналитический доклад английской разведки с оценкой количества советских пленных в Норвегии, подготовленный еще до капитуляции Германии. Дата доклада – 24 апреля 1945 г. Доклад составлен на основании сведений, полученных от английских агентов в различных провинциях Норвегии. Уникальность данного документа в том, что он, как и предыдущий, позволяет оценить, пусть и приблизительно, количество советских пленных в Норвегии в годы войны. Содержащаяся в тексте информация частично может восполнить пробелы в наших знаниях по данному вопросу. В архивном деле приводится полный текст доклада как на английском, так и на русском языках. Тексты идут один после другого⁵.

Судя по аналитической части доклада, английские агенты в Норвегии получали данные, в основном, на протяжении 1944 – начала 1945 гг. Они были сведены в таблицу и представлены в виде аналитической части. Кроме основного текста, к нему добавлены два приложения. Одно из них представляет собой список тех же лагерей, как и в основном тексте доклада, но с номерами. В другом приложении под этими же номерами все лагеря нанесены на карту Норвегии. Данная карта представляется весьма ценным картографическим источником.

Другие источники, отложившиеся в этом фонде, отражают деятельность сотрудников ГУПВИ. Процесс репатриации советских граждан из Норвегии, Дании и Англии обеспечивала группа генерал-майора П.Ф. Ратова. В одном из дел находится документ под названием «Список офицерского, сержантского и рядового состава, работающих по репатриации в Норвегии, Англии и Дании»⁶. В документе приведены фамилии, имена, отчества и воинские звания всех членов группы Ратова, а также указаны их должности. Любопытно, что, отправившись в Норвегию организовывать репатриацию, они не взяли с собой переводчика с норвежского языка, а только с английского. Столкнувшись с отсутствием переводчиков с норвежского, что оказалось необходимым для организации работы по репатриации, группа Ратова привлекала бывших пленных, сумевших хорошо выучить норвежский язык, в качестве переводчиков.

⁴ Письмо Г.И. Тункина В.М. Молотову от 10.09.1944 // ГА РФ. Ф. Р 9526. (Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации). Оп. 6. Д. 15. Л. 14.

⁵ Доклад английской разведки // Там же. Д. 70. Л. 191–202 (текст на русском языке). Л. 203–225 (текст на английском языке).

⁶ Список офицерского, сержантского и рядового состава, работающих по репатриации в Норвегии, Англии и Дании // Там же. Д. 69. Л. 36–39.

Как пишет уже упоминавшийся нами Д. Стратевский, «наиболее интересный массив документов – это отчеты уполномоченных по репатриации» [9, с. 307]. Можно согласиться с такой оценкой, причем эта оценка также справедлива относительно репатриации из Норвегии. Необычайно информативным документом, позволяющим представить себе общую картину работы группы Ратова в Норвегии, является его итоговый отчет⁷. Документ датирован 15 октября 1945 г. Он создавался, когда весь процесс репатриации из Норвегии был уже закончен. В нем отражена вся история репатриации, которая была проведена за несколько предшествующих месяцев, с июня по сентябрь 1945 г.

Этот документ дополняют доклады заместителей Ратова о ходе репатриации из различных регионов Норвегии, в частности, отчет И.П. Одицеца о репатриации из зоны Трондхейма⁸. В этом же деле представлены отчеты об организации репатриации в других зонах Норвегии.

Интересен комплекс отчетов о подготовке и проведении репатриации с севера Норвегии. Это «Отчет Караваева и Велья по репатриации советских граждан из Северной Норвегии с 25.05 по 8.07.1945»⁹ и «Доклад т. Велья Р.М. О работе союзной комиссии по выявлению зверств Немецкого фашизма над советскими гражданами в Северной Норвегии»¹⁰. Документ состоит из текстов рапортов норвежских официальных лиц, занимавшихся расследованиями военных преступлений немцев, актов, составленных после вскрытия могил убитых советских пленных, протоколов допросов бывших охранников лагерей.

Очень информативен документ, описывающий состояние здоровья бывших пленных. Это отчет заместителя Ратова В.Н. Михайлова «Медицинское обеспечение советских граждан, репатрированных из Норвегии»¹¹. В нем рассказывается о том, в каком состоянии советские представители увидели бывших пленных, какие были приняты меры по лечению нуждающихся в медицинском обеспечении. Главной проблемой, по мнению Михайлова, были не эпидемические болезни, а распространенная среди бывших пленных дистрофия, возникшая от крайне плохого питания. В документе рассказывается об организации

⁷ Итоговый отчет о репатриации советских граждан // ГА РФ. Ф. Р 9526. (Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации). Оп. 6. Д. 68. Л. 2–71.

⁸ Одицец И.П. Отчет о репатриации из зоны Трондхейм // Там же. Л. 111–128.

⁹ Отчет Караваева и Велья по репатриации советских граждан из Северной Норвегии с 25.05 по 8.07.1945 // Там же. Л. 224–235.

¹⁰ Доклад т. Велья Р.М. О работе союзной комиссии по выявлению зверств Немецкого фашизма над советскими гражданами в Северной Норвегии // Там же. Л. 217–223.

¹¹ Медицинское обеспечение советских граждан, репатрированных из Норвегии // Там же. Л. 204–216.

госпиталей для нуждающихся в стационарном лечении в Норвегии и о том, как была организована транспортировка больных в СССР.

Основной темой, присутствующей во всех документах, была репатриация советских граждан из Норвегии обратно в СССР. Маршрутов репатриации было два: морем до Мурманска или эшелонами по железной дороге через Швецию до портов на Балтийском море, а оттуда на кораблях в Советский Союз. Для регламентации всех вопросов, связанных с транзитной перевозкой бывших пленных, было заключено специальное соглашение о репатриации советских граждан из Норвегии через Швецию¹². В соглашении была зафиксирована стоимость предоставляемых эшелонов, а также регламентировалось оснащение вагонов, питание и поведение бывших пленных. Запреты были, например, следующие: «Опорожнение отхожего ведра производится обслуживающим персоналом поезда. Едущим воспрещается делать это»; «Во избежание пожара, учитывая наличие соломы в вагоне, курение разрешается только у дверей вагонов. Во избежание лесных пожаров строго воспрещается выбрасывать из вагона зажженные спички, сигареты и т.д.»¹³. При перевозке собирались кормить мужчин на 1 крону 90 эре в день, женщин – на 1 крону 60 эре в день. Продуктовый ассортимент был также зафиксирован в соглашении.

Перед репатриацией бывших пленных необходимо было одеть и накормить. Этот вопрос был решен с помощью союзников. Вообще, теме обмундирования посвящено большое количество документов, которые встретились нам при работе с материалами данного фонда. Обмундирование и организация питания бывших пленных, по договоренностям, достигнутым на высшем уровне, взяли на себя представители союзных войск в Норвегии.

Наиболее информационно насыщенным, на наш взгляд, документом является сводная ведомость о количестве обмундирования, выданного репатрируемым¹⁴.

Представление о работе советских уполномоченных по организации транзита через Швецию дает рапорт ответственного за погрузку в порту Лулео. За месяц, с 14 июня по 13 июля 1945 г., через этот порт было перевезено более 24 тыс. бывших пленных. Об организации этой работы в своем отчете рассказывает капитан Дегтярёв¹⁵.

¹² Договор о транзите советских граждан // ГА РФ. Ф. Р 9526. (Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации). Оп. 6. Д. 70. Л. 5–15.

¹³ Там же. Л. 14.

¹⁴ Ведомость о количестве обмундирования // ГА РФ. Ф. Р 9526. (Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации). Оп. 6. Д. 69. Л. 34.

¹⁵ Отчет о работе с репатрируемыми в порту Лулео // Там же. Л. 103–110.

Кроме отчетов об организации репатриации, в данном фонде сохранилась и переписка, которую вели представители ГУПВИ по различным вопросам, связанным с репатриантами. Один из таких вопросов – личная жизнь бывших пленных. Совершив побег из лагерей, некоторые из беглецов прятались в норвежских семьях и смогли там покорить сердца некоторых норвежских девушек. Об этом свидетельствует письмо заместителя Уполномоченного по делам репатриации генерал-лейтенанта Голубева заместителю народного комиссара по иностранным делам В.Г. Деканозову¹⁶.

Ценным источником являются рассказы бывших пленных о том, что с ними происходило во время нахождения в фашистских концлагерях, записанные в мае 1945 г. офицерами группы Ратова. Эти документы представлены в двух видах: акты и подробные рассказы¹⁷.

Всего в деле № 67 описи № 6 26 актов. Все они написаны разными почерками и разными чернилами. В актах фиолетовым карандашом подчеркнуты, а кое-где отчеркнуты на полях фамилии и звания немецких офицеров, издевавшихся над советскими пленными, а также описания издевательств.

Каждый акт начинается по стандартной делопроизводственной формуле: «настоящий акт составлен», далее идет фамилия бывшего пленного, который составлял акт и описания издевательств, свидетелем которых он был. После текста акта следуют подписи лиц, его составивших, и указывается их последнее место жительства до начала войны.

Приведем один из текстов этих документов полностью:

Акт № 5

Составлен настоящий акт в том, что в июле-августе 1944 года из лагеря советских военнопленных на Кесинском направлении (с Советской стороны – Ухта) на 84-м км бежало 9 человек, убив штыками и топором двух постов[ых]. Из них двух человек немцы поймали, а один вернулся обратно сам (Ганев из Вологодской области, находится среди 700 военнопленных, прибывших в Трондхейм на пароходе 13 мая 1945 г.) В лагерь прибыли чины гестапо и учинили, связывая руки и применяя зверские побои, допрос. Двух пойманных приговорили к повешенью. 1. Ракова Ивана Петровича (Сибирь) и 2. Усова Григория Владимировича (р. 1920 г. Волгоградская область, Китченско-Городецкого района с/с Нижнеенонский колхоз «Октябрьское»). Это было при 409 саперном батальоне немецких вооруженных сил под командованием обер-лейтенанта Шрейдер (Schreider). Комендантом

¹⁶ Письмо Голубева К.Д. Деканозову В.Г. // ГА РФ. Ф. Р 9526. Оп. 6. Д. 65. Л. 19.

¹⁷ Рассказы о пережитом в плену // Там же. Д. 67.

лагеря был унтер-офицер Мюллер (Muller). За проволокой, в 20 км¹⁸ от лагеря установили виселицы, выстроили вооруженных до зубов немецких солдат и подвели двух русских к виселице. Переводчик – унтер-офицер Шлат (Schlat) (в настоящее время он находится при колонне 427 сап[ерного] батальона) зачитал приговор и прибавил от себя: «Ну, сволочи, смотрите, не попадайтесь и Вы в мои руки, я с вами сволочами не хочу разговаривать!». После этого Раков крикнул: «Прощайте, товарищи!» и был вздернут на виселицу. То же самое крикнул Усов, причем его вздергивали и отпускали несколько раз. Трупы висели двое суток и подвергались со стороны немцев надругательствам (выстрелы из пистолетов по трупам).

Записано в Троиделаге

13 мая 1945 г.

Жиденков Степан Осипович, ефрейтор, Смоленская область, Ельнинский район, Шубаринский с/с, Колхоз «Красное Знамя»¹⁹.

Как правило, все акты написаны на листе бумаги формата А4, испанном с одной либо с двух сторон. Акт № 23 написан на трех страницах формата А4.

В этом же деле содержится более 40 заявлений бывших советских военнопленных об издевательствах, которым их подвергали в лагере «Нидоваль». Но они лишены подробностей и исключительно указывают факты издевательства и приводят фамилии охранников, устраивающих издевательства.

Кроме этого, в деле имеются и более подробные рассказы о жизни в плену, написанные тогда же, в мае 1945 г., но не рядовыми, как акты, а офицерами. Таких документов в деле пять. Особенно богат информацией о специфике пребывания советских пленных в Норвегии рассказ «Жизнь на острове Фозэль». Здесь содержится большое количество подробностей о лагере, располагавшемся на о. Фозэль²⁰.

Очень обстоятельны воспоминания майора Шахалова о пребывании в плену и перевозке пленных из лагеря в Баварии в лагерь в Норвегию²¹. Интересен представленный в деле рассказ о существовавшем в конце 1941 – начале 1942 гг. в оккупированном Брест-Литовске госпитале для советских военнопленных²². Про ужасы плена вспоминают

¹⁸ Вероятно, здесь ошибка человека, писавшего акт, имеется в виду 20 м. – М.Б.

¹⁹ Рассказы о пережитом в плену // ГА РФ. Ф. Р 9526. (Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации). Оп. 6. Д. 67. Л. 20.

²⁰ Там же. Л. 116–122.

²¹ Там же. Л. 108–111.

²² Там же. Л. 123–125.

чудом выжившие авторы двух следующих рассказов: «Владими́ро-Вольни́нский лаге́рь военнопленны́х»²³ и про лагерь в Нюренберге «Во власти спрута»²⁴.

Интересна переписка сотрудников ГУПВИ и Наркомата иностранных дел о судьбе могил и памятников пленным, умершим в плену. Руководство ГУПВИ предлагало вскрыть небольшие могилы в отдаленных местах и перенести извлеченные из них останки к крупным городам. Голубев писал: «По данным бывших советских военнопленных и норвежских граждан, во многих районах Норвегии имеются отдельные могилы русских, которые либо умерли с голода, либо расстреляны немцами. Исходя из этого, полагал бы через Командующего союзными войсками в Норвегии генерала [Эндрю] Торн[а], силами немцев отдельные могилы разрыть, трупы свезти и захоронить в общих могилах при крупных населенных пунктах, поставив памятники»²⁵. Наркомат иностранных дел не согласился с его предложением: «Предлагаемое Вами сосредоточение могил советских граждан, погибших в Норвегии только в крупных населенных пунктах не вполне целесообразно. По политическим соображениям желательно, чтобы в Норвегии оставалось бы возможно большое количество памятников германо-нацистской тирании, заложившей фундамент кровной дружбы советского и норвежского народов. Кроме того, наличие во многих районах Норвегии упомянутых могил, требующих охраны и поддержания их в порядке, расширит возможности разъездов по стране наших консульских работников»²⁶.

При подготовке бывших пленных к репатриации большое внимание уделялось агитации среди них. С этой целью лагеря, где содержались бывшие пленные, щедро снабжались различной советской пропагандистской литературой. Ее состав позволяет представить «Список литературы, отправленной в Норвегию»²⁷. Данный документ не является единственным примером отправки советских пропагандистских материалов в Норвегию, но позволяет составить представление об их ассортименте.

Итак, анализ материалов фонда Р 9526 ГА РФ позволяет говорить о том, что в его состав входит управленческая документация, подробно раскрывающая механизм деятельности ГУПВИ и позволяющая

²³ Рассказы о пережитом в плену // ГА РФ. Ф. Р 9526. (Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации). Оп. 6. Д. 67. Л. 126–134.

²⁴ Там же. Л. 134–139.

²⁵ Письмо Голубева К.Д. Деканозову В.Г. // ГА РФ. Ф. Р 9526. (Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации). Оп. 6. Д. 65. Л. 187.

²⁶ Там же. Л. 197.

²⁷ Список литературы, отправленной в Норвегию // ГА РФ. Ф. Р 9526. (Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации). Оп. 1. Д. 57. Л. 115.

проанализировать опыт деятельности этого Управления на протяжении всего периода его существования. Отдельно следует упомянуть небольшой, но не менее значимый пласт документов личного происхождения, позволяющий взглянуть на события глазами очевидцев, что особенно важно в свете сохранения исторической памяти о событиях Великой Отечественной и Второй мировой войн.

Библиографический список / References

1. Война глазами пленных. Красноармейцы в немецком плену в 1941–1945 гг. (по рассекреченным документам советской контрразведки, хранящимся в государственном архиве Пермской области): Сб. документов. Пермь, 2008. [Voyna glazami plennykh. Krasnoarmeitsy v nemetskom plenu v 1941–1945 gg. (po rasssekrechennym dokumentam sovetskoy kontrrazvedki, khranyashchimsya v gosudarstvennom arkhive Permskoy oblasti) [War through the eyes of prisoners. Red Army soldiers in German captivity in 1941–1945 (according to declassified documents of Soviet counterintelligence, stored in the State Archive of the Perm region)] Collection of documents. Perm, 2008.]
2. Норвежские были. Воспоминания о борьбе против фашизма / Предисл. Г. Фиша; сост. и обраб. М. Искрин. М., 1964. [Norvezhskie byli. Vospominaniya o borbe protiv fashizma [Norwegian were. Memoirs of the struggle against fascism]. G. Fish (preface), M. Iskrin (comp.). Moscow, 1964.]
3. Паникар М.М. Советские военнопленные в Норвегии в годы Второй Мировой войны: Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2008. [Panikar M.M. Sovetskiye voyennoplennyye v Norvegii v gody Vtoroy Mirovoy voyny [Soviet prisoners of war in Norway during the Second World War]. PhD Dis. Arkhangelsk, 2008.]
4. Паникар М.М., Соколова Ф.Х. Архивные фонды по истории советских военнопленных в Норвегии в годы Второй мировой войны. На материалах российских и норвежских архивов // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 248–262. [Panikar M.M., Sokolova F.Kh. Archival funds on the history of Soviet prisoners of war in Norway during the Second World War. Based on materials from Russian and Norwegian archives *Vestnik arkhivista*. 2017. No. 4. Pp. 248–262. (In Rus.)]
5. Полян П.М. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остербайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. [Polyan P.M. Zhertvy dvukh diktatur: zhizn, trud, unizheniye i smert sovetskikh voyennoplennykh i osterbayterov na chuzhbine i na rodine [Victims of two dictatorships: Life, work, humiliation and death of Soviet prisoners of war and ostarbeiters in a foreign land and at home]. Moscow, 2002.]
6. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии 1944–1952: Сб. документов: В 2 т. / Отв. ред. О.В. Лавинская, В.В. Захаров; сост. К.М. Гринько и Е.В. Полторацкая при участии С. Дальке и М. Уля. М., 2019. [Repatriatsiya sovetskikh grazhdan s okkupirovannoy territorii Germanii 1944–1952 [Repatriation of Soviet citizens from the occupied territory of Germany 1944–1952]. Collection of documents: In 2 vol. O.V. Lavinskaya, V.V. Zakharov (eds.); K.M. Grinko, E.V. Poltoratskaya, S. Dalke, M. Uhl (comp.). Moscow, 2019.]

7. Советские военнопленные в Норвегии: документы и исследования / Сост. М.В. Батшев. М., 2021. DOI 10.34685/NI.2020.76.25.017. [Sovetskie voennoplennyye v Norvegii: dokumenty i issledovaniya [Soviet prisoners of war in Norway: Documents and research]. M.V. Batshev (comp.). Moscow, 2021. DOI 10.34685/NI.2020.76.25.017]
8. Солейм М.Н. Советские военнопленные в Норвегии. 1941–1945. Численность, организация и репатриация. М., 2012. [Soleim M.N. Sovetskiye voennoplennyye v Norvegii. 1941–1945. Chislennost, organizatsiya i repatriatsiya [Sovjetiske krigsfanger i Norge. 1941–1945]. Moscow, 2012.]
9. Стратевский Д. Рассекреченная репатриация: компактно в двух томах. [Рец. на кн.: Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии 1944–1952. Сборник документов: В 2 т. / Отв. ред. О.В. Лавинская, В.В. Захаров; сост. К.М. Гринько и Е.В. Полторацкая при участии С. Дальке и М. Уля. М.: РОССПЭН, 2019] // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 1. С. 304–311. [Stratevsky D. Declassified repatriation: Compactly in two volumes. [Review in book: Repatriation of Soviet citizens from the occupied territory of Germany 1944–1952. Collection of documents: In 2 vols]. *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*. 2020. No. 1. Pp. 304–311. (In Rus.)]
10. Христофоров В.С. Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии. 1941–1944 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 65–73. [Khristoforov V.S. Documents from the Russian archives about Soviet prisoners of war in camps in Finland and Norway. 1941–1944. *Otechestvennyye arkhivy*. 2008. No. 3. Pp. 65–73. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 02.11.2020, принята к публикации 25.01.2021

The article was received on 02.11.2020, accepted for publication 25.01.2021

Сведения об авторе / About the author

Батшев Максим Владимирович – старший научный сотрудник Центра информационного обеспечения и документации наследия, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, г. Москва.

Maxim V. Batshev – Senior Researcher at the Center for information support and documentation of heritage, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russian Federation

E-mail: bmv@list.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-119-132

М.А. Елдин, С.И. Малоземов

Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва,
430005 г. Саранск, Российская Федерация

Аграрная политика Никейской империи и духовно-нравственный фактор в истории восстановления византийской державы

Православные христиане, создав собственную парадигму культурного универсализма, по-прежнему выражают уверенность в том, что исключительно они являются истинно верующими и имеют шанс на спасение. Одной из определяющих черт византийской цивилизации, на которую ориентировалась Никейская империя, являлось непосредственное влияние богословия, выполнявшего роль основной государственной идеологии, на осмысление реальности. С позиций восточного византийского христианства понимается социальная роль и характер земельной собственности Никейской империи. Император, используя античную идею общего блага, проявляет заботу о подданных путем создания системы земельных пожалований, поддержки свободного крестьянства, предоставления привилегий монастырям. Тем самым Никейская империя претендовала на консолидацию греческого населения и наследие Византии.

Ключевые слова: Никейская империя, Византия, аграрный сектор, крестьянство, феодальные отношения, форма собственности, провинциальная собственность, идея национального греческого объединения, идея воссоздания Византийской империи

© Елдин М.А., Малоземов С.И., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Елдин М.А., Малоземов С.И. Аграрная политика Никейской империи и духовно-нравственный фактор в истории восстановления византийской державы // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 1. С. 119–132. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-119-132

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-119-132

M.A. Eldin, S.I. Malozemov

National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, 430005, Russian Federation

The agrarian policy of the Nicene Empire and the spiritual and moral factor in the history of the restoration of the Byzantine Empire

Orthodox Christians, having created their own paradigm of cultural universalism, still express confidence that they are the only true believers and have a chance of salvation. One of the defining features of the Byzantine civilization that the Nicene Empire was oriented towards was the direct influence of theology, which served as the main state ideology, on the understanding of reality. From the standpoint of Eastern Byzantine Christianity, the social role and nature of land ownership of the Nicene Empire is understood. The Emperor, using the ancient idea of the common good, takes care of his subjects by creating a system of land grants, supporting the free peasantry, and granting privileges to monasteries. Thus, the Nicene Empire claimed to consolidate the Greek population and the legacy of Byzantium.

Key words: The Nicene Empire, Byzantium, agricultural sector, peasantry, feudal relations, form of property, provincial property, the idea of a national Greek Association, the idea of recreating the Byzantine Empire

FOR CITATION: Eldin M.A., Malozemov S.I. The agrarian policy of the Nicene Empire and the spiritual and moral factor in the history of the restoration of the Byzantine Empire. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 1. Pp. 119–132. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-119-132

В истории Средневековья роль Никейской империи заключается не только в восстановлении византийской державы. Она продемонстрировала факт спасения и последующего развития уникального синтеза античности и эллинистической христианской культурной традиции. Отечественный византинист С.Б. Дашков весьма обстоятельно замечает: «Никея стала и выдающимся центром культуры. Лишенная при Ласкарисах универсалистских замашек, империя превратилась в средневековое греческое государство с высоким уровнем национального сознания и патриотизма» [4, с. 246].

Из византийской эпохи идет понятие таксиса как одного из центральных понятий политической идеологии православных государств. Его смысл заключается в осознании сближения обеих порядков: земного и небесного. Византия являла собой пример схождения сил общественного напряжения в лице царской власти, которая стремилась к снятию данного напряжения [17, с. 44–75]. Следовательно, власть истинного православного царя в конфессиональной культуре выступает гарантией возможного спасения после смерти. Неудивительно, что на массовость крестьянских войн могут влиять не только социально-экономические процессы, но и ощущение потери «чувства святости» государства, окончания «освященной благодатью» жизни и наступления бездуховности. Эту бездуховность, кстати, четко ощущали религиозные философы начала XX в.

В 1261 г. никейский император Михаил Палеолог, отстаивавший идею воссоздания византийской государственности, завладел Константинополем и восстановил Византийскую империю под властью новой династии из Палеологов. По этому поводу академик Ф.И. Успенский отмечал, что Никейская империя – одна из трех империй, возникших на обломках Византийской империи, не мыслилась без взятия латинянами Константинополя, лелея идею восстановления греческого царства. Осуществление же данной идеи предопределило конец существования Никейской империи [14, с. 478]. Советский византинист Б.Т. Горянов отмечал, что в условиях Никейской империи среди ее правителей укрепилось представление о том, что «утверждение нового императора должно было сопровождаться согласием не только столичного населения, но и населения всех провинций» [3, с. 66].

Динамика социокультурного процесса Восточно-Римской империи характеризовалась тем, что византийское общество сочетало интенсивное развитие и медленное затухание [5, с. 111]. Современный исследователь имперского подхода к истории региональных пространств И.В. Бахлов верно писал о трагедии империи, которая обусловлена замедлением поступательного хода общественного развития по причине

сопротивления косных, традиционных форм государственного управления [1, с. 110]. Потому ее легко оккупировали «латиняне и франки», а затем и турки. Однако в условиях временного ослабления соседей Никейской империи среди множества греческих центров выделялась именно она. Экономические ресурсы, эффективная оборона империи на фоне ослабленных соперников, но особенно наличие своего греческого православного патриарха с резиденцией в Никее, которого большинство духовенства и населения греческих земель ассоциировало с законным преемником константинопольского патриарха, позволяло Никейской империи претендовать на консолидацию греческого населения и наследие Византии, что не было лишено оснований.

Являясь слабым подобием Византийской империи, никейское государство демонстрировало быстрый подъем и рост, обусловленный рядом причин. Среди них важное значение имели географическое положение западных регионов Малой Азии, специфика внутреннего развития государства и политика, проводимая императорами из династии Ласкарисов. В частности, под личным контролем Иоанна III велась работа по созданию императорских поместий. В свою очередь, разумная налоговая политика в поместьях стимулировало производство, которое демонстрировало «невероятно высокий уровень» развития [4, с. 278]. Социальной базой никейских правителей являлись, прежде всего, средние землевладельцы, зажиточное свободное крестьянство, военные поселенцы-стратиоты и акриты, на защиту интересов которых и была направлена внутренняя политика Никейской империи. Так, в отношении крестьянства предполагалась невысокая налоговая нагрузка, следствием которой явилось повышение урожайности, поголовья скота в свободных крестьянских владениях. Американский социолог Ш. Эйзенштадт справедливо отмечает: «византийская система проявляла относительно высокую способность к преобразованиям и перестройке своей внутренней структуры, особенно это касалось изменений, затрагивающих соотношение сил между императорскими правящими кругами и аристократией, с одной стороны, и свободным крестьянством – с другой» [18, с. 179].

Благодаря развитию пахотного земледелия, животноводства и скотоводства сельское хозяйство для государства выступало основным источником доходов. Ведущими экспортными статьями выступали продукты питания и зерно. Доходность сельского хозяйства позволяла развивать ремесленное производство, осуществлять городское строительство, стимулировать торговлю. В целях укрепления социальной базы никейское государство оказывало материальную помощь церкви, занималось созданием приютов, богаделен и больниц, что также было возможным

благодаря доходности сельского хозяйства. В конечном счете, данные социально-экономические мероприятия наряду с миграцией из других греческих земель обеспечили прирост численности населения Никейской империи.

Императоры второй половины XIII в. видели для себя опасность в лице крупного землевладения, препятствовали его росту, одновременно спасая собственные политические и фискальные резервы. В целях поддержания централизованной государственности императоры пытались использовать свободное крестьянство, заигрывая с ним, и одновременно решая проблему преодоления политического сепаратизма в лице феодальной знати. При этом обратим внимание на отсутствие стремления императоров выступить в роли защитников народа. Крестьянство рассматривалось лишь как инструмент политической борьбы. Тогда как для никейских императоров, способствовавших созданию крупных поместий придворной и местной знати, такая система являлась эффективным средством консолидации феодалов вокруг императорского престола.

Таким образом, свободное крестьянство призвано было выполнять двуединую задачу. Во-первых, экономические бедствия Никейской империи в определенной степени ложились именно на его плечи. Во-вторых, благодаря крестьянству сглаживались противоречия, которые были обусловлены незначительным сохранением рабов, именуемых к этому времени париками, с одной стороны, и развитием системы колоната – с другой. Следовательно, источником обогащения аристократии выступало рабство и колонат, тогда как свободное крестьянство рассматривалось источником сильной государственности. Благодаря сохранению этой относительной устойчивости возможно было поддержание государственности, избегая опасных социальных конфликтов. К тому же размер барщинных повинностей крестьян в феодальном хозяйстве был незначителен. В частности, это подтверждается сведениями из окладного листа г. Лампсак (XIII в.): крестьяне, имевшие не более двух волов, отбывали барщину не более семи дней в году [6, с. 118].

Сочетание городского товарного производства с натуральным хозяйством деревни ранней Византии, которое можно назвать благоприятным, свидетельствовало о многообразии ее экономических форм. Огромные внутренние области Византии оставались по преимуществу крестьянскими, где население продолжало жить в условиях господствующего натурального хозяйства. В то же время приморские города отличались высокой степенью развитости торговли и промышленного производства, которые практически не были связаны с аграрной периферией империи. Неудивительно, что товаризация хозяйства аграрной

периферии была лишь частичной. Государство не столкнулось с проблемой гипертрофии торговли, как, например, античная Греция, где слишком узкая аграрная база выступала тормозящим фактором торгово-промышленного подъема. В конечном итоге, вся экономическая система древней Греции характеризовалась неустойчивостью.

Стабильность экономической системы Никейской империи, по словам Г.Г. Литаврина, была обеспечена, во-первых, плодородными землями Малой Азии, и, во-вторых, наличием мощной системы пограничной обороны восточных границ империи, которая функционировала еще при Комнинах [8, с. 31–32]. Поэтому ослабленные торговые позиции империи не способствовали нарастанию экономического кризиса, тем более учитывая имеющиеся нетронутые экономические резервы периферии с ее натуральным хозяйством. В города империи их экономически отсталых аграрных областей стекались богатства, способствовавшие процветанию городской экономики. Отбитые и реколонизированные у турок земли, из которых состояла Никейская империя, позволили бросить вызов иностранной торговой экспансии. Например, при никейском императоре Иоанне III Дуке Ватаде (1222–1254 гг.) были введены запретительные пошлины на иностранные ткани в целях стимулирования собственного ремесленного производства. Экономическое развитие аграрной периферии и городов Никейской империи характеризует ее как страну городской культуры с развитой торговлей и промышленностью. Очевидно, что достижению успехов в своем экономическом развитии империя достигала за счет эксплуатации аграрной периферии.

Анатолийская экономика греческих городов оказалась довольно устойчивой. Города Малой Азии характеризовались как значительные центры регионального ремесла и торговли. Императорская власть демонстрировала заинтересованность в возрождении и расширенном производстве оружия, полихромной посуды, шелковых тканей. Надежным внешнеэкономическим партнером Никейской империи выступал Румский султанат, экономические связи с которым укреплялись. Благодаря этому империя экспортировала большие объемы такой сельскохозяйственной продукции, как масло и хлеб. Средства, вырученные от внешней торговли, императорская власть направляла, в частности, на восстановление флота. Однако никейский флот оставался незначительным, что не позволяло империи достичь державного статуса. Подтверждением является пример заключения Михаилом VIII в 1261 г. торгового договора с Генуэзской республикой, обладавшей сильным флотом, в борьбе с Латинской империей. Таким образом, распространение феодальных отношений, которые способствовали превращению свободных крестьян в феодально зависимых крестьян-париков, а также

процесс углубления феодальной раздробленности сдерживались внешними факторами [7, с. 172–173].

О характеристике хозяйства в Никейской империи свидетельствуют грамоты знаменитого на весь Левант монастыря Лемвиотиссы, с которыми можно столкнуться во многих исследованиях ученых, занимавшихся сельскохозяйственной тематикой. Именно сельское хозяйство являлось в Никейской империи главной статьей государственных доходов. Регионы Смирны и Нимфалии стали центром жизни Империи, плодородные земли которых позволяли развивать такие отрасли сельского хозяйства, как виноградарство, пчеловодство, садоводство и скотоводство. По словам З.В. Удальцовой, в XIII в. Никейская империя явилась одним из важнейших сельскохозяйственных рынков для итальянских городов [13, с. 30–31]. Кроме того, выдающийся никейский император Иоанн III Дука Вадац заботился и о подъеме сельского хозяйства, которое, как выяснилось, являлось источником доходов для других отраслей экономики. Предусматривалась необходимость тщательного, осмысленного ведения хозяйства, обработка полей и виноградников, разведение скота. Из соседнего Румского султаната в империю поступали деньги и золото в большом количестве. По словам Г.А. Острогорского, выдумка в хозяйственной деятельности никейского императора оказалась весьма продуктивной. Особого внимания заслуживают его хозяйственные мероприятия, которые способствовали такому процветанию Византийской империи, которого она не знала уже давно [12, с. 597].

Монгольское нашествие, которое обошло империю никейцев стороной, но произвело тяжелое опустошение в соседних странах, принудило сельджуков, трапезундцев и других обращаться за продовольствием в Никею. Потому никейцы не испытывали больших проблем с финансами. Однако Никейская империя ощущала на себе конкуренцию итальянских республик с их ремесленно-цеховой организацией, обеспечивающей существенные конкурентные преимущества в торговле и промышленности.

Таковы разнообразные причины жизнеспособности Никейского государства, обусловленные многими особенностями ее экономического и политического развития. По верному наблюдению Г.Г. Литаврина, Никейская империя превращалась в мощное государство. Лишь первые два десятилетия после падения Константинополя были переходными, а процесс становления государственности – болезненным. Однако в дальнейшем молодая империя начала расцениваться в качестве наиболее вероятного наследника Византийской империи [8, с. 31–32].

Перенос экономического центра греческой цивилизации вглубь Анатолии способствовал ускоренному развитию провинциальных городов

(Эфеса, Смирны и др.) и торговли. Крупные хозяйства поставляли зерно в Европу и на Русь. Одновременно шел процесс прикрепления крестьян к земле.

Большую роль в никейской торговле играли православные монастыри как хозяйствующие субъекты. По данным И.П. Медведева, сохранившиеся «Акты монастыря Левмиотиссы показывают, что в первой половине XIII в. произошло значительное перераспределение земельной собственности между разными социальными группами» [10, с. 33]. В частности, в 1228 г. смирнский митрополит Георгий разбирает спор, возникший между монастырем Лемвиотиссы и крестьянами села Приновари [3, с. 179].

Доходы от императорских поместий позволяли удовлетворять потребности двора и вести значительное церковное строительство. Однако сокращение свободного крестьянства имело пределы роста налоговой нагрузки на него. Для решения проблемы роста доходов Иоанн III Дука Ватац пошел по пути «организации императорских поместий на государственной земле» [8, с. 35]. Он уделял огромное внимание поддержке духовенства Афона, Александрии, Иерусалима, Константинополя, Атики, Фессалоник и даже поддерживал культурные связи с далекой Русью.

По свидетельствам источников, уже в XII в. императорская династия Комнинов способствует оформлению основных институтов землевладения, получивших развитие и при Ласкарисах. Во-первых, получает свое юридическое оформление и укрепляется феодальный институт пронии – попечения о выморочных изначально земельных участках со стороны служилой элиты никейцев. Рост прониарских владений объяснялся необходимостью укрепления вооруженных сил империи. Поэтому прония обретает статус держания с обязательством несения военной службы. Во-вторых, развивается крупная светская экзимированная собственность, которая была освобождена от необходимости уплаты налогов. Данный процесс объясняется укреплением политического влияния знатных семей империи, сосредоточивших в своих руках все высшие гражданские и военные должности, тем самым образуя аристократический комниновский клан. И в-третьих, укрепляется монастырская вотчина как разновидность провинциального землевладения.

К моменту рождения Никейской империи окончательно оформляются различные формы крупной провинциальной собственности. На протяжении XIII в. фактически они приобретают статус экзимированных владений, т.к. центральная власть предоставляет им податную привилегию – экскуссию. Подобное отношение к провинциальной собственности, на наш взгляд, связано с постепенно ослабевающим государственным контроле над ней.

В XIII в. провинциальная собственность и ее институты имели региональные различия, которые связаны с разнообразием аграрно-правовых отношений в провинциях Никейской империи. Например, в Малой Азии постепенно расширялось крупное провинциальное землевладение, тогда как в трапезундском регионе господствующей являлась мелкая крестьянская земельная собственность, основанная на личном хозяйстве. По данным К.В. Хвостовой, элитарии византийского общества обладали преимуществами и в налоговой сфере: «В Византии налоги платили все подданные, хотя представители элиты – физические и юридические лица – получали податный иммунитет» [16, с. 98]. В конечном счете, увеличение доли ручного труда, наряду с сохранением архаичных технологий в сельском хозяйстве и маргинализацией значительной части крестьянского населения, провоцирует лишь утрату стимулов к труду на фоне постепенно слабеющего государственного контроля над аграрным сектором экономики. Поэтому неминуемы кризисные явления в сельском хозяйстве [9, с. 31].

Местная земледельческая знать получает земельные наделы за службу, дарованные императором. Эта знать, главным образом, пополнялась из представителей пограничной (армянской или славянской) знати, либо из местного офицерства. Кстати, обращает на себя внимание тот факт, что еще в предыдущих столетиях в этом регионе практически отсутствовали крупные латифундии, что означало для провинциальной знати преобладание жалования за службу в качестве основного источника экономического благосостояния. Деньги и движимая собственность, а не земля являлись для провинциальной знати основой ее богатства.

В государстве греко-никейцев сохранялось право верховной собственности императоров над пожалованием земли в собственность. Земевладельцы-чиновники были под контролем государства. Это способствовало консолидации элиты вокруг престола Ласкарисов.

Армия наряду с аристократией выступала важнейшей социальной силой, заинтересованной в возрождении Византийской империи в Никее. Она обеспечивала функционирование Никейской империи. В свою очередь, финансирование армии и аристократии осуществлялось благодаря созданной при Комнинах системе прониарных субсидий. По мнению современного исследователя А.А. Волкофф, именно при династии Ласкарисов данная система получила дальнейшее развитие [2, с. 174]. С этим мнением солидарна греческий историк-византист Э. Гликадзи-Арвелер, которая, анализируя внутреннюю политику императора Феодора Ласкариса, отметила не только расширение прониарских владений, укреплявших никейскую армию, но и введение им института земельной прони [19, р. 55–57]. Кроме того, в целях

обеспечения лояльности и заинтересованности со стороны представителей местной знати активно применялась практика предоставления им земель за службу. Можно сказать, что аграрная политика Никейской империи была нацелена на прикрепление армии и знати к земле, одновременно обеспечивая их постоянными доходами и налагая ряд обязанностей. Местные аристократы и монастыри в своем стремлении к расширению земельных владений и увеличению доходов не останавливались даже перед возможностью фискального спора с самим императором. Как известно, они смогли сохранить свои пронии и после 1204 г. [19, р. 60], а некоторые и вовсе были освобождены от необходимости уплаты налогов.

Таким образом, реализуемая аграрная политика свидетельствовала о реализации процесса «восстановления Византии», инициированного Ласкарисами, по восходящей линии, в отличие от эпохи Палеологов, при которых укрепление позиций крупной феодальной собственности привело к упадку свободного крестьянского землевладения и означало резкий поворот от политики императоров Никейской империи по сдерживанию центробежных тенденций знати.

К.В. Хвостова относительно хозяйственной стороны вопроса в Византии замечала, что в отличие от Запада наблюдалась сильная сакрализация экономических понятий. Прежде всего, это относилось к тем понятиям, которые были связаны с функционированием права прецедентов. Механизм образования этих понятий состоял в переработке информации, относящейся к ведущим понятиям богословия. Расширилось семантическое поле богословских понятий. Возникал класс новых понятий с теми же наименованиями, но относящимися к экономическому праву [16, с. 40–41, 71–72]. Например, пожалование чиновнику за службу некоторой налоговой квоты именовалось прония, т.е. использовалось наименование божественного провидения, а ипостась – земельное владение. Это и обеспечивало сакрализацию экономико-правовых представлений. А на христианском Западе новое вещное право формировалось переработкой римского и варварского права. Понятия же богословия практически ушли из повседневной жизни. Ф. фон Халем, специалист по праву, полагает, что различие между понятиями «личность», «индивидуум» и «лицо» приобретает первенствующее значение, благодаря подобным дефинициям «в веру вторгается логично-рационалистическое мышление» [15, с. 29]. Не в этом ли искомые корни многих трагедий современности?

Разница кроется в различии менталитетов. Одному из них свойственно обожествление государства и права, другому – поиск логики и смысла в божественном. Возможно, этим объясняется даже такое различие,

как наличие или отсутствие в храме иконостаса. Да и дискуссия о языке богослужения, похоже, оттуда же. Энциклика «Вера и разум» органична для католичества, для которого необходимо не только верить, но и понимать. Для православия же скорее более близка формула «Верю, ибо абсурдно», неисповедимость путей Господних здесь возведена в принцип примата веры. Кажется естественным, что в результате слияние православия и католичества есть нечто недостижимое. Реально только их мирное сосуществование. А отсюда и вопрос о прозелитизме: человеку с «католическим» менталитетом сложно в православном храме и наоборот, «урожденному» (ментально) православному не страшны католические проповеди. К моменту катастрофы 1204 г. – разграбления латинянами Константинополя – Церковь уже имела отлаженный судебный аппарат квалифицированных судей. Крушение ромейской государственности вместе с ее судебной системой означало отсутствие возможности грекам судиться по нормам «ромейского права». Лишь в ряде мест сохранялись еще церковные суды, где это было возможно. Правда, латиняне ромейским судьям жалования не платили, а судили в большинстве случаев по своим «ассизам». Это означало распространение судебной компетенции латинян вплоть до их изгнания никейцами из Константинополя в 1261 г. даже на дела, не затрагивающих церковную юрисдикцию.

При издании закона в Византии большую роль выполнял авторитет издававшего, при этом закон имел этическую силу. Однако правовая энтропия, представляющая собой меру неупорядоченности правовой системы, тем более на территории «разобранной по частям» бывшей Византийской империи, конфликтами светской и церковной юрисдикций не ограничивалась. Некоторые источники содержат сведения о практически полном переходе судебных функций после падения Византии в 1204 г. в руки церкви [11, с. 187–205] и исчезновении имперского суда [20, р. 260]. Немецкий же специалист греко-византийского права Захарие фон Лингенталь и вовсе придерживался позиции о полном уничтожении судебной системы Византийской империи [21, S. 384]. В поздневизантийский период начинает усугубляться кризис общенационального сознания в условиях отсутствия фундаментальной базы общественной морали. Атомизированное общество продолжает ослабевать в духовном плане.

Попытка синтеза православного фундаментализма и политики лишь ухудшает ситуацию, отталкивая большую часть народа от православия. Окончательное падение Византии превращает Русское государство в один из центров борьбы греков, южнославянских народов против османского владычества. При этом греческий патриарх Константинополя

в этот период возглавлял православные общины – милети. Патриархи фактически занимали положение византийских императоров в среде им подвластных. Однако для поствизантийского пространства был характерен распад социокультурного единства общества, его институциональных моделей. Поэтому патриархи Константинополя, как и другие представители православной греческой общины, в своих отношениях с представителями русского государства и общества стремились укрепить византийское наследие, которое выступало мощным социально-политическим фактором укрепления положения народов Ближнего Востока и Восточной Европы, имеющих единую с греками веру.

Библиографический список / References

1. Бахлов И.В. От империи к федерации: историко-политологический анализ трансформации имперских систем в федеративные. Саранск, 2004. [Bahlov I.V. Ot imperii k federacii: istoriko-politologicheskij analiz transformacii imperskih sistem v federativnyye [From empire to federation: Historical and political analysis of the transformation of imperial systems into federated]. Saransk, 2004.]
2. Волкофф А.А. Феодор I Ласкарис (1174–1221): социально-политическое исследование его жизни и правления. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. [Volkoff A.A. Feodor I Laskaris (1174–1221): socialno-politicheskoe issledovanie ego zhizni i pravleniya [Theodore I Laskaris (1174–1221): A socio-political study of his life and rule]. PhD diss. Moscow, 2017.]
3. Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962. [Goryanov B.T. Pozdnevizantijskij feodalizm [Late Byzantine feudalism]. Moscow, 1962.]
4. Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1996. [Dashkov S.B. Imperatory Vizantii [The Emperors of Byzantium]. Moscow, 1996.]
5. Елдин М.А. «Российство» и византийская духовная парадигма бытия социума: историософский контекст // XLVII Огарёвские чтения: Материалы научной конференции. Саранск, 2018. С. 110–114. [Eldin M.A. «Russianism» and the Byzantine spiritual paradigm of social existence: Historiosophical context. *XLVII Ogaryovskie chteniya: Materialy nauchnoj konferencii*. Saransk, 2018. Pp. 110–114. (In Russ.)]
6. Каждан А.П. Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. М., 1952. [Kazhdan A.P. Agrarnye otnosheniya v Vizantii XIII–XIV vv. [Agrarian relations in Byzantium of the XIII–XIV centuries]. Moscow, 1952.]
7. Курбатов Г.Л. История Византии: от античности к феодализму. М., 1987. [Kurbatov G.L. Istoriya Vizantii: ot antichnosti k feodalizmu [History of Byzantium: From antiquity to feudalism]. Moscow, 1987.]
8. Литаврин Г.Г. Социально-экономический и политический строй Никейской империи, Эпирского царства и Трапезундской империи // История Византии. Т. 3. М., 1967. С. 29–49. [Litavrin G.G. Socio-economic and political system of the Empire of Nicaea, Epirus Kingdom and of the Empire of Trebizond. *Istoriya Vizantii*. Т. 3. Moscow, 1967. Pp. 29–49. (In Russ.)]

9. Малоземов С.И. Модернизация сельского хозяйства России в переходных условиях // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2010. № 2 (10). С. 26–33. [Malozemov S.I. Modernization of Russian agriculture in transition conditions. *Gumanitarij: aktualnye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya*. 2010. № 2 (10). Pp. 26–33. (In Russ.)]
10. Медведев И.П. Очерки византийской дипломатики: Частноправовой акт. Л., 1988. [Medvedev I.P. Oчерki vizantijskoj diplomatiki: Chastnopravovoj akt [Essays on Byzantine diplomacy: Private law act]. Leningrad, 1988.]
11. Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. [Medvedev I.P. Pravovaya kultura Vizantijskoj imperii [Legal culture of the Byzantine Empire]. St. Petersburg, 2001.]
12. Острогорский Г.А. История Византийского государства. М., 2011. [Ostrogorsky G.A. Istoriya Vizantijskogo gosudarstva [History of the Byzantine state]. Moscow, 2011.]
13. Удальцова З.В. Византия и Западная Европа (типологические наблюдения) // Византийские очерки: Труды российских ученых к XV Международному конгрессу византинистов. М., 1977. С. 3–65. [Udaltsova Z.V. Byzantium and Western Europe (typological observations). *Vizantijskie oчерki: Trudy rossijskih uchenyh k XV Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov*. Moscow, 1977. Pp. 3–65. (In Russ.)]
14. Успенский Ф.И. История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос. М., 1997. [Uspenskij F.I. Istoriya Vizantijskoj imperii XI–XV vv. Vostochnyj vopros [History of the Byzantine Empire in the XI–XV centuries. Eastern question]. Moscow, 1997.]
15. Халем Ф. фон. Историко-правовые аспекты проблемы Восток – Запад / Пер. с нем. Т. Кобзевой и Ю. Окпанского // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 26–51. [Halem F. von. Die Rechtsansichten der Eurasier: Rechtsordnung oder Wertordnung. Translation from German into Russian by T. Kobzeva and Yu. Okpansky. *Voprosy Filosofii*. 2002. № 7. Pp. 26–51. (In Russ.)]
16. Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб., 2009. [Khvostova K.V. Vizantijskaya civilizaciya kak istoricheskaya paradigma [Byzantine civilization as a historical paradigm]. St. Petersburg, 2009.]
17. Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь: К XVIII Международному конгрессу византинистов. М., 1990. [Chichurov I.S. Politicheskaya ideologiya srednevekovya: Vizantiya i Rus': K XVIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov [Political ideology of the Middle ages: Byzantium and Russia: To the XVIII International Congress of byzantinists]. Moscow, 1990.]
18. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. [Eisenstadt S.N. Revolyuciya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitelnoe izuchenie civilizacij [Revolution and transformation of societies. A comparative study of civilizations]. Transl. from English. Moscow, 1999.]
19. Glykatzi-Ahrweiler H. La politique agraire des empereurs de Nicée. *Byzantion*. 1958. Т. 28. Pp. 51–66.
20. Raybaud L.-P. Le gouvernement et l'administration centrale de l'Empire Byzantin sous les premiers Paléologues (1258–1354). Paris, 1968.
21. Zacharia von Lingenthal K.E. Geschichte des griechisch-romischen Rechts. Berlin, 1892.

Статья поступила в редакцию 09.11.2020, принята к публикации 10.12.2020
The article was received on 09.11.2020, accepted for publication 10.12.2020

Сведения об авторах / About the authors

Михаил Александрович Елдин – доктор философских наук, доцент; профессор кафедры философии Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, г. Саранск

Mikhail A. Eldin – Dr. Hab. in Philosophy; Professor at the Department of Philosophy of the Institute of History and Sociology, National Research Ogarev State University, Saransk, Russian Federation

E-mail: eldin1974@yandex.ru

Сергей Иванович Малоземов – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск

Sergey I. Malozemov – PhD in History; National Research Ogarev State University; Associate Professor at the Department General History, Political Science and Regional Studies of the Institute of History and Sociology, National Research Ogarev State University, Saransk, Russian Federation

E-mail: semalozemov@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-133-146

А.М. Родригес-Фернандес

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Противоречивые тенденции социально-экономического развития арабских стран (конец XX – начало XXI вв.)

В 1990-е гг. после распада СССР и биполярной системы изменилась ситуация в арабском регионе. Фактически прекратилась финансовая помощь в виде ежегодных субсидий (около 2 млрд долл. в год) со стороны нефтедобывающих аравийских монархий своим далеко не процветающим, но противостоящим израильской угрозе соседям. В первую очередь это относилось к Палестинской автономии, Иордании, Ливану, Сирии, Ираку и Судану. Иссякла также военно-техническая помощь от стран распавшегося социалистического лагеря. Практически все арабские правительства в большей или меньшей степени необдуманно и расточительно компенсировали потери за счет займов от внешних кредиторов. В результате их долги достигли таких размеров, что они оказались неспособны его обслуживать. Западные кредиторы заявили, что реструктуризация возможна лишь в случае проведения экономической и политической либерализации. Такая политика «структурного оздоровления» вызвала негативную реакцию и опасения со стороны арабских обществ. Рыночные системы арабских стран формировались с учетом другой цивилизационной специфики. Приоритетными являлись коллективная солидарность, неразделимость «политического» и «экономического» в жизни социумов. Рыночная

© Родригес-Фернандес А.М., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

конкуренция подчинялась не индивидуальным, а традиционным культурным ценностям, патриархальным, клановым и мусульманским установкам. Во всех арабских странах попытки выполнения подобных предписаний резко ухудшили и без того кризисную социально-экономическую ситуацию. В результате правительства стали отказываться от полной либерализации, отстаивая необходимость собственных программ рыночных реформ.

Ключевые слова: экономика арабских стран, кредиты и долги Египта, Йемена, Иордании, Алжира и Туниса, реформы и либерализация Марокко, специфика «догоняющей экономики», мусульманские традиции, исламская цивилизация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Родригес-Фернандес А.М. Противоречивые тенденции социально-экономического развития арабских стран (конец XX – начало XXI вв.) // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 1. С. 133–146. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-133-146

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-133-146

A.M. Rodrigues-Fernandes

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Contradictory trends in the socio-economic development of Arab countries (late XX – early XXI centuries)

In the 1990s, after the collapse of the Soviet Union and the bipolar system, the situation in the Arab region changed. In fact, financial aid in the form of annual subsidies (about \$ 2 billion a year) from the oil-producing Arabian monarchies to their far from prosperous, but opposed to the Israeli threat to their neighbors, has practically stopped. This primarily applied to the Palestinian Authority, Jordan, Lebanon, Syria, Iraq and Sudan. Military and technical aid from the countries of the collapsed socialist camp also dried up. Almost all Arab governments recklessly and profligately compensated for losses by borrowing from external creditors. As a result, their debts reached such proportions that they were unable to keep them. At that time, Western creditors said that restructuring is possible only

if economic and political liberalization was carried out. This policy of “structural recovery” provoked a negative reaction and fears from Arab societies. The market systems of the Arab countries were formed taking into account other civilizational specifics. The priority was collective solidarity, the inseparability of “political” and “economic” in the life of societies. Market competition was governed not by individual values, but by traditional cultural values, Patriarchal, clan, and Muslim attitudes. In all Arab countries, attempts to implement such regulations sharply worsened the already critical socio-economic situation. As a result, governments began to reject full liberalization, arguing for their own market reform programs.

Key words: Arab economy, loans and debts of Egypt, Yemen, Jordan, Algeria and Tunisia, Morocco’s reforms and liberalization, the specifics of the «catching-up economy», Muslim traditions, Islamic civilization

FOR CITATION: Rodrigues-Fernandes A.M. Contradictory trends in the socio-economic development of Arab countries (late XX – early XXI centuries). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 1. Pp. 133–146. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-1-133-146

С крахом биполярной системы в арабском регионе коренным образом изменился политический фон, на котором ранее выстраивались стратегии развития составляющих его стран. Дихотомия «социализм – капитализм» в условиях биполярности была выгодной арабским державам, поскольку позволяла им под лозунгами неприсоединения сохранять определенную автономию в международной сфере. После окончания «холодной войны» и развала СССР возможности маневрировать у арабских стран существенно сузились. В новых исторических условиях приток иностранной помощи в страны Ближнего и Среднего Востока значительно уменьшился. Более того, государства бывшего СССР из источника помощи превратились в конкурентов ее получения.

Новая расстановка сил на международной арене объективно оказывает содействие укреплению позиций Израиля в регионе, поскольку его поддержка со стороны США остается неизменной; в то же время политика Вашингтона относительно арабских государств становится более жесткой. Наконец, оправдывается озабоченность мусульманских лидеров по поводу создания Соединенными Штатами функционального эквивалента советской угрозе в лице «исламского терроризма», которая усиливается мессианскими планами Белого дома относительно демократизации арабских народов.

Закономерности общих тенденций мирового развития наложили свой отпечаток и на эволюцию арабских стран. За последние 30 лет их ВВП

в расчете на душу населения возрастал всего на 2% в год, беднейшие 20% жителей арабских государств получали лишь 7% национального дохода, а количество безработных здесь к концу XX в. составляло 14–15 % активного населения, или 12,5 млн человек [9].

Под влиянием падения цен на нефть в 1980-е гг., неспособности арабских властей обслуживать внешнюю задолженность своих государств и резкого снижения государственных затрат, в арабских странах провозглашались программы реформ, направленные на сокращение государственных дотаций и субсидий производственного характера, освобождение цен, свертывание ограничений на большую часть валютно-финансовых операций, введение рыночного курса национальных валют, продажу нерентабельных госпредприятий и т.д.

Импульсом для начала рыночных преобразований стало усиленное внешнее давление со стороны международных финансовых организаций и правительств западных стран. Как отмечал в этой связи сотрудник Университета Райерсона (Торонто, Канада) А. Болбол, экономические реформы в арабских государствах начались именно тогда, когда под угрозой оказались интересы их западных кредиторов [3].

Действительно, в начале 1980-х гг. нефтяные прибыли арабских государств упали больше чем на 40%. Страны, которые не экспортировали нефть, утратили возможность рассчитывать на помощь арабских государств-нефтеэкспортеров, сократившуюся с 1,5 млрд долл. в 1980 г. до 200 млн в 1994 г. Арабские правительства восприняли падение цен на энергоносители как временное явление и компенсировали недостаток иностранной валюты большими займами у стран Запада. В результате их внешний долг достиг таких размеров, что они оказались неспособны его обслуживать. Чтобы продолжить процесс получения займов, арабские страны должны были отсрочить и реструктуризировать свои предшествующие долги. Вот тогда-то МВФ, Парижский и Лондонский клубы кредиторов и заявили, что реструктуризация долгов возможна лишь в случае проведения экономической либерализации. В начале 1990-х гг. они стали связывать реструктуризацию долгов также с политической либерализацией.

Требования международных финансовых учреждений включали либерализацию валютного и импортного контроля, девальвацию национальной валюты, прекращение бюджетного финансирования низкорентабельных предприятий, разгосударствление промышленных, инфраструктурных и других объектов, улучшение климата для иностранных инвесторов.

Даже сейчас трудно судить, насколько арабские страны включились в выполнение навязанных международными институтами «проектов

структурного оздоровления», а в какой мере продолжали придерживаться собственных программ рыночных реформ, которые вовсе не ставили целью полную либерализацию экономики и отказ от государственного контроля над рынком. Даже в случае с наиболее удачным региональным примером приватизации – Египтом, на сентябрь 1999 г. в руки частных собственников перешло полностью или частично лишь 140 из 303 (по состоянию на конец 1990-х гг.) крупных предприятий [13, p. 15].

Остается проблематичным, насколько видение Вашингтоном «новой экономики» стран Ближнего Востока, стратегия формирования которой сосредоточена на трех направлениях: интернет, приватизация, туризм – отвечает, скажем, пониманию стратегии стимулирования частного предпринимательства в странах Персидского залива. Последняя включает диверсификацию экономической структуры региона с целью уменьшения его восприимчивости к внешним потрясениям; развитие и оптимальное использование трудовых ресурсов, повышение производительности труда; увеличение прибавочной стоимости благодаря повышению степени переработки местного сырья; удовлетворение спроса местного рынка и одновременное использование сравнительных преимуществ в размещении факторов производства с целью продвижения национальной продукции на внешние рынки; создание самоподдерживающейся промышленной и технической базы; поощрение регионального сотрудничества и географически сбалансированного развития [5, p. 228–242].

При любых оценках отсутствие радикальных сдвигов на таких направлениях, как свертывание социальных программ, прекращение предоставления субсидий нерентабельным государственным предприятиям, ликвидация дотаций на продукты первой необходимости, отмена протекционистской поддержки властями местного предпринимательства и т.д. едва ли свидетельствует о полноценном продвижении арабских государств по пути рыночных преобразований, определенных международными финансовыми институтами.

Достаточно свободное и широкое толкование правительственными кругами арабских стран программ «структурного оздоровления» было обусловлено их пониманием возможных отрицательных последствий. В том числе настораживали настойчивые попытки мировых институтов ввести экономику арабских стран в русло развития, сводящееся к размежеванию частного и государственного секторов, выбору между позициями «больше государства» или «меньше государства», противопоставлению либерализации правительственному вмешательству или, наоборот, государственного сектора – частному, – т.е. без учета социально-экономического контекста арабских стран, характера

существующих национальных структур и достигнутого уровня развития. Именно пониманием неизбежности отрицательных последствий широкомасштабной экономической либерализации был вызван отказ сирийского правительства от внедрения радикальных хозяйственных реформ. В стране, где ежегодное возрастание количества рабочих мест на 80 тыс. едва удовлетворяло треть спроса, где безработица достигала 20%, а работа в госсекторе была и остается источником существования почти половины населения – всесторонняя либерализация расценивалась как синоним анархии [10].

Более того, пробуксовки, а то и откат от «сценария реформ» к основам действующей модели, происходили и происходят в арабских странах по мере нарастания отрицательных тенденций в процессе хозяйственных преобразований, как это, например, имеет место в Тунисе, Марокко и Алжире, где темпы роста в пореформенный период (1986–1995 гг.) снизились по сравнению с дореформенными временами (1970–1985 гг.) до 4,1% (с 6%), 3,5% (с 4,6%), 0,8% (с 3,3%) соответственно [7, р. 27]. К 2015 г. снижение в целом замедлилось, несмотря на кризисные явления 2008–2009 гг., но существенного повышения не наблюдалось.

В современном мире процесс экономической глобализации явно связан с гегемонией нелиберальной философии, которая подчиняет социально-экономическое развитие императивам рынка в его западной разновидности. Характерными особенностями рыночных систем развитых мировых держав являются постепенное угасание признаков их специфики, отмежевание экономики от политической сферы, доминирование логики рынка над логикой функционирования политической системы общества, а рыночных стандартов – над ценностями солидарности в социальной сфере.

Однако рыночные системы арабских стран формировались с учетом другой цивилизационной специфики и функционируют на основе действия других закономерностей, связанных с приоритетами солидарности, неразделимости «экономического» и «политического» в жизни социумов, объединением рыночной конкуренции с традиционными культурными ценностями, менее индивидуальными и более патриархальными, чем в странах Запада.

Иерархичность в принятии решений, контроль над деятельностью индивида, подчинение эффективности персонализированным связям, патриархальные подходы, nepотизм и протекционизм присущи как общественной жизни арабских стран в целом, так и функционированию их хозяйственных организмов, в частности.

Именно традиционные племенные и клановые отношения, которые глубоко укоренились здесь, а не злая воля группы «элитарных тиранов»

содействуют общественному воспроизводству авторитарного стиля организаций, руководства и поведения. Исламский семейно-трайбалистский менталитет, в соответствии с которым преимущество в процессе выбора принадлежит не человеку, а традиции, не рациональным аргументам, а инструкциям авторитетов, формирует у субъектов хозяйственной деятельности конформистские и социоцентристские, а не либеральные ценности. Социализация в семейно-племенной среде не готовит индивида к работе вне границ семейной и племенной группы. В его сознании преобладают установки «мы» и «они», а постоянные условия работы всегда считаются более предпочтительными, чем нововведения и риски. Какой-либо интерес вне кровно-родственной группы считается второстепенным, а любой подход, который не отвечает признанным нормам, воспринимается как угроза существующему авторитету и организационной стабильности.

В такой социальной среде установки наподобие «...рыночные реформы следует понимать как обособление “экономического” от “политического” в жизни страны, ...экономика должна стать независимой сферой, ...государство должно ограничиться ролью надзирателя за получением прибылей частным капиталом, ...должна состояться частичная приватизация самой государственной власти» [11] и т.п. выглядят как абстрактная утопия, попытки реализации которой могут не только подорвать лояльность населения к правительству и легитимность верховной власти, но и разрушить сам социальный каркас общества, в котором неразрывно объединены элементы образа жизни, традиций, солидарности, доверия и культурных ценностей.

В Иордании, например, попытки форсировать экономические реформы взорвались «хлебными бунтами» в городах Тафила, Карак, Мазар и Амман летом 1996 г. и в городе Маан в феврале 1998 г.; снижение субсидий на продукты питания и энергоносители в Йемене в 1998–1999 гг. привело к многочисленным вооруженным стычкам между племенными военизированными формированиями и регулярной армией; и наоборот, в Ливане сформированный в октябре 2000 г. премьер-министром Рафиком Харири новый кабинет министров предусмотрительно отказался от масштабных экспериментов в общественном секторе экономики именно ввиду возможных политических последствий, способных сдетонировать конфессиональные и клиенталистские структуры. Впоследствии подобные проекты рассматривались уже как «избыточные» и «несвоевременные», особенно в условиях резкого обострения внутривосточной ситуации и регулярных вооруженных конфронтаций в Ливане и вновь вспыхнувшей гражданской войны в Йемене.

Уже сам процесс экспансии новых участников в сферу экономической деятельности арабских стран является серьезным испытанием для их рыночных структур. Международные корпорации и торговые компании, генерируя в условиях экономической системы развитых государств избыточное производство, приобретают возможность расширения своих рынков сбыта за счет подрыва или уничтожения внутренней производственной базы принимающей стороны, т.е. путем разрушения местного производства, ориентированного на внутренние потребности. Да и, собственно, сами «новые рынки» «открываются» в результате вытеснения национальной хозяйственной системы: национальные производственные единицы доводятся до банкротства или принуждаются к перепрофилированию на потребности глобальных корпораций, государственные предприятия приватизируются или закрываются, а независимое аграрное производство приходит в упадок. То есть «экономика национального производства» поглощается «экономикой неолиберального рынка».

Даже в допустимых арабскими правящими кругами границах либеральные экономические реформы приводят скорее к мутации местных хозяйственных систем, чем к их приближению к западным эталонам. Так, в период экономической либерализации институт частной собственности в арабских странах еще в большей мере отдалился от перспективы его рациональной адаптации к местным хозяйственным условиям. Несмотря на заметную активизацию деятельности арабских бизнесменов, получивших в новой обстановке доступ к импорту средств производства, производственная функция частного капитала в общественном воспроизводстве деформировалась. Расширенный блок разных прослоек новой предпринимательской и бюрократической буржуазии, дополненный теневыми структурами, продолжает обогащаться, по-своему монополизировав госсектор.

В Марокко, например, на 1996 г. было приватизировано 25 крупных и наиболее прибыльных фирм в области энергетики и финансов, собственниками которых стали местные финансовые магнаты и королевская семья. Лишь небольшое количество акций приватизируемых предприятий оказалось на бирже в Касабланке, где их покупали мелкие бизнесмены скорее для спекуляций, чем для инвестиционных целей. В сущности, приватизация в Марокко ничего не изменила в управлении экономикой: члены королевской семьи, которые раньше управляли предприятиями как представители власти, просто стали управлять предприятиями на правах частной собственности. Не повысился в экономической жизни и уровень конкуренции: бывшие государственные монополии, перейдя к частным собственникам, так и остались монополиями.

В Египте же процесс экономической либерализации только усилил систему протекционизма. В результате ограниченному числу предпринимателей, чтобы завести прибыльное дело, необходимо найти партнера из верхних ярусов госадминистрации. Сформированная таким образом «бизнес-бюрократия», стремясь закрепить сложившееся положение дел, всячески мешает внедрению других схем развития частного предпринимательства.

Собственно, качество заинтересованности государственных элит арабских стран в процессах либерализации экономики именно тем и отличается от аналогичной реакции элитарных социальных прослоек развитых мировых держав, что оно не олицетворяет устремлений буржуа, подчиненных исключительно примату прибыли. Заинтересованность правящих кругов арабских стран в экономической либерализации – это заинтересованность социальной субстанции, которую американский востоковед Дж.А. Аббас квалифицировал как «правлящий трайбалистский класс» [1], усматривающий в либерализации не главный, а лишь один из многих источников укрепления своего положения. Он определяет стратегию развития страны, контролирует политические и экономические рычаги власти, поддерживает в обществе социальное равновесие, осуществляет защитные функции от посягательств на свое положение со стороны оппонентов, рекрутирует в сферу гражданского управления представителей родственных кланов, наконец, легитимизирует персональный экономический и политический статус личности.

В узкосоциальном аспекте видение этим классом целесообразности экономической либерализации подчинено заботам об усилении всего комплекса обеспечения своей жизнеспособности с персонифицированными властными отношениями, патримониализмом, кровно-родственными связями, трайбализмом, суровой иерархичностью групповых коалиций и альянсов. И там, где экономическая эффективность может нарушить эти базовые компоненты, она является неприемлемой.

Общегосударственному формату политики правящих кругов арабских стран присуще доминирование соображений национальной экономической безопасности. Но не только этих. Будучи, с одной стороны, участниками проводимых транснациональными компаниями глобальных игр, власти арабских стран декларируют свою благосклонность к принципам рыночного хозяйствования и либеральных экономических реформ. С другой стороны, сознавая опасность социальных взрывов и политических потрясений, они проводят осторожную и выборочную политику в области экономической либерализации, все больше склоняясь к реализации известных моделей смешанной экономики.

В существующей политической практике ни одно правительство в мусульманском мире не может отказаться от защиты интересов своей страны. Сколь бы привлекательной не казалась координация национальной политики с установками ведущих мировых держав или «общее регулирование» мирохозяйственных связей, пожертвовать непосредственными национальными преимуществами во имя «нового порядка», который неизвестно кому еще принесет большие дивиденды, с политической точки зрения весьма рискованно.

Таким образом, дальнейшее углубление экономической взаимозависимости сталкивается с преградами на политическом уровне. Если основные решения относительно судеб народов Арабского Востока будут приниматься не их правительствами, а международными финансовыми учреждениями, то о дееспособности национальных политических элит не может быть и речи, становятся также лишены содержания понятия национальной независимости и суверенитета, приобретенные в ходе деколонизации. Да и в каком качестве будет функционировать центральная власть в случае ее отказа от внутреннего суверенитета, который разрывает взаимосвязь между гражданским обществом и государством, или от внешнего суверенитета, парализующего функции государства как члена международной системы? Ни один режим не может переродиться в репродуктор навязанной ему политики, оставаясь при этом легитимным и популярным. Тем более, когда речь идет об откровенных посягательствах на национальные интересы.

Чрезвычайно рискованным является в политике Запада и принцип соединения требований углубления экономических реформ с требованиями политической либерализации. Хотя с позиций западных ценностей принято считать, что либерально-демократические формы правления – это обязательное условие достижения более высоких уровней социально-экономического развития, тем не менее опыт перехода от командной к рыночной экономике опровергает такую взаимозависимость. Наоборот, успешное развитие таких авторитарных стран, как Китай и Вьетнам, наглядно доказало, что авторитарные режимы могут быть более успешными, чем либерально-демократические, с присущими последними проблемами внутреннего социального неравенства и отставания от остального мира.

Во-вторых, «демократический инструментарий» оказался ущербным даже относительно пригодности к требованиям самой экономической либерализации. Хотя программы «структурного оздоровления» и проводятся под лозунгами демократизации, в реальной жизни они требуют усиления аппарата внутреннего принуждения. В то время, как проведение выборов на многопартийной основе остается обязательным

условием предоставления кредитов реципиентам международными финансовыми учреждениями, сами экономические реформы мешают демократизации, поскольку их осуществление невозможно без поддержки армии и авторитарного (формально/фактически) государства, которое силовыми методами вынуждено объяснять «преимущества» нового порядка доведенной до нищеты «игрой рыночных сил» части населения.

В-третьих, возрастающие сомнения вызывает сама пригодность западной демократической модели для внедрения в арабских странах. Главные причины «межцивилизационной расстыковки» состоят как в том, что, по определению бывшего короля Саудовской Аравии Фахда, «демократическая система не подходит для ближневосточного региона, т.к. уклад и традиции его народов отличаются от остального мира» [12, р. 33], так и в том, что сам процесс эволюции политической мысли на Ближнем Востоке происходит в социальной среде, не являющейся ни либеральной, ни плюралистической, ни демократической. Автохтонная же природа самобытной исламской демократии остается непознанной. Европейской гуманитарно-исследовательской традиции, с присущими ей методами объединения демократических и эмансипированных тенденций в обществе и истории, до сих пор непонятны действующие в лоне ислама глубинно-демократические импульсы и закономерности.

Как, скажем, можно перевести на светский язык европейских политологов-обществоведов видение роли государства и общества исламскими фундаменталистами. Ведь с их точки зрения в идеальном обществе «правоверных» («Дар аль-Ислам») гражданское общество автономно от государства, меньшинство автономно от большинства, а сама государственно-политическая модель базируется на религиозном плюрализме в отличие от вестернизированной формы государственности в арабо-исламском регионе, которая ограничивается бюрократической системой суверенитета на определенной территории? [6, р. 424–426].

Созданная по европейским шаблонам в странах Востока демократическая модель содержательно не менее далека от ее западных аналогов, чем авторитаризм. С 1989 до 1999 г. в регионе Ближнего Востока состоялось свыше 80 различных выборов, в которых приняло участие от 69 до 90% электората [4, р. 199–217]. Однако они не стали отражением процессов либерализации политической системы. Ведь по мнению не только арабских приверженцев «общества устоев» (салафитов), но и многих политологов в мусульманских странах западных образцов демократии быть не должно, потому что они несовместимы с исламом. В тех же арабских странах, где демократические принципы и нормы записаны

в конституции, на практике демократия – театрализованный спектакль. «Выборы в арабском мире – это фарс, безобразный маскарад. Все арабские демократии характеризуются практически единодушной поддержкой правителя, кем бы он ни был» [8, p. 58–59].

Например, сам факт успешного проведения демократических президентских выборов в 1999 г. в Египте, Тунисе, Йемене и Алжире не может затмить феномена формальности самой избирательной процедуры. При этом следует принять во внимание, что президент Египта Х. Мубарак был избран на четвертый срок, Бен Али в Тунисе – на третий, А. Салех в Йемене – на второй. И, вдобавок, Х. Мубарак был безальтернативным кандидатом, А. Салеху противостоял один кандидат из его же партии, а в Тунисе к выборам были допущены два представителя мелких политических группировок, которые набрали 0,6% голосов. В Алжире же 6 претендентов от оппозиции сняли свои кандидатуры [Там же, p. 69]. Естественно, события «Арабской весны» взорвали политическую устойчивость, но лишь на ближайшие годы, в Египте, например, до выступления армии и ареста неугодного Западу президента аль-Мурси. В последующие годы избирательная палитра стала шире и разнообразней, но это не влияет на окончательные результаты выборов.

Большие отличия продолжают существовать в политическом статусе и социальных полномочиях партийных формирований в арабском и евроатлантическом «мирах». Политические партии в арабских странах, даже правящие, как и раньше, абсолютно не влияют на процесс разработки и принятия политических решений как партийной, так и государственной верхушкой. Они выстраиваются вокруг эндогамных структур, которые, в очередь, базируются на клановых обязательствах, нередко общей семейной собственности и родственной солидарности.

Например, не считаясь с существованием в Сирии правящей политической коалиции – Национально-прогрессивного фронта с его авангардом, партией БААС, режим президента Х. Асада в этой стране держался прежде на объединении вокруг семейной группы Асадов–Махлюфов, а также когорты видных алавитов, главным образом из числа военной элиты, за каждым из которых, как правило, стояло соответствующее алавитское племя или клан.

В Сомали же похожая ситуация получила обратное развитие. За фасадом правившей в стране в 1970–1980-х гг. Сомалийской революционной социалистической партии политическое равновесие в обществе поддерживалось благодаря тщательному распределению режимом Мохаммеда Сиада Барре властных полномочий в рамках четкой этно-иерархической структуры правящей элиты, которую составляла верхушка племен

долбахант, марехан, миджуртин и огадени. Именно нарушение трайбалистского равновесия в 1980-х гг. в пользу марехан и в ущерб другим племенам, усиленное обострением отношений между лидерами марехан и родо-племенными кланами исак, дир и хавия, вызвало не только крах режима, но и развал сомалийской государственности.

Что же касается политических и общественных неправительственных организаций – оппозиционных партий, прессы, профсоюзных образований – то и они, преимущественно, развернуты на клановой основе, в соответствии с логикой социально-политической адаптации к самобытной арабо-исламской среде.

Таким образом относительно процессов «демократизирования» арабских народов правящие круги Запада выдают желаемую политическую конструкцию за объективную реальность. В то же время всеохватывающие и устойчивые традиционные отношения в арабских обществах, постоянно воссоздаваясь и отчаянно сопротивляясь любым попыткам уничтожения, отвергают или адаптируют на базе собственных принципов вестернизированные политические системы.

Регламентированная экономическая либерализация, внешние попытки нивелирования культурно-исторических особенностей исламской цивилизации привели не столько к гармонизации евроатлантического и арабо-исламского миров, сколько к их отрицательному синтезу. Вот почему, анализируя реакцию арабских сообществ на трагические события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, профессор Университета Джона Гопкинса Ф. Аджамии указал: «Рынки не свели на нет исторические страсти, а столетие мировых высоких технологий еще и не родилось. Однако в противоречивые оскорбленные общества 11 сентября пришло удовлетворение, ... когда триумфатор, который вызывал страх у всего мира, был превращен в пепел и руины нью-йоркских улиц» [2, р. 15–16].

Бесспорное право США, как и любой страны, на противодействие террористическим актам признано международным сообществом. Однако гибкость и корректность американского руководства в решении этой актуальной задачи являются залогом успеха такого решения. В политике Вашингтона, направленной на глобальный ответ международному терроризму, не должна преследоваться цель сакрализации американских национальных интересов на планетарном уровне за счет интересов других народов. А создаваемая действиями развитых мировых держав новая планетарная экономическая архитектура не должна разрушать базовые основы жизни народов арабо-исламского региона, ставить под сомнение право их выбора собственных путей общественного прогресса.

Библиографический список / References

1. Abbas A.J. Management theory in a transitional society: The Arab's experience. *International Studies of Management and Organization*. 1990. Vol. 20. No. 3. Pp. 7–35.
2. Ajami F. The impact of change on stability. *Foreign Affairs*. 2001. Vol. 80. No. 6. Pp. 15–16.
3. Bilbol A. From the “politic” to the “economic”. If economic reform succeeded in Arab World. *Journal of Developing Areas*. 1998. Vol. 32. No. 3. Pp. 361–368.
4. Waldman P. How sheik Omar rose to lead Islamic war. *British Journal of Middle Eastern Studies*. 1999. Vol. 26. No. 2. Pp. 199–217.
5. Guenana N. The Changing Face of Islamic Activism. *Economia International*. 1991. Vol. 44. No. 2–3. Pp. 76–79.
6. Stock F. Intifada. *Economy and Society*. 1997. Vol. 26. No. 3. Pp. 424–426.
7. Ibili A., Enders R., Treicle V. Financial sector reforms in Algeria, Morocco and Tunisia. Washington, 1997.
8. Bellion J. Au nom de la solidarité islangue. *Journal of Democracy*. 2000. Vol. II. No. 3. Pp. 58–69.
9. Haenni P. De quelques islamisations. *Le Figaro economic*. 2000. 20 janvier. Pp. 46–53.
10. Waldman D. Contours et detours du politique. *Le Figaro economic*. 2001. 26 juin. Pp. 81–86.
11. De Sandrine G. Sous la dir. *Les Echos*. 2000. 31 octobre. Pp. 9–10.
12. Political Islam. Berkely, 1997.
13. Al Ahram. 1999. 22 September. (In Arabic).

Статья поступила в редакцию 05.07.2020, принята к публикации 24.09.2020
The article was received on 05.07.2020, accepted for publication 24.09.2020

Об авторе / About the author

Александр Мануэльевич Родригес-Фернандес – доктор исторических наук; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Aleksander M. Rodrigues-Fernandes – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Asia and Africa of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

E-mail: am.rodrigues-fernandes@mpgu.su

А.Б. Ананченко

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Рецензия на монографию:

Богачев А.В., Кузнецов А.В., Хохлов А.А.

Рутены – руги – русь: века, дороги, судьбы.

Самара, 2019

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ананченко А.Б. Рецензия на монографию: Богачев А.В., Кузнецов А.В., Хохлов А.А. Рутены – руги – русь: века, дороги, судьбы. Самара, 2019 // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 1. С. 147–153.

У меня был целый ряд побудительных мотивов, чтобы прочитать эту книгу, а потом и отозваться на нее в формате рецензии.

Прежде всего, появление любой монографии, посвященной ранней истории Отечества, – это всегда событие, к которому стоит отнестись внимательно. А присутствие в заглавии книги этнонима *русь* служит дополнительным стимулом для ее прочтения.

Несколько забегая вперед, отмечу, что источники (археологические, топонимические, антропологические), использованные в качестве материалов для написания книги, имеют широчайший географический охват – от Пиренеев до Урала. И на этом пространстве есть место – Самарская Лука – где автор сей рецензии, будучи студентом-практикантом, принимал участие в археологических раскопках ныне знаменитого городища Лбище. И многие представленные в этой книге артефакты из культурного слоя этого памятника я лично извлекал из земли.

Наконец, на мой взгляд, чрезвычайно важным представляется то, что авторы книги развивают идеи профессора Галины Ивановны Матвеевой, которая еще в начале 1980-х гг. выдвинула революционную для того времени гипотезу о миграции части славянского (протославянского) населения из районов Полесья и Поднепровья на Среднюю Волгу [7; 8].

Книга не является каким-то неожиданным спонтанным выплеском материалов и идей. Скорее, это плод многолетних авторских изысканий (в т.ч. полевых) в области археологии, антропологии, истории и топонимики, предварительные итоги которых методично публиковались как в российских научных изданиях, так и за рубежом – в США, Великобритании, Германии, Греции, Венгрии, Израиле, Болгарии. Особо подчеркнем публикации в таких авторитетных научных журналах, как *Russian History / Histoire Russe* [3] и *Nature* [10].

Структура книги достаточно традиционна для такого рода научных монографий. Она содержит вступительную часть (краткое предисловие и обширное обращение к читателю), три раздела, каждый из которых содержит от двух до четырех глав, отдельную заключительную главу, список источников и литературы, список сокращений, развернутое резюме на английском языке, а также краткие сведения об авторах и редакторской группе.

Во вступительной части авторы, помимо всего прочего, определенно выразились в том плане, что подготовка и выход книги стали возможны в том числе в силу развития Интернета и цифровых технологий. В частности, именно благодаря новым техническим достижениям были оцифрованы и выложены в сети доселе недоступные для широкого читателя многие ценнейшие манускрипты «Географического руководства» Клавдия Птолемея, хранящиеся в библиотеках Ватикана, Италии, США и Финляндии. Именно это обстоятельство позволило авторам опубликовать необходимые в исследовательском контексте фрагменты собственно самих этих документов. И таким образом исчез, условно говоря, современный посредник-толкователь (филолог ли, историк ли), который в силу своего собственного понимания и, конечно, лучших побуждений, мог не вполне аутентично воспроизвести древний текст, используя современные компьютерные шрифты и символы.

Платформа Яндекс-карты, с одной стороны, дала исследователям возможность максимально точной топогеодезической привязки исследуемых материалов. С другой – именно компьютерные карты предоставили авторам возможность словно через увеличительное стекло увидеть совсем небольшие современные населенные пункты, в которых осталось не более 7–12 жителей, и они априори не воспроизводятся на картах и в атласах, опубликованных типографским способом. Таким образом, количество привлеченных для анализа топонимов возросло в разы, что в конечном итоге позволило авторам создать максимально полные карты.

Немаловажным представляется и то, что в процессе написания книги авторам довелось работать не с изображениями источников (археологических и антропологических), а непосредственно с коллекциями, хранящимися в музеях и научных центрах России, Германии, Франции, Италии, Испании, Греции, Кипра. Можно сказать, авторы прошли дорогами героев своей книги.

Кроме того, они сами были участниками раскопок многих археологических памятников, материалы которых публикуются и анализируются в книге. Особо отметим, что были привлечены краниологические материалы из коллекции Волго-Уральского центра палеоантропологических исследований (насчитывающей сегодня около 6 тыс. единиц хранения), которая была создана по инициативе А.А. Хохлова и формировалась на протяжении десятилетий.

Первый раздел книги предваряет достаточно большой текст о методологии научного поиска, о тех «подводных камнях», которые неизбежно ждут историков и лингвистов, берущихся за прочтение старинных манускриптов. Приведен ряд примеров, когда маститые исследователи, профессионализм и научная репутация которых безусловна, совершенно по-разному переводят и толкуют один и тот же текст. Авторы подчеркивают, что многие вопросы, о которых идет речь в книге, находятся в поле дискуссии.

В разделе «Руги и их этнокультурное окружение в первые века нашей эры» анализируются данные, так или иначе связанные с лемовиями, лугами, готами и уругундами. Все эти племена в большей или меньшей степени упоминались античными и средневековыми авторами – Тацитом, Птолемеем, Иорданом, Зосимом, Агафием. В частности, лемовии были упомянуты лишь Тацитом в I в. н.э. Археологически этот прибалтийский (согласно Тациту) этнос не сопоставлен ни с одной археологической культурой. Но на современной географической карте именно на побережье Балтийского моря до настоящего времени существуют топонимы (Лебское озеро, река Лемболовка, Лемболовское озеро, город Лемборк и др.), которые, по мнению авторов книги, восходят к этому этнониму.

В свою очередь, их появление, равно как и рутиклиев, и лугов в Прибалтийском регионе, авторы связывают с миграцией кельтских племен из Галлии: «и в этнонимии, и в археологическом материале эпохи раннего железного века определенно фиксируются связи регионов Южной Франции (территория рутенов и их соседей) с районами южной Прибалтики (населенными в I в. н.э. ругиями, лемовиями и лугами)» [4, с. 31].

На достаточно определенную связь Прибалтийских ругов и рутенов из Руерга (Франция) историки, в частности, А.Г. Кузьмин, уже обращали внимание [6, с. 594].

Сравнительный анализ написания этнонимов из шести разных манускриптов «Географии» Птолемея позволил авторам увидеть и показать

огрехи переписчиков этого труда: «можно встретить четыре версии написания этого этнонима (именительный падеж, множественное число): Rutidij, Rutilcij, RHVITCLII, Rutilcii. Судя по манускриптам 1482 и 1460–1477 гг., принципиальный сбой произошел в тот момент, когда кто-то из предшественников переписчиков две близко расположенные буквы “с” и “l” ошибочно воспринял как букву “d” и воспроизвел ее соответствующим образом» [4, с. 35–36].

Мне представляется чрезвычайно важным, что благодаря тому, что в монографии опубликованы подлинные (аутентичные) страницы из всех этих манускриптов, читатель (будь то исследователь-профессионал или просто любитель истории) может самолично сравнить собственно сами источники.

Глава IV, посвященная племенам уругундов, упомянутых Зосимом, а также буругундам, о которых писал Агафий, помимо анализа текстов источников, содержит археологические материалы, связанные с гуннской проблематикой. Особо подчеркнем, что, например, принципиально важные для понимания хронологии той эпохи артефакты, найденные в могильниках Шипово и Верхнее Погромное, представлены в книге не в виде воспроизведения, как выясняется, не всегда точных прорисовок из работ предшественников, а собственными фотографиями, снятыми в Государственном Эрмитаже и в Саратовском областном музее краеведения. Фото различных ракурсов этих вещей позволяют снять все вопросы, связанные с их типологией и хронологией.

Это понимание, в свою очередь, задает важный хронологический контекст, в котором и разворачивались собственно исторические события. Авторы приходят к выводу о том, что «есть определенные основания считать *буругундов* Агафия и *уругундов* Зосима ветвями *ругов* – выходцев из кельтского мира» [Там же, с. 108]. Что касается германского племени готов (главы III и V), то истории этого «блуждающего» народа посвящено очень много книг, в т.ч. фундаментальные работы «Готский путь» М.Б. Щукина и «Готы» Х. Вольфрама. Однако вопросы готской топонимики в названных монографиях были лишь обозначены в двух-трех абзацах [5, с. 39; 9, с. 48].

Авторы рецензируемой книги опубликовали около 68 топонимов германского происхождения в Восточной Европе и в Зауралье, связанных с расселением готов и с завоеваниями готского короля Германариха.

Представляется важным, что эти топонимы территориально накладываются на районы, где исследованы комплексы и артефакты (большие дома, урновые трупосожжения, керамика, согнутые мечи из погребений, полиэдрические серьги), связываемые исследователями с физическим присутствием готского населения. И если говорить, например, о больших (длинных) домах, являющихся четкими маркерами черняховской

(готской) культуры, то в книгу вошли материалы из этих жилищ, раскопанных на городище Старая Майна (Ульяновская область) одним из авторов монографии [2].

Второй раздел рецензируемой монографии (главы V и VI) посвящен миграциям племен первой половины I тыс. н.э. из Центральной Европы на Восток – на Среднюю Волгу и на Каму. Этот раздел во многом «завязан» на сообщении готского историка VI в. Иордана о неких северных племенах, покоренных Германарихом, в числе которых были роги. Авторы подробно разбирают аргументацию исследователей (Б.А. Рыбаков, В.В. Седов, И.В. Зиньковская, В.В. Напольских и др.), по-разному толковавших этноним *ROGI*. Кроме того, анализируются отдельные типы артефактов (поясные наборы), которые, по мнению ряда исследователей, имеют центральноевропейское происхождение. Были привлечены к анализу и данные антропологии (краниологический материал из Азелинского и Суворовского могильников азелинской культуры), которые однозначно подтверждают, что «формирование носителей азелинской культуры происходило, видимо, в результате биологического смешения популяции мигрантов с запада и местного прикамского населения» [4, с. 138]. Важным подтверждением прихода в этот регион центральноевропейских ругов/рогов является наличие в Прикамье ряда топонимов (Рожки, Роговка и др.), восходящих к этнониму роги.

Судя по всему, вместе со славянами (именьковская культура), о миграции которых писала профессор Г.И. Матвеева, в Волго-Камский регион переселились и какие-то отделившиеся от основного этнического ядра группы ругов/рогов, а также готы и аланы. Причем, судя по материалам погребального обряда (Коминтерновский могильник и др.), на Средней Волге происходила интенсивная метисация славян с готами и аланами, а в Волго-Вятском междуречье – рогов с местными прикамскими племенами.

В главе VII (раздел III) анализируются данные письменных источников (Иордан, Павел Диакон, Прокопий Кесарийский, Евгипий и др.), касающиеся вопросов этнополитического и военного взаимодействия ругов с другими европейскими этносами в середине I тыс. н.э. и их дальнейшего расселения в Италии.

Глава VIII содержит самую полную на сегодняшний день сводку (и карту) топонимов, восходящих к этнониму *руги*. Предлагаются карты, реконструирующие возможные пути расселения ругов в Европе. Авторы обращают внимание на тот факт, что ружские топонимы Русской равнины в значительной степени совпадают с границей Древнерусского государства. Формулируется гипотеза о том, что «в своем движении на восток руги (кельты), попав на славянские земли, фактически покинули *группу кентум* и присоединились к *группе сатем*. При этом

целый ряд велярных звуков (в частности, звук, обозначаемый согласной «g» в этнониме *gugi*) превратился в свистящие. Так, вероятно, появился этноним *русь*» [4, с. 228–229].

Глава IX посвящена анализу антропологических данных. Краниологические материалы из памятников Волго-Вятского междуречья (азелинская культура), Среднего Поволжья (лбищенский тип) и Украины (черняховская культура) были сопоставлены с материалами Центральной Европы (Германия, Швейцария, Австрия, Словения, Босния, Венгрия) и Прибалтики (Литва). Авторы, помимо всего прочего, пришли к выводу, что представители черняховской культуры генетически были связаны не только с готами, но и с кельтами.

В заключительной части подводятся итоги исследования и формулируется гипотеза о значительной роли ругов, вышедших из придунайской провинции Норик, в этногенезе поднепровских славян.

Мне представляется важным и интересным отметить, что одновременно с выходом рецензируемой монографии в научном журнале «Исторический формат» была опубликована статья историков К.А. Анисимова и Н.А. Рогожина «Русь и руги в средневековых письменных источниках», авторы которой приходят к выводу о том, что «на протяжении X – первой половины XI вв. существовала устойчивая традиция отождествления русской элиты с ругами, древним народом, следы которого теряются в VI в. в Северной Италии и Среднем Подунавье... Все это позволяет с большим вниманием отнестись к теории о связях руси с ругами, развивавшейся в работах А.Г. Кузьмина» [1, с. 106].

В обращении к читателю А.В. Богачев, А.В. Кузнецов, А.А. Хохлов также отметили, что «идеи, изложенные в нашей книге, доказывают и развивают многие положения А.Г. Кузьмина, но уже на базе новых групп источников» [4, с. 12].

В заключение не могу не отметить, что рецензируемая монография изобилует большим количеством таблиц, где собраны данные по археологии, антропологии и топонимике, которые можно рассматривать как самостоятельный источник.

Представленные авторами карты (археологические и топонимические) максимально точны, т.к. сформатированы с применением современных компьютерных картографических платформ.

Книга содержит свыше 150 иллюстраций, где представлены тысячи цветных фотоизображений артефактов, которые также следует рассматривать не иначе как объективно вводимые в научный оборот источники (в отличие от каких-либо авторских субъективных прорисовок артефактов).

В монографии есть достаточно обширное резюме на английском языке, которое поможет ознакомиться с основными выводами специалистов, не владеющим русским языком.

Форма книги (большой формат, твердый переплет, мелованная бумага, полноцвет), ее структура, содержание и манера подачи материала оставляют самое благоприятное впечатление.

Это первое в истории монографическое исследование о ругах, которое, надеюсь, с интересом и благожелательностью будет принято и научным сообществом, и всеми, кто интересуется историей.

Библиографический список / References

1. Анисимов К.А., Рогожин Н.А. Русь и руги в средневековых письменных источниках // Исторический формат. 2019. № 1 (17). С. 98–111.
2. Богачев А.В. Большой дом Старо-Майнского городища // Археологические исследования в лесостепном Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара, 1991. С. 159–171.
3. Богачев А.В. Проблемы этнокультурного взаимодействия оседлых и кочевых племен Среднего Поволжья в середине 1 тысячелетия // Russian History / Histoire Russe. 2001. Vol. 28. No. 1–4. [Festschrift for Th.S. Noonan]. Pp. 105–136.
4. Богачев А.В., Кузнецов А.В., Хохлов А.А. Рутены – руги – русь: века, дороги, судьбы. Самара, 2019.
5. Вольфрам Х. Готы / Пер. с нем. Б.И. Миловидова, М.Ю. Некрасова; Под ред. М.Б. Шукина, Н.А. Бондарко и П.В. Шувалова. СПб., 2003.
6. Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // Гедеев С.А. Варяги и Русь. М., 2004. С. 576–620.
7. Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 52–73.
8. Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в середине I тысячелетия н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 158–171.
9. Шукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.
10. Naak W., Llamas B., Cooper A. et al. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature*. 2005. Т. 522. № 7555. С. 207–211.

Сведения об авторе / About the author

Ананченко Алексей Брониславович – кандидат исторических наук; заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, директор Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Alexey B. Ananchenko – PhD in History; head at the Department of Contemporary Russian History, head at the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

E-mail: hispol@mpgu.su

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2021.1

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 30.03.2021 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 9,625 п. л. Тираж 1000 экз.